ВЕЛИКОЕ ДЕЛО МИНИНА и ПОЖАРСКОГО

СБОРНИК

под редакцией Н. М. ДОБРОТВОРА

г. ГОРЬКИЙ
1944

196
Д8 145196

ТРУДЫ
ГОРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени А. М. ГОРЬКОГО
ВЫПУСК XI

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

И. В. Сталин.

ВЕЛИКОЕ ДЕЛО МИНИНА и ПОЖАРСКОГО

СБОРНИК

под редакцией Н. М. ДОБРОТВОРА

861596

г. ГОРЬКИЙ
1943

Пуб. Библ.
№
198 г.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

ВЕЛИКОЕ ДЕЛО МИНИНА И ПОЖАРСКОГО

Н. М. Добротвор

В дни отечественной войны с германским фашизмом замечательные национальные герои и великие патриоты Кузьма Минин и Димитрий Пожарский не только не потеряли своего исторического значения, но, наоборот, неизмеримо выросли в наших глазах. Мы стали глубже понимать их бессмертный подвиг, их несокрушимую любовь к родине, их мужественную самоотверженность и храбрую решимость защищать до конца независимость родной земли.

Товарищ Сталин в момент самых суровых испытаний для нашей советской отчизны, когда фашистские людоеды стояли под самой Москвой, когда железные шеренги советских патриотов упорно сдерживали их натиск, не случайно обратился к нашим великим предкам — национальным героям, славным полководцам русской земли и поднял высоко их мужественный образ.

Александр Невский, Димитрий Донской, Кузьма Минин, Димитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов — они поставлены в один ряд, как истинные богатыри русского народа, защитившие честь и независимость родины. Они вдохновляют советский народ, нашу могучую Красную Армию на новые ратные подвиги, они воодушевляют каждого из нас, удесятеряют нашу энергию, силы, способности, энтузиазм.

Советские люди — достойные патриоты своей отчизны. Уже немало среди нас героев отечественной войны, которые идут по стопам Мининых и Пожарских. Их многие тысячи. Их будет еще больше. Война рождает героев. Минин и Пожарский в каждом из нас, в каждом, кто любит беззаветно свою социалистическую родину.

* * *

Окружная грамота московских жителей в разные города об их разорении и утеснении, посланная в январе 1611 г., призывала к борьбе с врагами родины — интервентами.

«Пишем мы к вам, православным крестьянам, общим всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным крестьянам. Пишут к нам, братья наши, разоренные и плененные, которые отцов и матерей, и жен, и детей своих оставших в последнем оскудении дошедших и неимущих, где главы подклонити, как нам всему крестьянскому народу московскому, так и вам ничего для, токмо для единого Бога всемогущего, видячи в конец погибели пришедших всех нас, утвердить совет, как нам, всем православным крестьянам, останку не погибнути ото врагов всего православного крестьянства» [1].

Окружная московская грамота была послана в тот момент, когда в народе уже начиналось движение против интервентов, когда вокруг Москвы собирались и действовали отряды так называемых «шишей», состоявших из крестьян, которые вели партизанскую борьбу с панами и их наемниками.

Польские авантюристы хозяйничали в русском государстве бесцеремонно. Сначала они действовали под прикрытием самозванца Лжедимитрия I, захватившего московский престол.

После убийства в Москве Лжедимитрия I паны создали новую ширму для своих агрессивных намерений.

Своеволию иноземных захватчиков не было предела. Они забирали имущество крестьян, грабили дочиста жителей, издевались, оскорбляя лучшие чувства народа, не считались ни с законами, ни с обычаями страны. Например, крестьяне Порецкой волости в особой челобитной (в 1609 г.) указывали на обиды и убытки, понесенные от разбойничьего набега иноземных авантюристов.

«Нас, бедных, извоевали»», — писали крестьяне. Их челобитная дает подробное перечисление того, что было взято интервентами: 11 лошадей, 9 коров, 20 сермяг, 30 зипунов, 12 топоров, 26 кос и т. п. Обращает на себя внимание то, что наряду с лошадьми и коровами, шубами и сермягами грабители отбирали у крестьян такие предметы, как топоры, косы, сошники и серпы. Захватчики боялись, что крестьяне используют железные предметы, как топор и коса, в качестве орудия борьбы против них. Ясно также, что лишение крестьян орудий труда вело к невозможности для них вести сельское хозяйство.

Крестьяне неорганизованно боролись с захватчиками.

---

[1] „Действия Ниж. губ. ученой архивной комиссии", т. XI, стр. 47.

Серьезное движение против захватчиков начиналось на севере, в районе Вологды и Великого Устюга. Также — в Поволжьи. В Павлове, например, «мужики... хотели переимать... и отвести в Нижний павловских стрельцов, пришедших от вора» (Лжедимитрия II)[1].

Нижний-Новгород выступал активно против самозванца Лжедимитрия II.

Когда в 1610 г. польский король начал открытое вмешательство в московские дела, осадил Смоленск, послал регулярные войска под Москву, возмущение русских людей действиями заносчивых и наглых панов еще более возросло. Занятие Москвы интервентами осенью 1610 г. вызвало широкую волну патриотического подъема, нашедшего свое выражение в создании отрядов, ополчений на местах для борьбы с коварным врагом.

Господство интервентов приводило страну к тяжелому хозяйственному разорению. В Нижегородском уезде в двух его станах за время господства иноземных насильников запустели 14 процентов дворов. Любомиров, приводя в своей книге эти данные, заимствованные у нижегородского краеведа Садовского, считает, что эта цифра заниженная, на самом деле опустевших дворов было больше.

Н.-Новгород был в то время одним из наиболее растущих городов. Завоевание в XVI веке Иваном IV Казани и Астрахани открыло широкие перспективы для роста торговли в Н.-Новгороде. То обстоятельство, что в ту эпоху можно было делать только один рейс в навигацию вниз или вверх по Волге от Нижнего-Новгорода, делало его как бы естественным центром Поволжья.

Н.-Новгород с конца XVI века стал крупнейшим транзитным городом, куда поставлялись товары с далекого Востока для переотправки в Москву. Недавно опубликованные на русском языке мемуары итальянца Ф. Тьеполо, побывавшего в Московском государстве во второй половине XVI века, ясно указывают на транзитное значение нижегородского речного порта.

«После того, как она (Астраханская область) попала под власть московитов, открылось плавание по Волге, до тех пор очень затрудненное, а поэтому персы и армяне снова стали возить пряности и другие товары, которые оттуда переправляют дальше вверх по Волге, Оке и Москве в Москву»[2].

---

[1] Цитируется по книге Любомирова „Очерк истории нижегородского ополчения“, изд. 1939 г., стр. 31.

[2] „Рассуждения о Московии“. Ф. Тьеполо. Сб. „Исторический архив“, 1940 г., т. III.

Н.-Новгород был одним из крупнейших городов русского государства. «Все великорусские города, — писал известный историк-демократ Щапов, — на основании колонизационной группировки, делились на три разряда: на города верховые, понизовые и поморские. Новгород Великий, Вологда и Н.-Новгород были главными и древнейшими средоточиями колонизации всех этих городов, с их уездами и волостями, колониями их» [1].

По писцовой книге 1621 г. в Н.-Новгороде было 2256 жилых дворов, из них большая часть принадлежала посадским людям (по мнению историка Любомирова было до 2.000 посадских дворов), при этом надо принять во внимание, что в 1617 г. в Н.-Новгороде был пожар, сгорело 725 лавок и амбаров, были вынуждены покинуть город 853 семьи, а в 1618 г. новый пожар уничтожил сразу 293 двора, так что вполне вероятно, что в 1611 — 1612 гг. в Н.-Новгороде было больше жилых дворов, чем это указано по писцовой книге 1621 г.

Нижегородский посад расширялся, рос. Приходили новые люди, торговцы и ремесленники из других соседних городов и поселялись на живописных берегах Волги и Оки. Так, например, переселился в Нижний из Балахны отец Минина, по роду занятий мелкий торговец.

События первого десятилетия XVII века, особенно вторжение и хозяйничание интервентов, сильно расстроили торговую и промышленную деятельность Нижегородского Поволжья. Нижегородцы, преимущественно посадские люди, непосредственно интересовались событиями, происходившими в Москве, как и в других городах русского государства. Они немедленно откликались на них, выясняли подробно политическую обстановку, сложившуюся в стране. Так, нижегородец, посадский человек Родя Моисеев с боярским сыном Романом Пахомовым был послан в Москву за инструкциями, как действовать против иностранных захватчиков. Патриарх Гермоген, видимо, не доверял посадскому человеку и его спутнику и передал им поручение не в письменной, а в словесной форме, ссылаясь на то, «что у него писать некому, дьяки и подъячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен» [2].

Когда Прокопий Ляпунов формировал первое ополчение, то Н.-Новгород одним из первых присоединился к патриотическому движению. Л. М. Сухотин в статье «Народ-

---

[1] Щапов. Сочинения, т. I. Изд. 1906 г. Ст. „Великорусские области и Смутное время", стр. 692.

[2] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии", т. XI, стр. 49.

ное движение 1611 — 1612 гг.[1] склонен считать, что Нижний-Новгород стал чуть не руководителем движения и несомненно содействовал его дальнейшему распространению.

Первое ополчение составилось под воздействием Гермогена, который все же не призывал народ к восстанию, не было от него «повеления на кровь дерзнути». В «Новой повести о преславном Российском царстве» автор говорит определенно, что Гермоген сам не подает знака к восстанию.

Первое ополчение не было однородно по своему составу, главную роль в нем пытались играть дворяне типа Ляпунова. Руководящее ядро первого ополчения, в первую очередь, заботилось о том, чтобы наделить дворян землей, чтобы восстановить и укрепить их привилегии.

Дворяне при проведении своей узкоклассовой политики встретили серьезное сопротивление со стороны крестьянства и казачества. Об этом замечательным образом свидетельствует борьба арзамасских крестьян со смоленскими дворянами, «испомещенных» правительством первого ополчения на землях Арзамасского уезда.

«И смольняне пришли в Арзамас и стали все в селе в Выездной слободе под градом, и дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях и стояли многое время и бои с мужиками были, только мужиков не осилели, помогали мужикам Арзамасские стрельцы триста человек» (из «Хронографа Столярова»).

В этом документе указывается на общность интересов крестьян и стрельцов, которые по существу были представителями городского торгово-ремесленного населения в борьбе против дворянских крепостнических стремлений.

Дворянство не смогло стать во главе общенационального движения, не объединило народные силы в войне с интервенцией. Внутри первого ополчения усиливался классовый антагонизм, росла рознь между отдельными социальными группами, особенно между казацкой массой и дворянами. Прокопий Ляпунов был казаками убит, дворяне уходили из-под Москвы домой, и ополчение летом 1611 г. распалось.

Интервенты разоряли русскую землю не только в западных и центральных районах страны, но и на севере.

Шведские феодалы, собрав звериную ораву немецких наемников, жаждавших наживы и богатой добычи, наступали со стороны Прибалтийского побережья, а также на побережьи Белого моря.

---

[1] „Чтения в Имп. общ. истории и древностей российских", 1913 г., кн. 4.

Но им русские люди давали на севере сокрушительный отпор, о чем свидетельствуют документы того времени, хотя немцам и удалось разорить многие русские деревни.

«Немецкие воинские люди приходили (в 1611—12 г.) войною с снарядом под Колской Острог и приступали накрепко, и хотели за щитом Колской Острог взяти, и бог им того не подал; и после того... немецкие люди... порубежные волости повоевали и деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли» [1].

Русский народ всегда был свободолюбивым, готовым итти на самую ожесточенную борьбу с захватчиками его земли.

Народные массы рвались в бой с иноземными насильниками. Восстание городского люда в Москве против иноземных оккупантов в марте 1611 г. показывало, что в народе были скрыты огромные потенциальные силы, но не было руководства, чтобы эти силы поднять, возглавить и направить на победоносное завершение борьбы за родину.

Настал самый тяжелый, самый трагический момент в жизни русского государства. Оно не только распалось, оно находилось на краю окончательной гибели. Не было централизованной власти, не было политического единства, все шли врозь. Попытка объединить силы для совместной борьбы за восстановление отечества в лице первого ополчения не удалась. Не было создано необходимого единства, но в душе каждого крестьянина, каждого горожанина горело желание помочь родине, вывести ее из гибельного состояния. Как это сделать? Кто бы объединил русский народ в одно целое?

В мрачные дни осени 1611 г., когда государство, казалось, безвозвратно гибнет, раздался мощный голос из Нижнего-Новгорода, зовущий к единству и сплочению народных сил во имя спасения отчизны. Он принадлежал посадскому человеку, «говядарю» Кузьме Минину.

Минин был облечен исключительным доверием и уважением со стороны нижегородского посада. К сожалению, до нас не дошли факты из общественной деятельности Минина до октября 1611 г.

Мы не знаем, как было подготовлено его выступление за организацию второго ополчения. Будет правильным предположить, что Мининым была проведена предварительная работа, прежде чем он выступил с планом созда-

---

[1] Проф. Г. А. Замятин „Походы шведов в Поморье в начале XVII в." „Ученые записки Молотовского Гос. Педагогического ин-та". Вып. 8. 1941 г., стр. 63.

ния вооруженных сил народа. В этом отношении большой интерес представляет «Хронограф кн. И. А. Оболенского», который рассказывает, что Минин предварительно завербовал до 1½ тысяч единомышленников и собрал 1.700 рублей «третьей деньги» и только после этого об'явил об ополченском деле согражданам. Возможно, что сообщаемые «Хронографом» цифры не точны, но то, что Минин не сразу объявил об организации ополчения, а провел сначала подготовительные мероприятия, едва ли может оспариваться.

Нужно начисто отвергнуть утверждение ряда историков, что организация нижегородского ополчения началась по призыву Троицкого монастыря. Еще историк Забелин (в XIX в.) доказал, что троицкая грамота, посланная 6 октября 1611 г., не могла послужить отправной точкой в организации ополчения, так как к моменту получения троицкой грамоты в Н.-Новгороде здесь уже было развернуто народное ополченское движение.

П. Г. Любомиров в «Очерке истории нижегородского ополчения» определенно говорит, что «была ли получена в Нижнем троицкая грамота или нет, с нее во всяком случае нельзя начинать историю ополчения» (стр. 52).

С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» вопрос об организации нижегородского ополчения связывает с соединением тяглых людей (посадских) с нижегородской администрацией — духовенством и дворянством. От этого соединения, как полагает Платонов, и пошло нижегородское ополчение.

Платонов вынужден был признать, что посадские люди «взялись за трудное дело очищения государства и восстановления порядка, с каким не могли сладить ни московские бояре, ни дворяне ляпуновского ополчения. Умудренные неудачею предшествующих попыток, городские мужики с особой осмотрительностью устраивали дела своего ополчения» (стр. 404).

К какому времени отнести момент организации нижегородского ополчения? Подготовка к организации нового ополчения велась Мининым особенно активно, как нам кажется, с момента, когда он был избран земским старостой, т. е. примерно с 1 сентября 1611 г.

Кончался сельскохозяйственный год. Крестьяне, убрав хлеб, чаще стали наведываться в город; там, на базаре, в разговорах крестьян с городскими людьми затрагивался наиболее волнующий всех вопрос о положении русского государства, о развале всей общественно-политической,

бытовой и хозяйственной жизни, о необходимости борьбы с иноплеменниками-супостатами.

Крестьяне (особенно государственные крестьяне) с самого начала были привлечены Мининым к участию в ополчении. Но нужно было выяснить их настроение, их отношение к задуманному большому делу.

Призыв Минина к гражданам подняться на общую борьбу с польскими панами был вызван, как нам кажется, непосредственно тем, что гетман Ходкевич с новыми отрядами польских вооруженных сил подошел к Москве. В Кремле польский гарнизон изнемогал от голода. Ему на выручку и пришел Ходкевич. Он расположился лагерем под Москвою в с. Красном 25 сентября 1611 г. Прибытие новых польских отрядов было важнейшим событием в ходе интервенции. Печальная весть об усилении интервенции дошла до Нижнего едва ли раньше 30 сентября.

И надо полагать, что именно 1 октября, на праздник Покрова богородицы, когда в Н.-Новгороде в церквах и на базарной площади было большое скопление людей, вслед за получением вести о приходе Ходкевича под Москву, Минин обратился к народу с призывом организовать второе ополчение.

«Минин не имел той величавой наружности, того разительного взора, кои обращали бы на себя внимание с первого взгляда, но, подобно драгоценному камню в грубой коре сокрытому, он неприметен был в толпе народной. Лицо его было сурово, как лицо Брута; в поступках своих был тверд, справедлив, как Аристид; был молчалив, как Хилон, но когда потребно было поддержать истину, вступиться за невинность, тогда он отверзал уста, тогда гремел, ничего тщетно не произносил и что говорил, того никогда не стыдился»[1].

Текст речи, произнесенной Мининым на нижегородской площади, до нас дошел в краткой передаче летописца и авторов, записавших его в сказаниях и воспоминаниях современников.

Речь Минина была простая, искренняя, глубоко прочувствованная, доходившая до сознания каждого, по содержанию высоко патриотическая.

«Православные люди! — говорил Минин. — Если нам похотеть помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токмо животов... дворы свои продадим, жен и детей своих заложим... Дело великое! Мы совершим его... И какая хвала будет нам от всей земли,

[1] П. Львов—„Пожарский и Минин", изд. 1810 г., стр. 93.

что от такого малого города произойдет такое великое дело. Я знаю: только мы на это поднимемся, многие города к нам пристанут, и мы избавимся от чужеземцев».

Выступление Минина вызвало широкий подъем в народных массах. Тут же начался сбор пожертвований. Как упоминается в некоторых сказаниях, сам Минин отдал «свое имение, монисты, пронизы и басмы жены своей Татьяны и даже серебряные и золотые оклады, бывшие на святых иконах».

Женщины снимали ожерелья, кольца, перстни, вынимали серьги из ушей и отдавали их на общее дело.

Даже, рассказывают современники, бедные и нищие, ничего не имевшие, снимали с себя кресты и жертвовали их в пользу отечества.

А. М. Горький, рассказывая об известной картине В. Маковского «Минин», дает такое описание патриотического порыва, охватившего тогда народные массы:

«Толпа льет с горы лавиной, она чувствуется и за серой угрюмой стеной Кремля. Седобородый мужик истово крестится — он только что положил к ногам Кузьмы икону в ризе... Белоголовая девчоночка, держась сзади за шубенку матери, несущей к кадке свои платья, улыбается блеску кубков и братин, лежащих на земле.

Отовсюду тащат яркие платья, ларцы, посуду из серебра; штоф, парча, шелк валяются кучами под ногами людей. Красавица-боярыня с жгучими глазами и матово-бледным лицом вынимает серьги из ушей; неподалеку от нее какой-то странник, плут и пьяница, судя по его лисьей роже, подняв к небу руку, важно проповедует что-то. Позади Минина молодой стрелец, взмахнув в воздухе тяжелой секирой, орет во все горло и глаза его налиты кровью.

Всюду возбуждение страшное...

Толпа глубоко народна. Видишь, что это именно нижегородский народ; весь Нижний встал на ноги и рычит и мечется с силой ужасной, готовый все ломать с плеча...»

Минина прежде всего поддерживали посадские люди. Они были основной силой при организации нижегородского ополчения. Городской посадский люд, торговцы и ремесленники, руководимые Мининым, возглавили начавшееся движение, к которому примкнуло крестьянство и присоединились дворяне и духовенство.

По данным писцовых и платежных книг Нижегородского уезда, в деревнях после изгнания интервентов была выявлена значительная убыль крестьянского населения. Часть крестьян несомненно ушла из деревни, бросив хозяйство и примкнув к отрядам восставших в период

крестьянской войны под руководством Болотникова. Но значительная часть крестьян пошла в ополчение защищать родину от обнаглевших врагов. Например, в сельце Елизарово остались: 1 двор помещика, 3 двора людских, 2 двора бобыльских и 20 дворов крестьянских — пустых; в селе Меленьи было пустых дворов: 60 крестьянских и 8 бобыльских; в с. Обабкове — 10 пустых крестьянских дворов и т. д.[1]

Минин вместе с посадскими людьми, подняв широкое демократическое движение, поставил вопрос об оформлении власти, создании авторитетного центра.

Как сообщает «Книга о чудесах преподобного Сергия», нижегородцы «приговор всего града за руками устроища, иже во всем Козьмы слушати». Скупых и ленивых Минин заставлял жертвовать и с «нужею» (т. е. по принуждению). Минин «уже волю взял над ними по их приговору» (решению)[2]. Минин закладывал крепкую материальную основу в дело организации ополчения. Он добился того, что в ополчение отдавали одну пятую деньгу ($^1/_5$ часть) капиталов и торгового оборота. Минин «окладывал» сбором соседние города (например, Балахну, Гороховец). Он производил заем у иногородних купцов, находившихся в Нижнем-Новгороде (было у них взято 5206 рублей). Во главе созданного центра по организации ополчения стоял Кузьма Минин, который из земского старосты превратился «в выборного человека всей земли». «Воздвизает бо некоего от христианского народа мужа рода не славна, но смысла мудра, его же прозвание нарицаху Козьма Минин, художеством бяше преже говядарь» («Иносказание»).

Минин действовал в контакте с существовавшими в Н.-Новгороде местными властями. В дальнейшем был создан «Совет всея земли», являвшийся по своему характеру «временным правительством», в состав которого вошли некоторые представители местной власти. Минин начал организацию военных сил, вербовку ратных людей. В «Хронографе Столярова» говорится о приглашении Мининым смоленских дворян, находившихся в Арзамасском уезде:

«Из Нижнева Новгорода посадские люди к ним присылали, чтоб к ним в Нижний пришли, а как смольняне в Нижний-Новгород пришли, земской староста посацкий человек

---

[1] Из ст. А. Садовского—„Выборка из писцовых и платежных книг Нижегородского уезда“, „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии“, т. IV, стр. 13—17.

[2] С. Платонов—„Древние русские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник“.

Кузма Минин и посадские люди приняли смольнян честно и корм им и лошадям стали давать довольно и всем их покоить для того, что они люди разореные».[1]

В большом количестве записывались в ополчение добровольцы: крестьяне, городские люди, дворяне. В противоположность существовавшим традициям и установившемуся раньше порядку Минин ввел новый, демократический принцип в организации ополчения: было введено денежное жалование для ополченцев, причем все они были поверстаны на четыре оклада. Поверстанные по первому окладу получили 50 р., по второму — 45 р., по третьему — 40 р. и четвертому — 30 рублей.

Новый демократический принцип (денежное жалование для всех ополченцев вне зависимости от того, кто он: дворянин или крестьянин, делало всех формально равными в деле защиты родины) соответствовал социальному составу ополчения. В ответе поляков Пожарскому осенью 1612 г. давалась характеристика сил нижегородского ополчения.

«Напрасно царевой земли, — писали поляки Пожарскому, — шишами и блинниками не пустошите, лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп попрежнему возделывает свою борозду, поп пусть бережет церковь, Куземки пусть забавляются своей торговлей».

Отсюда видно, что главную роль в ополчении играли крестьяне и посадские люди, с которыми вместе действовали дворяне. Только в дальнейшем дворяне оттеснили крестьян и посадских и получили преобладающее значение при выборах русского царя.

Когда стало формироваться ополчение, встал вопрос о выборе военачальника. Единственной кандидатурой на пост военного предводителя, которую поддерживали посадские люди и которую выдвигал Минин, был князь Димитрий Пожарский. Он был в военном деле «искусен и во измене не явился».

Приход в Нижний-Новгород смольнян, дорогобужан и вязьмичей совпадал с приездом Пожарского, согласившегося стать во главе ополчения.

Минин и Пожарский, олицетворявшие единство русского народа, начали приводить в боевую готовность привлеченные ими силы, начали расширять движение, распространять его по всему Поволжью, на север, на северо-восток и на юг. Отовсюду шли деньги, средства, люди. Нижний-

---

[1] „Действия Нижегородской губ. ученой архивной комиссии", т. XI, стр. 413—414.

Новгород стал центром всероссийского движения. До весны 1612 г. ополчение находилось в Нижнем-Новгороде, а затем побережьем Волги двинулось к Ярославлю.

* * *

«Идея защиты своего отечества, — говорил товарищ Сталин, — во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию».

Идея защиты родины является основной идеей для советских людей в дни отечественной войны с фашизмом. Идея защиты родины владела умами и чувствами русских людей, поднявшихся на борьбу с оккупантами в XVII веке.

Сколько самопожертвования было проявлено тогда! Люди отдавали даже последнее имущество в мининский «фонд обороны», беззаветно жертвовали своей жизнью!

Сколько примеров истинного патриотизма показали тогда простые горожане и крестьяне, сколько государственной мудрости, организованности, настойчивости, воли, изобретательной инициативы обнаружили вожди нижегородского народного ополчения Минин и Пожарский!

Мужественный образ Минина и Пожарского отражает великие дела русского народа, освободившего Москву от иноземного ига. И слава этих героев неизбывна. Они — неумирающий пример для всех грядущих поколений.

В наши дни еще несокрушимее единство вооруженного народа. Следуя примеру своих великих предков, советские люди из своих средств внесли на вооружение Красной Армии в короткий срок семь миллиардов рублей. Колхозник Ферапонт Головатый и многие другие, внесшие по 100 тысяч рублей и больше, поступили истинно по-минински.

В свое время А. М. Горький писал, обращаясь к советским людям:

«Что можете вы противопоставить врагу, который еще достаточно силен?

У вас есть все, что должно обеспечить вам победу, и прежде всего — это ваша энергия. В соединении с сознанием необходимости борьбы она еще более должна возрасти и принять еще более строго организованные формы».

Именно, у нас есть все, что обеспечивает нашу победу над гитлеровскими людоедами.

Советский строй создал поколение людей, которые способны раскрыть неисчерпаемый запас энергии, проявить чудеса храбрости, геройства и мужества, дать изумительные примеры любви к родине.

Герой Советского Союза летчик М. Громов совершенно справедливо в одной из своих статей писал:

«Человек не может случайно стать храбрецом. Если он совершил действительно храбрый поступок, значит он был подготовлен к нему и в трудную минуту полностью сумел проявить все свои способности и знания».

Наши советские люди — люди нового мира. Они молоды неистребимой силой сознания правоты своего дела.

Каждый геройский поступок на фронтах отечественной войны это — шаг молодости, идущей вперед.

Задором юности, свежестью весенних цветов дышит и подвиг медсестры, спасающей жизнь красноармейцу, и отвага советского летчика, сбивающего фашистского коршуна, и беззаветная настойчивость партизана, громящего немецкий тыл.

Наступающие части могучей Красной Армии это — шаги Ильи Муромца, вобравшего в себя всю силу народную и всю ленинско-сталинскую мудрость. Это шаги Мининых и Пожарских.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ НАРОДНОЙ РАТИ

Ф. В. Чебаевский

Кузьма Минин и Димитрий Пожарский вначале имели в виду вести ополчение из Нижнего прямо на Москву через Суздаль. Но вскоре этот маршрут они забраковали. Учитывая шаткость казачества, стоявшего таборами под Москвой, и исходя из потребности более основательной и всесторонней подготовки к походу, Минин и Пожарский решили двигаться с войском вверх по Волге, к Ярославлю и, сделав в нем остановку, приумножить и организовать силы так, чтобы наверняка разгромить и изгнать из страны интервентов.

Об организации народного ополчения в Нижнем-Новгороде знали руководители подмосковного казачества князь Трубецкой и атаман Заруцкий. Заруцкий — продажный человек, приспешник польских панов, враг нижегородского ополчения — задумал захватить Ярославль, чтобы изолировать нижегородцев от поморских городов, расстроить начатое Мининым и Пожарским великое дело освобождения страны от иноземного нашествия. В январе 1612 года он послал в Ярославль казаков, а вслед за ними для прочного закрепления за собой города направил еще отряд казаков Просовецкого, стоявших до того во Владимире.

О выступлении Просовецкого было незамедлительно сообщено в Нижний, специально посланными из Ярославля людьми. Пожарский, чтобы предупредить занятие города казаками Просовецкого, снарядил под начальством своего двоюродного брата князя Димитрия Петровича Лопаты-Пожарского отряд и направил его в Ярославль. Лопата-Пожарский с порученным делом хорошо справился. Он прибыл в Ярославль раньше казаков Просовецкого и бывших там «казаков переимаху и в тюрьму пересажаху» [1].

[1] „Полное собрание русских летописей", изд. 1910 г., т. XIV, ч. I, стр. 113.

Ярославль был готов для принятия народного ополчения; но с выступлением его из Нижнего Минин и Пожарский медлили. Они поджидали ратных людей из Казани.

Однако дни проходили, а подмоги из Казани не было. Тогда в первой половине марта, еще по зимнему пути, были двинуты из Нижнего в Ярославль основные силы народного ополчения.

Шло народное ополчение по правой, нагорной стороне реки Волги. Первая остановка была в Балахне. Жители города, преисполненные чувством глубокой любви к своей родине, встретили ополчение с величайшим восторгом и почетом. В ополчение влилось много балахнинцев, в том числе дворян и детей боярских, принимавших участие еще в первом земском ополчении.

Из Балахны ополчение пришло в Юрьевец. Как и в Балахне, население Юрьевца отнеслось к нему с большим сочувствием, «прияша с радостью и даша многую казну на подмогу» [1]. И что особенно было замечательным, в Юрьевце к ополчению примкнуло значительное количество татар, проживающих в этом районе со времени царствования Ивана Грозного. Татары изъявили желание вместе с русскими бороться против иностранной интервенции. Им, принятым в ополчение, было выдано, как и всяким другим ратным людям, жалованье.

Следующая большая остановка была в Решме. Здесь, в Решме, от посланцев владимирского воеводы Измайлова — друга Пожарского — была получена тревожная весть. Сообщалось, что в Пскове появился новый самозванец, беглый московский дьякон Сидорка, назвавший себя Димитрием, якобы, спасшимся от смерти в Калуге, и что этому многие поверили. Ставилось в известность, что обманщику присягнули Трубецкой и Заруцкий с казаками.

В народном ополчении с охотой приняли участие и решемцы. Решма еще в 1609 году отличалась активным участием в борьбе с польскими отрядами Лисовского. В истреблении польских шаек тогда из решемцев особенно прославился крестьянин Григорий Лапша.

Следующим этапом в движении ополчения была Кинешма. Здесь оно имело «роздых». Подняв флаг, расположилось ополчение на торговой площади, на той самой, где три года назад у кинешемцев происходила последняя героическая битва с поляками. Кинешемцы, приняв с радостью ополчение, оказали ему помощь и «казной в подмогу», и людьми. Сохранилось живое народное предание, что крестьянин близлежащей деревни, по прозвищу Ремень,

[1] Там же, стр. 118.

35145196

был сподвижником Минина, помогавший последнему в сборе и хранении ополченческой казны. В честь славного предка указанная деревня и получила якобы свое название, сохранившееся до сего времени, Ременново[1].

При дальнейшем движении ополчения, когда оно прибыло в Плес, к Пожарскому явились люди из Костромы с извещением, что их воевода, И. П. Шереметев не хочет впускать в город войска Пожарского. Этот Шереметев был одним из активных сторонников московских бояр-изменников, которые придерживались политики — лучше служить польскому королевичу Владиславу, чем быть побитыми своими холопами. Однако население Костромы, испытавшее, как и население других поволжских городов, все ужасы грабежа и насилия от польских разбойничьих отрядов, не пошло за изменником. Когда ополчение приблизилось к Костроме и остановилось в ее ближнем посаде, в городе вспыхнуло восстание. Нижегородская рать беспрепятственно вошла в город. Возмущение горожан против изменника воеводы Шереметева было так велико, что его едва не растерзали. И лишь вмешательство Пожарского предотвратило расправу. Пожарский, посоветовавшись с Мининым, дал костромичам нового воеводу, князя Ром. Гагарина с дьяком Андреем Подлесовым.

Костромичи так же, как и население других городов Поволжья, собрали ратных людей и отпустили ополчению «на подмогу многую казну».

Слава о нижегородском ополчении, как об освободительной народной рати, ширилась. В Костроме обратились к Пожарскому представители города Суздаля с тем, чтобы им была оказана военная помощь, так как около их города бродят грабительские шайки казаков Просовецкого. Пожарский пошел навстречу суздальцам и выделил из ополчения отряд нижегородских и балахнинских стрельцов. Начальником отряда поставил своего родственника князя Д. П. Лопату-Пожарского. Отряд Д. П. Лопаты-Пожарского при походе на Суздаль имел большой успех. Шайки казаков Просовецкого, не надеясь на свои силы и находясь среди враждебно настроенного к ним населения, не дали боя Лопате-Пожарскому и бежали к Москве. Суздаль, этот старинный русский город, еще не потерявший к тому времени своего значения, был без помехи занят отрядом нижегородского ополчения.

Из Костромы основные силы ополчения, перейдя на левую, луговую сторону Волги, направились к Ярославлю.

[1] П. С. Троицкий — „Костромской край", юбилейный сборник 1613—1913 гг. Кострома, 1913 г., стр. 117—118.

При приближении к городу нижегородская рать была остановлена многочисленной делегацией от Ярославля и других городов. Делегация встретила войско торжественно, с хлебом-солью. В знак радости и благодарности Минину и Пожарскому преподнесли богатые дары. Это было изъявлением обычной почести, принятой в русском быту. Однако бескорыстные организаторы и руководители ополчения отказалось от даров.

Как видим, движение ополчения от Нижнего-Новгорода до Ярославля было подлинно триумфальным шествием. Население поволжских городов, охваченное чувством национального единства и страстно желавшее избавления страны от иноземного засилия, не жалело ничего, помогало ополчению всем, чем могло.

Народное ополчение прибыло в Ярославль в самом начале апреля 1612 года. Расположилось оно в городе, на посадах, в подгородных слободах. В связи с прибытием новых пополнений были устроены особые станы: один — близ Волги у Петропавловской слободы (и теперь это место еще нередко называют «таборами»), а другой — за Которослью, близ Толчковской слободы, на скате Крестовской горы [1], откуда открывался прекрасный вид на весь Ярославль.

Ярославль слыл тогда одним из самых красивейших городов. В песне пелось:

Ах! ты наш батюшка Ярославль город,
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте..

В Ярославле нижегородское ополчение простояло почти четыре месяца. За это время город стал центральным пунктом собирания сил и средств всей земли русской для того, чтобы положить конец «смуте» и очистить страну от иноземных захватчиков. Занимая серединное положение среди замосковных городов и являясь ключом ко всему северу, Ярославль более, чем какой-либо другой город, отвечал этому назначению. Во-первых, здесь, в Ярославле, скрещивались важнейшие пути, соединявшие восток и запад, север и юг русского государства. Из Ярославля расходились проторенные и налаженные дороги на Вологду, на Белоозеро, в Новгородский край, не говоря уже о большой дороге в Нижний-Новгород и о таком важнейшем пути, как дорога на Москву.

---

[1] С. Серебряков, статья „Кн. Дм. М. Пожарский и нижегородский гражданин К. М. Сухорукий в Ярославле в 1612 г.“, в „Ярославском литературном сборнике“, Ярославль, 1851 г., стр. 46.

Во-вторых, Ярославль — старинный русский город, был широко известен своим богатством и отличался бойкой торгово-промышленной жизнью. Он принимал активное участие как в торговле Поволжья, так и в торговле с иноземцами. В Ярославском уезде было развито ткацкое дело, а на Волге — рыбные промысла[1]. Трудно говорить о количестве населения Ярославля, сведений нет, но если брать данные переписи 1678 года, то тогда значилось в нем 2.236 дворов, а в Москве 4.845[2]. Исходя из этого соотношения дворов, можно с полной уверенностью утверждать, что в начале XVII века Ярославль после Москвы был одним из самых крупных русских городов.

В-третьих, Ярославль был одним из тех городов, где среди населения было развито чувство патриотизма, чувство жгучей ненависти к иноземным захватчикам. Правда, в 1608 году, когда многочисленные шайки поляков и русских изменников из лагеря «тушинского вора» проникли далеко на север, Ярославль был вынужден признать власть второго самозванца. Но это признание было кратковременным. Отряды Скопина-Шуйского и вологжан разбили тушинцев, и власть самозванца в Ярославле была ликвидирована. Сколько ни пытался в дальнейшем пан Лисовский захватить Ярославль, все его усилия оказались тщетны. Ярославцы стойко, мужественно отражали все атаки поляков. Они недолго признавали и «власть» польского королевича Владислава. Уже в феврале 1611 года из Ярославля сообщалось в Вологду, что за притеснение поборами «мы панам в кормех отказали, что нам кормов давать невозможно, а се мы крест целовали на том, что было панам на Москве и во всех городах Московского государства не быти...»[3]. А когда началось собирание сил первого земского ополчения, в помощь ему Ярославль снарядил военный отряд, который вместе с отрядами других городов севера выступил к Москве. Далее, не поколебался Ярославль и тогда, когда московские бояре-изменники, чтобы отклонить ярославцев от соединения с народным ополчением Минина и Пожарского, прислали грамоту (январь 1612 года), призывая к верности польскому королевичу Владиславу. И, наконец, как только в Ярославле услышали, что их город хотят занять казаки Просовецкого, то сразу же были направлены в Нижний люди с просьбой, чтобы Минин и Пожарский поспешили с выступлением ополчения.

---

[1] С. Ф. Платонов—„Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI и XVII вв.". Изд. 1937 г., стр. 23.

[2] Там же, стр. 22.

[3] Цитируется по Платонову—„Очерки по истории Смуты...", стр. 373.

По прибытии ополчения в Ярославль вожди его взялись за одно из первоочередных дел: за работу по организации государственной власти.

Кузьма Минин и Димитрий Пожарский поставили перед собой задачу — объединить и скрепить прежде всего города обширнейшей северо-восточной части Русского государства. Они считали необходимым созвать земский совет и выбрать государя «кого бог даст», чтобы с ним вместе стоять «против общих врагов, Польских и Литовских и Немецких людей и Русских воров, которые новую кровь в государьстве всчинают» [1]. В этих целях в северные города от имени Пожарского и пятидесяти человек, которые при нем тогда составляли «общий совет» ополчения, рассылались грамоты. Образцом таких грамот может служить грамота к вычегодцам, датированная 7 апреля 1612 года. В ней писалось: «И по всемирному своему совету пожаловати б вам прислать к нам, в Ярославль, изо всяких чинов людей человека по два» [2].

Позднее, в июне, подобного рода приглашение было сделано и южным городам, но с непременным условием, чтобы они не служили ни «вору», ни Марине, ни ее сыну, в противном случае, как указывалось в грамоте, «с нами и со всею землею не соединитесь, и общим советом на Московское Государство Государя не учнете с нами выбирати, и нам, господа, с сердечными слезами, с вами ростався» [3].

Хотя вопрос с выборами царя и не был разрешен, однако, верховная государственная власть в лице «Совета всея земли» была организована. Руководителями его были вожди ополчения Минин и Пожарский. В состав «Совета всея земли» входили ростовский митрополит Кирилл, бояре, не запятнавшие себя службой самозванцу и изменой стране, или по крайней мере порвавшие окончательно с врагами родины; велико было представительство от служилых людей, но, пожалуй, самое многочисленное представительство в «Совете» составляли «земские люди» (посадские и «всякие жилецкие люди») [4].

Вполне понятен большой удельный вес в «Совете» представительства от «земских людей». Земство на севере по сравнению с югом отличалось своей сплоченностью и имело довольно крепкие «земские миры».

---

[1] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии", сборник документов, том XI (1913), стр. 166.

[2] Там же.

[3] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии", сборник документов т. XI (1913), стр. 185.

[4] П. Г. Любомиров — „Очерки истории нижегор. ополчения", изд. 1939 г., стр. 133—134.

Ярославские власти, возглавляемые Мининым и Пожарским, энергично работали над организацией приказов. Известно, что в Ярославле функционировали Поместный приказ, Дворцовый приказ, Монастырский приказ и др.

На брошенный Мининым и Пожарским клич о необходимости борьбы с иноземными разорителями, о необходимости спасения родины от чужеземных захватчиков откликнулись почти все северные города. Так, прибыли в Ярославль прежде всего отряды из Романова мурзы Кутумова и с Вологды П. Мансурова. Еще в апреле пришел сибирский царевич Араслан «с сибирской многою ратью с татары и с казаки и стрельцы». В конце апреля сумели собраться отряды служилых людей из ряда западных замосковных городов: Твери, Кашина, Углича, Торжка, Старицы, из разоренных Ржева, Волоко-Ламского, Зубцова, Можайска. Пришли дворяне и дети боярские из более дальнего и более разоренного города Белого [1]. Подходили отряды из Поморских городов, состоящие главным образом из людей даточных (известно, например, что было велено собирать с монастырских вотчин по 44 человека с сохи).

На содержание ополчения все увеличивающейся с каждым днем военной силы требовались колоссальные средства. Хотя и шло все время пополнение казны, однако огромные военные расходы привели к тому, что уже по приходе в Ярославль казна оказалась пустой. Это грозило чрезвычайно большими осложнениями. Невыдача жалованья ратным людям могла вызвать недовольство среди ополченцев, ослабить затеянное дело по освобождению страны от интервентов. Понятно, этого никак не могли допустить Минин и Пожарский. Поэтому-то еще с первых дней прибытия ополчения в Ярославль в рассылаемых по городам грамотах, наряду с приглашением выборных в «Совет всея земли», указывалось и на необходимость сбора денег и скорейшей их посылки. «А которые, господа, денги были в Нижнем в сборе всяких доходов, — читаем в грамоте к вычегодцам, — и те денги розданы дворяном и детем боярским и всяким ратным людем: и ныне, господа, изо всех городов приезжают к нам столники, и стряпчие, и дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди, а бьют челом всей земле о денежном жалованье, а дати им нечего» [2].

В той же грамоте несколькими строками ниже говорилось: «Да поревноват бы, господа, пожаловати вам гостем

---

[1] П. Г. Любомиров — „Очерки истории нижегор. ополчения", изд. 1939 г., стр. 114—115.

[2] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии", сборник документов, т. XI, стр. 166.

и посадским людем, чтоб вам промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людем; тем бы вам ко всей земли совершенную правду и радение показати и, собрав с себя, те денги присылати к нам в Ярославль тотчас».

Денег, присылаемых из разных городов, все же было недостаточно. Ярославское правительство прибегало к принудительным займам. Например, значительная сумма денег была получена от Соловецкого монастыря, славившегося большим богатством.

Минин и Пожарский, возглавлявшие ярославское правительство, проявили большую изворотливость по обеспечению ополчения всем необходимым. Для армии в Ярославле было заготовлено достаточное количество продовольствия, так что ратных людей не вынуждало прибегать к собиранию «корма» по крестьянским избам. Было заготовлено «зелье» (порох) и прочие боевые припасы. Собрано было для войска много лошадей и заготовлен корм для них. Запаслись материалами для одежды. В общем в результате всех этих забот народная рать оказалась в очень хорошем состоянии. И недаром, когда ополченцы явились под Москву, казаки Трубецкого с озлоблением, «яко пси лающи», говорили про них: «Богати пришли из Ярославля и сами едины могут отбитися от гетмана» [1].

Вдохновители и организаторы народного ополчения не спешили с выступлением на Москву. Это дало повод монахам Троицкого монастыря, келарю Авраамию и другим упрекать Пожарского в медлительности, в бесполезности стояния в Ярославле. Но такой упрек неосноваделен. Троицкие монахи на борьбу с поляками смотрели узко. Связанные с Трубецким и Заруцким, они боялись разгрома подмосковного казачества, которому приходилось туго. Разгром казачества поляками грозил монастырю вторичной осадой. Тогда как Пожарский, этот осторожный, искусный, мужественный полководец, смотрел на борьбу с поляками шире, с точки зрения интересов всей страны, отдавая полный отчет в том, что провал второго ополчения привел бы к самым тяжелым последствиям, вплоть до гибели русского государства.

В Ярославле Пожарскому и Минину приходилось много заниматься и устроением самой рати, что, нужно сказать, не всегда проходило гладко. Так, прибывший из Казани в Ярославль с ратными людьми Иван Биркин, человек еще в Нижнем подкапывающийся под Минина, жаждавший

---

[1] „Новый летописец“, по списку кн. Оболенского, изд. 1855 г., стр. 150.

добычи и обогащения, затеял целую смуту по разложению ополчения. Чтобы привести ратных людей в успокоение, потребовалось удаление Биркина с казанцами из ополчения. Остались от казанцев только голова татарский Лукьян Мясной, с ним 20 человек князей и мурз, да дворян 30 человек, да 100 человек стрельцов, которые, следует отметить, честно несли службу и вместе со всем ополчением храбро дрались при изгнании поляков из Москвы.

Но нависла новая беда. В первой половине мая среди ратных людей появилась болезнь в роде моровой язвы (повидимому, от скученности), которая во второй половине месяца особенно усилилась. Распространение ее грозило принести большие неприятности. Но к великому счастью вспышка эпидемии оказалась кратковременной, не получила распространения.

Задержка ополчения в Ярославле не ухудшила положения, а, наоборот, укрепляла силы Пожарского, в то время как борьба казаков с поляками под Москвой, принявшая затяжной характер, ослабляла взаимно силы противников. Поляки, сидевшие в Москве в осаде, испытывали большой голод. Их отряды, рыскавшие по территории к северу от Москвы, в местности уже достаточно разоренной, с трудом находили продовольствие. Поднявшиеся на борьбу с иноземными грабителями крестьяне, так называемые «шиши», отнимали у поляков продовольствие, а самих их уничтожали.

При такой обстановке Пожарскому не пришлось напрягать больших усилий, чтобы очистить северные города от грабительских казачьих и польских шаек. По совету «со всею ратью и со властьми и с посадскими людьми» было решено ликвидировать вражеские отряды, зашедшие в тыл и с правого фланга. Посланный из Ярославля отряд под начальством известного нам кн. Дм. Петр. Лопаты-Пожарского разбил в Пешехонье пришедший из-под Москвы казачий отряд Вас. Толстого. Другой сильный отряд под начальством кн. Дим. Черкасского оттеснил к рубежу состоявших на службе у польского гетмана Ходкевича черкесов (украинских казаков), которые заняли было территорию к северу от Бежецка, укрепившись в «Онтоновом монастыре». Затем, отряд Черкасского занял Кашин. После этого объединенные отряды Черкасского и Лопаты-Пожарского выбили казаков из Углича. Посланный из Ярославля отряд во главе с И. Ф. Наумовым в Переяславль-Залесский (по приглашению самих переяславцев) разбил там казаков-притеснителей и прочно закрепил за собой этот город.

В очищенные от вражеских шаек города были посаже-

ны воеводы, верные Пожарскому. Так, еще в апреле воевода с отрядом появился на Устюжне, не позже начала мая — в Угличе (по изгнании из него казаков). До июня воеводы с отрядами были посланы во Владимир, Кашин, Тверь, Касимов и «в иные города». В круг деятельности воевод входило — охранять города и организовывать новые военные силы. Однако посылка воевод в такие города, как Кострома, Ростов, Тобольск, находящиеся в стороне от военных действий, явно указывала на то, что воеводы посылались не только для обороны, но и для восстановления и устроения местного управления [1].

Минин и Пожарский пользовались среди населения известностью и авторитетом. Об этом говорит, например, тот факт, что к руководителям ополчения были присланы представители от крестьян Озадской волости, Бежецкого уезда, Гурьев и Ефремов, которым поручалось «бить челом по мирским... (пропуск в документе) — о всяких о волостных и мирских нуждах» [2].

Организация местного и центрального управления, очищение северных городов от грабительских польских и казачьих шаек, устроение пополнявшейся народной рати, — вся эта колоссальнейшая, крайне важная работа, проделанная Мининым и Пожарским в Ярославле, естественно, задержала выход ополчения к Москве. Но задерживаться народному ополчению в Ярославле приходилось еще и потому, что с северо-запада на страну напала Швеция, которая из союзницы при Василии Шуйском превратилась во врага России, в агрессора. Установив протекторат над Новгородом Великим, шведы продолжали наступать, достигнув уже Тихвина. Поэтому ярославским правителям приходилось озаботиться об укреплении тыла, о задержании наступления шведов. В этих целях была предпринята постройка «города» на Белоозере. Был послан отряд «для оберегания» на Устюжну-Железнопольскую. Пополнен был даточными людьми гарнизон Каргополя.

Однако Минин и Пожарский отдавали себе ясный отчет в том, что народному ополчению бороться одновременно и против поляков, и против шведов являлось непосильным делом. «Советом» было решено завязать через Новгород переговоры со шведским воеводою Яковом Делагарди о том, что «совет» не прочь иметь на русском престоле кандидатуру шведского королевича Карла Филиппа. Яро-

---

[1] П. Г. Любомиров—„Очерки по истории нижегородского ополчения“, стр. 112.

[2] Цитируется по А. Н. Генкину—„Ярославский край и разгром польских интервентов“, изд. 1939 г., стр. 164.

славским властям еще в апреле было известно, что новгородцы особой грамотой приглашали белозерцев соединиться с «новгородским государством» под властью королевича Филиппа.

В Ярославле было снаряжено посольство во главе со Степаном Лаз. Татищевым и направлено в Новгород. В городе посольство спрашивало: «Как... на Новгоротцком Государстве Государю быти... как ему Государю свой Царьской престол правити, и люди своя россуждати и ото врагов обороняти и всякие дела делати» [1].

Новгородцы прибыли в Ярославль для переговоров в 20-х числах июня. При переговорах Пожарский упрекнул их в самовольности, в измене, указав, что прошло около года с того дня, как шведский король обещал отпустить королевича, но королевича все нет. Пожарский счел нужным заявить, что решение вопроса об избрании королевича в цари может быть вынесено только по прибытии королевича в Новгород и принятия им православной веры. Но вместе с этим было поставлено условие, что покамест необходимо жить взаимно в мире и любви, не чинить никаких задоров и обид друг другу в пограничных областях.

Переговоры ярославских властей с Новгородом о возможности избрания в цари на русский престол шведского королевича приостановили наступление шведов, уже захвативших к тому времени Тихвин. И «Новый летописец» прямо заявляет, что «умыслишаж» вести переговоры «того ради, егда они пойдут под Москву для очищения, чтоб в то время немцы не пошли войною в Поморские городы» [2].

Одновременно с переговорами о приглашении на русский престол шведского королевича ярославские власти вели переговоры по этому же вопросу с Австрией. Воспользовавшись проездом через Ярославль австрийского посла, возвращавшегося из Персии домой, Пожарский направил с ним австрийскому императору грамоту. В грамоте говорилось, что между Россией и Польшей в 1601 году было заключено на 22 года перемирие, которое польский король Сигизмунд самым бесчестным образом нарушил. Сигизмунд, пишет Пожарский, не только довел до того, что польские паны обманным путем захватили Москву, но и сам он с открытой войной выступил против России, «не памятуя божья гневу и праведного суда, не насытяся

---

[1] „Действия Ниж. губ. арх. комиссии", сборник документов, т. XI, стр. 176.

[2] „Новый летописец", по списку кн. Оболенского, стр. 148.

крови хрестьянские»[1]. Пожарский просил австрийского императора помирить Польшу с Россией, обещая при этом, что русские готовы принять на престол кого-либо из императорского дома.

Понятно, вся эта затеянная дипломатическая игра Пожарского с Австрией, как и дипломатические переговоры с Швецией, преследовали ту цель, чтобы улучшить международное положение страны, облегчить борьбу с Польшей, этим тогда главным врагом Русского государства.

Политику ярославского правительства как внутреннюю, так и внешнюю население севера всецело поддерживало. Охваченное могучим патриотизмом, проникнутое горячей любовью к родине, оно было полно решимости очистить страну от оккупантов. Поднявшаяся волна национального подъема на севере начала разливаться по всей стране. Она прежде всего начала захватывать стоявшее под Москвой казачество, основная масса которого была тесно связана с судьбою русского народа.

В июньской грамоте Пожарского, направленной в южные города, уже сообщалось, что «из полков из-под Москвы приехали к нам в Ярославль воеводы и дворяне и дети боярские, да атаманы и козаки: Андрей Болдырь, Василий Хромый, Сергий Лольский, Бесчастный Фролов, Добрыня Степанов, Иван Анисимов, Иван Микулин, Яков Макаров, Матвей Белогородец, Федор Неклюдов, Макар Смольянинов, Евстафий Петров, Максим Чекушкин, Нагиба Жегулин, Федор Березкин, Богдан Попов, Михайло Микулин, и иные атаманы и козаки, ко общему всея земли совету»[2].

Казачество под Москвой переживало процесс разложения. Шло большое недовольство Заруцким. В конце июня разыгралось там знаменательное событие. Прибывшие ратные люди из украинных городов в подмосковные таборы начали испытывать от Заруцкого большие притеснения. Это заставило их послать к Пожарскому уполномоченных в лице Ивана Кондырева и Ивана Бегичева с просьбой о немедленном выступлении ополчения к Москве, дабы «им и досталь от казаков не погибнуть».

Украинские ходоки в Ярославле были встречены Пожарским весьма приветливо, обещалась помощь. Но когда они явились обратно под Москву, то со стороны Заруцкого ждало их и вообще всех сочувствовавших нижегородскому ополчению избиение. И это избиение злейшему врагу на-

---

[1] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии“, сборник документов, т. XI, стр. 200.

[2] „Действия Ниж. губ. арх. комиссии“, сборник документов, т. XI, стр. 184.

родного ополчения не удалось провести лишь потому, что многие из преследуемых им людей нашли защиту в укрепленном лагере Мих. Сам. Дмитриева, передового отряда Пожарского, уже прибывшего из Ярославля под Москву; а другие же люди «Украйных городов, — добавляет «Летописец», — вси побегоша во грады своя» [1].

Каково было количество казаков, присоединившихся к народному ополчению к моменту его выступления из Ярославля? Можно только предположить, основываясь на июньской грамоте, в которой перечислялось до 17 казачьих атаманов, да затем известных еще по другим документам трех атаманах, перешедших на сторону ополчения, что казаков, присоединившихся к ополчению, было тысячи три.

А сколько было в ополчении даточных людей, сколько было крестьян, этого определить просто невозможно. Но можно с полным правом утверждать, что низы — крестьяне, посадские люди, холопы — эта рядовая масса, составляли в ополчении основную силу, придавая ему подлинно народный характер.

Нижегородское народное ополчение за время четырехмесячного стояния в Ярославле превратилось в грозную военную силу, способную не только очистить северные города от польско-казачьих отрядов, но и прогнать интервентов из страны. Об этой силе были прекрасно осведомлены руководители казачества Трубецкой и Заруцкий, переживавшие в то время под Москвой сильные затруднения. Чтобы расположить к себе вождя ополчения, перетянуть его на свою сторону, они прислали к Пожарскому грамоту с пожалованием ему богатого села Воронино (Костромской губернии). Но не таков был Пожарский, чтобы его можно было купить. Этот честнейший полководец, ставивший превыше всего интересы родины, отказался от села Воронина, пообещав, однако, что окажет казакам помощь. Заруцкий, видя, что не так легко провести Пожарского, решается тогда на крайнее средство — убить народного полководца. С этой целью он засылает в ярославский лагерь убийц.

Подосланные Заруцким убийцы, казаки Обрезка и Стенька, как сообщает летопись, легко проникли в ополчение. Они нашли там сообщников, из которых часть была близка к Пожарскому. Один из них даже жил во дворе князя, которого последний одевал и кормил.

---

[1] „Новый летописец", по списку кн. Оболенского, стр. 152.

[2] П. Г. Любомиров — „Очерки истории нижегородского ополчения", стр. 117..

Много думали заговорщики над тем, каким образом убить Пожарского. Думали его сонного «погубить», но для этого, очевидно, не представлялось подходящего случая. Наконец, решили убить вождя в тесноте, при скоплении народа. Случай представился. Накануне выступления ополчения из Ярославля, когда Пожарский, выйдя из съезжей избы, отбирал пушки, какие из них взять под Москву, вокруг него образовалась большая теснота. Пожарского поддерживал под руку казак Роман (повидимому, вождь еще недостаточно оправился от ран). И вот в это время, расталкивая толпу, бросился на Пожарского Стенька, направляя нож в живот князя. Но промахнулся. Вместо князя нож злодея попал в ногу казака Романа, который от боли начал страшно «стонати». Сначала Пожарский думал, что казака в тесноте ранили случайно. И только тогда Пожарский понял о грозившей ему опасности, когда люди закричали, что князя хотят убить. Ратные и посадские люди схватили Стеньку и начали пытать. Преступник во всем сознался, сознались также и его сообщники. Возбужденный народ хотел растерзать всех их, но Пожарский остановил. Он часть сообщников взял с собой под Москву для обличения Заруцкого, а другую часть разослал по темницам[1].

Между тем Заруцкого в подмосковном лагере уже разоблачили, как изменника и предателя. Вскрылось, что он имел связь с польским воеводой Ходкевичем, спешившим с войском к Москве на помощь осажденным полякам. Измена Заруцкого вызвала среди казачества целую бурю негодования и заставила предателя бежать из-под Москвы. 28 июля с отрядом около 2.500 человек он бросился в Коломну, подвергнул ее страшному опустошению. А затем, уже после изгнания поляков из Москвы, Заруцкий с Мариной и ее сыном отступил к Воронежу, потом — за Дон и укрепился в Астрахани. Здесь, в Астрахани, Заруцкий строил большие планы вплоть до того, что имел в виду привести в нашу страну новых интервентов — из Персии и Турции. Но песенка польского приспешника была спета: Заруцкий и Марина Мнишек были схвачены.

24 июля (3 августа по новому стилю) прибыл под Москву «со многой ратью» под начальством М. С. Дмитриева и Федора Левашова передовой отряд народного ополчения, который встал отдельно от казаков, особым острожком.

2 августа прибыл под Москву второй отряд, в 700 всадников, под начальством Д. П. Лопаты-Пожарского, ко-

---

[1] П.С.Р.Л., т. XIV, ч. I, стр. 121—122.

торый также встал особым острожком, расположившись у Тверских ворот.

Основные силы ополчения тронулись из Ярославля только 27 июля (6 августа по новому стилю), когда все уже было подготовлено для выступления, когда надо было действительно спешить к столице, чтобы предупредить соединение войска Ходкевича с осажденными поляками.

По выходе из Ярославля командование над войском Пожарский передал Минину и кн. Хованскому, а сам направился в Суздаль, чтобы, по обычаю того времени поклониться могилам своих родителей. В Ростове Пожарский нагнал рать.

В пути в многонациональное народное ополчение продолжали вливаться все новые и новые отряды.

В Ростове к Пожарскому обратились представители от Трубецкого — Кручина Волков с товарищами — с официальным поручением: просить ускорить движение ярославских войск к Москве. Эта просьба говорила о том, что ополчение под Москвой не будет иметь, по крайней мере, враждебных действий со стороны казачества. Это же дало возможность отделить отряд человек в 600—700 и послать его под начальством воеводы Гр. Образцова «для оберегания» на Белоозере, в виду получения тревожных вестей о движении на севере «литовских и воровских людей».

Из Ростова Пожарский и Минин привели рать в Переяславль-Залесский. Но еще не доходя до Переяславля, вожди ополчения получили неприятную весть, причинившую немало хлопот. Двинские воеводы предупреждали, что к Пожарскому направлены «Шкотцкие земли Яков Шав» с товарищи, которые от имени трех иноземных воевод с отрядом до 90 человек хотят поговорить о каком-то «добром совете». Чтобы не было лишних разговоров, эти люди были приведены к Пожарскому тайно. Выяснилось, что они приехали предложить ополчению услуги от сборного отряда западно-европейских любителей авантюрных подвигов и приключений. Но когда руководители ополчения узнали, что в их отряде «объявился» «француженин» Як. Маржерет, известный как агент польского короля Сигизмунда, это навело на большие подозрения. И иностранцам в службе было отказано. В ответной грамоте Шаву, написанной уже в Троицком монастыре, куда 14 августа прибыло ополчение, указывалось, что «наемные нам люди иных Государств ныне не надобеть» [1], что «оборонимся от

[1] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии“, сборник документов, т. XI, стр. 222—223.

Полских и от Литовских людей и сами..., и вам бы к нам не ходити и себе своим проходом убытков не чинити»[2]. Но чтобы отряд иностранцев не вздумал самовольно приехать, в ответной грамоте под предлогом борьбы с польским агентом Як. Маржеретом предупреждалось, что «к Архангилскому городу на береженье ратных многих людей отпускаем».

В Троицком монастыре, находящемся в 70 километрах от Москвы, была сделана на несколько дней остановка. Пожарский выделил отряд под начальством Туренина и направил его к Москве, приказав встать у Чертольских ворот.

Наконец, вслед за отрядом Туренина, двинулись из Троицкого монастыря и главные силы ополчения. 20 августа они, переночевав на Яузе (в 5 километрах от Москвы), подошли к самой Москве и раскинулись станом у Арбатских ворот.

---

[2] „Действия Ниж. губ. ученой арх. комиссии", сборник документов, т. XI, стр. 222.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

А. А. Савич

После того, как в основном были разрешены сложные организационные вопросы, нижегородское ополчение во второй половине июля 1612 года двинулось из Ярославля к Москве. Первый отряд ополченцев прибыл к Москве 24 июля (3 авг.), через 9 дней (2/12 августа) подошел второй отряд под командой Д. П. Лопаты-Пожарского, а 10 (20) августа остановился у Арбатских ворот сам Д. М. Пожарский. Д. Т. Трубецкой со своими казаками дважды предлагал Д. М. Пожарскому объединиться с ним, но последний отказался. По словам «Нового летописца», Д. М. Пожарский опасался, что казаки «паки начнут враждовать с ратными». Пожарский полагал, что имеются «многие казаки, зломыслящие на убийство».

Такое недоверие Пожарского вызвало сильное озлобление казацких отрядов по отношению к ополчению и его вождям.

Остановившись у Арбатских ворот, Д. М. Пожарский распорядился быстро, до прихода под Москву гетмана Ходкевича, устроить лагерь, окружив его рвом. В стане противника дела были далеко не блестящи. Сидевшие в Москве интервенты испытывали сильные затруднения от недостатка продовольствия и невыплаты жалованья.

Осенью 1611 года «рыцарство» послало к королю депутатов, которые должны были объявить, что долее 6 января следующего (1612) года оно в Москве не остается. Прошел назначенный срок, денег «рыцарство» не получило. Польское войско составило «коло», выбрало маршалка (пана Иосифа Цаклинского) и в количестве 7 тысяч конного войска направилось в Польшу, требуя вознаграждения за московский поход. В Москве осталась часть сапежинцев и присланный отряд из-под Смоленска с двумя Концеполь-

скими во главе. Верховное командование над польскими отрядами, сидевшими в Москве, принял Николай Струсь. В отряде Ходкевича часть шляхты также составила конфедерацию и ушла обратно в Литву. Отсюда становится понятной та медлительность, с которою Ходкевич направлялся к Москве. Только 21 августа Ходкевич подошел к Москве из Вязьмы и расположился на Поклонной горе. Переправившись через Москва-реку у Новодевичьего монастыря, гетман Ходкевич направился к Чертольским воротам, где стоял отряд князя Василия Туренина. Навстречу гетману вышел кн. Д. М. Пожарский; Трубецкой также выступил и расположился на правом берегу реки у Крымского двора. Трубецкой обратился к Пожарскому с просьбой дать ему конных людей. Димитрий Михайлович отправил к нему 5 лучших сотен.

22 августа на рассвете Ходкевич напал на Пожарского. Начался бой. В продолжение восьми часов отряд Пожарского дрался за каждую пядь земли, не желая сдавать позиций врагу. Казаки Трубецкого спокойно смотрели на битву, открыто злорадствуя над ополченцами: «Вот богачи пришли из Ярославля, пусть теперь они и отбиваются от гетмана». Только те сотни, которые Пожарский переправил к Трубецкому, не могли более оставаться безучастными. Невзирая на удерживание со стороны Трубецкого, они бросились на выручку ополченцев. Последнее обстоятельство решило исход дела в пользу ополчения. Ходкевич отступил к Поклонной горе. Ночью Ходкевич еще раз попытался было переправить продовольственные запасы сидевшим в кремле полякам. Четыреста возов под охраною 600 человек вооруженных поляков («гайдуков») направились к кремлю, дорогу указывал русский изменник, некто Григорий Орлов. Конвой уже успел было пробраться за стены кремля, но узнавшие об этом ополченцы подняли стрельбу и не пропустили возы в кремль.

23 августа поляки сделали вылазку из Китай-города. Они переправились через реку, захватили русское укрепление («острог») у церкви св. Георгия (в Яндове), развернув на колокольне польское знамя. Гетман в тот же день решил снова попытаться продвинуться к кремлю, направился с Поклонной горы к Донскому монастырю, а оттуда через Замоскворечье (по Ордынке и нынешней Пятницкой улице) к кремлю. Рассчитывал Ходкевич на то, что казаки не станут оказывать особенно сильного сопротивления, а ополченцы после вчерашнего поведения казаков не станут защищать последних. Трубецкой стоял на берегу реки от Лужников, отряд его образовал укрепление у церкви Кли-

мента (на Пятницкой ул.). Отряд Пожарского расположился на левом берегу реки у церкви Ильи (Обыденного). Не рассчитывая на казаков, сам Д. М. Пожарский переправился на правый берег реки на помощь Трубецкому. 24 августа в понедельник утром, с восходом солнца снова начался бой. Паны потеснили русские войска к реке. Пожарский перешел снова на левый берег реки. Трубецкой со своими казаками отошел за реку в свой лагерь. Оставлен был казаками и Климентовский острог, который тотчас же заняли поляки, шедшие из Китай-города. Сначала, когда на церковной колокольне появилось польское знамя, казаки бросились было в острог и выбили оттуда шляхтичей, но потом снова ушли из него. Момент был чрезвычайно важным, так как гетман мог воспользоваться отступлением и провезти продовольственные запасы в кремль. Необходимо было, следовательно, убедить казаков не пропускать к кремлю поляков. Д. М. Пожарский и Минин решили обратиться к келарю Троицкого монастыря Авраамию Палицыну, чтобы он воздействовал на казаков. Палицын обратился к патриотическому чувству казаков: «От вас началось дело доброе, вы стали крепко за православную веру и прославились во многих дальних государствах своею храбростью, а теперь, братья, хотите такое доброе начало одним разом погубить!». Агитация Палицына имела успех. Казаки бросились на засевших в Климентовском остроге поляков и выгнали их оттуда. По всем дорогам в ямах и бурьянах залегли казацкие и ополченские отряды, препятствуя Ходкевичу пробраться в кремль с продовольствием.

День клонился к вечеру. Необходимо было выгнать поляков из Замоскворечья. Медлить нельзя было буквально ни минуты. И вот в этот чрезвычайно ответственный исторический момент, по словам русского летописца, «бог... немощного и к ратному делу неискусного охраби и нижегородца Кузьму Минина сына Сухорука». Не мог оставаться спокойным главный инициатор народного движения, вышедшего из Нижнего-Новгорода. Минин явился к князю Д. М. Пожарскому с просьбой дать ему ратных людей, чтобы и он мог сразиться с врагом. Пожарский предоставил в распоряжение Минина ротмистра Хмелевского и три сотни дворян. Скромный «говядарь» оказался не только отличным администратором-хозяйственником, но и великолепным соратником князя Д. М. Пожарского на поле брани. С полученным отрядом Минин бросился на две гетманские роты, стоявшие у Крымского двора, и обратил их в беспорядочное бегство. Это обстоятельство подняло на-

строение и у других русских отрядов, в потайных местах охранявших дорогу в столицу. Теперь все они бросились к гетманскому табору. Ходкевич должен был отступить к Воробьевым горам, потеряв 500 человек войска, бросив табор и часть припасов. На следующий день утром гетман отступал уже к Можайску. Критический момент миновал благополучно для родины.

Но с ликвидацией внешней опасности снова начались трения между вождями ополчения и главками казацких отрядов. Князь Трубецкой, как боярин, считал себя на иерархической служебной лестнице выше Пожарского и тем более Минина. Он требовал, чтобы Пожарский и Минин являлись к нему с докладами и для выслушивания его распоряжений. Д. М. Пожарский и Минин отказались выполнять это требование Трубецкого «не чести ради, но убийства от казаков бояхуся». Скоро атмосфера стала еще более сгущенною. Еще более стала реальною опасность для дела Минина и Пожарского. 5 сентября приехали в полки Трубецкого Иван и Василий Шереметевы. Здесь же оказались «всякого зла всчинатель» кн. Гр. Шаховской, Иван Плещеев, князь Иван Засекин. Эта братия и стала уговаривать казацких атаманов, чтобы они оставили свой табор и шли от Москвы к северным городам — Вологде, Ярославлю и др. Кроме того, Гр. Шаховской и Иван Шереметев стали агитировать казаков на убийство Д. М. Пожарского.

Теперь все зависело от того, удастся ли задержать под Москвою казаков или нет. Казаки шумели. Кричали, что они голодны и холодны, что пусть стоят под Москвою богатые дворяне, а они не могут дальше переносить лишения. Снова Пожарскому пришлось обратиться за содействием к келарю Палицыну. Денег в Троице-Сергиевом монастыре уже не было. На монастырском соборе решено было послать казакам в залог церковные драгоценные вещи с тем, чтобы монастырь через некоторое время смог выкупить эти предметы. Казаки постеснялись брать такой залог и обещались не уходить от Москвы. Достигнут был некоторый компромисс и между воеводами. Решено было, что Д. М. Пожарский и Кузьма Минин в казацкие таборы ездить не станут, но все воеводы и ополченские и казацкие станут съезжаться на нейтральном месте, на Неглинке и «промышлять земским делом». Грамоты от подмосковного ополчения теперь должны были выходить от имени обоих воевод: князя Д. Трубецкого и Д. Пожарского. Если грамота идет от имени только одного из этих воевод, то она объявлялась недействительной. Когда под Москву

стали доходить слухи о том, что Ходкевич снова намерен провести в кремль продовольственные запасы осажденным, воеводы стали готовиться к тому, чтобы не пропустить Ходкевича к Москве. На Замоскворецком полуострове был вырыт большой ров от одного берега к другому. Сделан был плетень из хвороста и сучьев. Установлено было беспрерывное посменное дежурство воевод, наблюдавших за ходом оборонительных работ. В половине сентября Пожарский отправил в кремль грамоту сидевшим там полякам, немцам и черкасам с убеждением сдаться ввиду безвыходности их положения. В случае их решения сдаться Пожарский гарантировал им жизнь, сохранность имущества и беспрепятственное возвращение домой. Поляки прислали гордый отказ воспользоваться предложением Пожарского.

Осада продолжалась. Голод в кремле принял невероятные размеры. Дело дошло до людоедства.

22 октября после сильного приступа ополченцы и казаки взяли Китай-город. Кремль еще держался. Сидевшие в кремле бояре обратились с просьбой к Пожарскому, чтобы он разрешил выйти из кремля их семьям. Пожарский согласился и приложил все старания, чтобы боярыни и их дети не подвергались каким-либо репрессиям от казаков. За это по адресу Пожарского снова посыпались упреки со стороны раздраженных казаков.

Голод в кремле стал уже невыносимым. 26 октября поляки вступили в переговоры с вождями ополчения, выговорив себе личную неприкосновенность. Это им было обещано. Сначала выпущены были из кремля бояре: Федор Иванович Мстиславский, Иван Михайлович Воротынский, Иван Николаевич Романов, Марфа Ивановна с сыном Михаилом и другие русские люди. На другой день (27 октября) сдались и сидевшие в кремле поляки. 1 ноября (ближайший воскресный день) русские люди торжественно праздновали «очищение» Москвы от польских и литовских людей.

Созыв, а затем и прибытие земского ополчения к Москве, а также неудачи гетмана Ходкевича побудили Сигизмунда ускорить свой поход к Москве вместе с королевичем Владиславом. Поход этот в ближайшую очередь был рассчитан на разгром ополчения и освобождение столицы от осады, а присутствие Владислава должно было придать этой экспедиции особенно важный политический характер. Летом 1612 года король прибыл в Вильно, а в октябре был уже в Смоленске. У Сигизмунда было только «два отряда немецкой пехоты». Рыцарство, стоявшее в Смоленске, от-

казалось следовать за королем. Из Смоленска король с Владиславом направился к Вязьме и остановился у Погорелого Городища (за Вязьмой), в котором заперся воевода кн. Юрий Шаховской. «Жестокие приступы» оказались безрезультатными. Шаховской, как передает один русский источник, будто бы сказал королю: «Пойди под Москву, будет Москва за тобою, а мы готово твои». Король снял осаду и пошел дальше к Москве. Но, думаем, не эти слова побудили Сигизмунда поспешить к Москве, а развертывающиеся под стенами московского кремля события. Для того, чтобы подготовить почву, король шлет в Москву одного за другим послов. Из Орши 10(20) сентября король шлет в Москву к боярам в качестве гонцов П. Рудилина и М. Корсакова, которые должны были оповестить московских бояр о том, что Сигизмунд вместе с сыном Владиславом идет к Москве. Бояре должны были остаться со стоявшим под Москвой ополчением, чтобы оно вместе с московскими боярами направило своих послов к королевичу Владиславу для переговоров. Послам король гарантирует свободный приезд и отъезд. Не рассчитывая на то, что этим гонцам удастся выполнить возложенную на них задачу, король ровно через месяц (12 октября) шлет из Орши нового посла И. Н. Салтыкова с аналогичным поручением к боярам — Ф. И. Мстиславскому и другим. Объяснив промедление приезда Владислава его болезнью, король сообщает, что в данный момент Владислав выздоровел и идет в Москву на царство. Московские бояре должны были обратиться к стоявшему под Москвою ополчению с убеждением отстать от кровопролития и ожидать прибытия в Москву королевича Владислава. При этом Сигизмунд добавляет, что он дал распоряжение Ходкевичу приостановить военные действия с московскими людьми. Еще позднее, 28 октября, из Погорелова Городища были направлены в Москву к боярам в качестве послов: кн. Даниил Мезецкий и Иван Грамотин в сопровождении полковников Александра Здоровского, Андрея Млоцкого и Адама Жолкевского. Эти послы должны были «объявить» московским людям «господарский приход» и убедить их принять на царство королевича Владислава[1].

Не доходя до Москвы, король с Владиславом остановились в с. Недорове. 24 ноября в королевский лагерь была доставлена посольская грамота, в которой сообщалось, что когда послы прибыли в Рузу, то оттуда они выслали в Москву специальных гонцов: дворянина Федора Матова

[1] Новый летописец", стр. 127; Сборник „Русск. ист. общ.", т. 142, стр. 300—306.

да пана Шалевского, обязав их к определенному сроку (23 — 24 ноября) вернуться в с. Лучинское. В качестве провожатых Жолкевский отпустил с ними двадцать человек жолнеров, да из Рузы атамана Тимоху Корнеева. Так как ни Федор Матов, ни пан Шалевский из Москвы не вернулись, то послы решили итти дальше и остановились в Тушине. Отсюда они послали в Москву других гонцов с грамотами.

Но между посланными и московскими людьми завязался бой и «задор». Полякам удалось захватить в плен сына боярского Ивана Философова, который «в расспросе» сообщил им чрезвычайно любопытные сведения. На Москве у бояр, которые вам служили, говорил названный пленник, и у лучших людей есть желание просить на царство королевича Владислава, но открыто об этом говорить не смеют, боясь казаков. Поэтому они говорят только общими фразами, что де «нужно выбирать на государство чужеземца». Казаки же хотят русского и намечают филаретова сына и сына калужского вора; во всем казаки боярам и дворянам чинят насилия и делают, что хотят; а дворяне и дети боярские разъехались по поместьям, а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи две, да казаков четыре с половиною, да с тысячу человек стрельцов, да мужики и чернь; бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищами, находящимися в Москве, в думу не пропускают, а писали об них по другим городам ко всяким людям: пускать их в думу или нет. Всеми делами вершит князь Д. Трубецкой да Коземка Минин; кому впредь быть на государстве, еще не решено. Сообщил Иван Философов еще и о том, что «за приставами» сидели и те лица, которые находились в осаде: Иван Безобразов, Иван Чичерин, Федор Андронов, Степан Соловецкий, Бажин, Замочников. При этом Андронов и Замочников были подвергнуты пытке с целью разузнать от них о «казне», все, что у кого сыщут, отдают казакам в качестве жалованья; разобрано казаками и все то, что взято у поляков и литовских людей в Москве. Пленных казаков разослали по городам, а в Москве оставили только 30 человек «лучших» полковников и ротмистров: пана Струся и др. Посланных в Москву из Рузы Федора Матова и Шалевского задержали в Москве на казенном дворе «за приставы». Получив такие вести Сигизмунду пришлось повернуть обратно из Недорова в Смоленск [1].

То, о чем рассказывал Философов, было уже полным поражением польско-литовской дипломатии. Как бы мы ни относились к его показаниям, но все же должны признать то,

[1] „Новый летописец“, стр. 128.

что по существу они правильны. Под развалинами сожженной Москвы кандидатура польского королевича была похоронена бесповоротно. Можно это иллюстрировать такими примерами. Вяземский воевода Павел Руцкий обращался к Пожарскому и Трубецкому (в январе 1612 г.) с укорами за измену королевичу Владиславу и угрожал военными действиями. На это обращение Пожарский и Трубецкой (25 января) ответили очень решительно, заявив, что они, воеводы, и все русские готовы выступить все, как один, против польско-литовского короля, польско-литовских людей и против всех, кто будет посягать на Московское государство, а вашего короля Сигизмунда и сына его Владислава на московское царство не желаем и не мыслим и вы об этом не думайте. Угрозы военной московские люди не боятся. Мы знаем, писали Пожарский и Трубецкой, что то польско-литовское войско, которое было в Москве и которое, по словам Руцкого, намерено доставить Владиславу царский престол, теперь находится на территории Польши и, не получив жалованья за свой поход, опустошает королевские имения в Самборе, во Львове и в других местах. Поэтому «сабля ваша нас не страшит». Пожарский и Трубецкой согласны вступить с королем в переговоры о прекращении кровопролития, но из этих переговоров должна быть совершенно исключена речь о королевиче. Само собою понятно, что назвать кандидатуру Владислава теперь означало бы скомпрометировать свою политическую репутацию; взяты были под подозрение и те, кто заявил себя «доброхотствованием» Сигизмунду раньше.

Аналогичным образом обстояло дело и с кандидатурой шведского королевича. По некоторым данным, когда весть об очищении Москвы от поляков дошла до Новгорода, то оттуда от Делагарди прибыл посланник Богдан Дубровский с предложением кандидатуры королевича Филиппа, но «начальники и вси людие отказаша ему». «Тово у нас и на уме нет, — будто бы сказали они, — чтоб нам взяти иноземца на Московское государство; а что мы с вами ссылались из Ярославля, и мы ссылались для тово, чтобы нам в те поры не помешали, бояся тово, чтобы не пошли в поморские городы».

Таким образом оказывается, что грамоты Д. М. Пожарского о шведском королевиче были только дипломатическим приемом. Но если бы Пожарский и оставался при шведской ориентации, то решающего значения он теперь не имел; его великие заслуги желал разделить с ним кн. Д. Трубецкой, которого скорее можно подозревать в симпатиях к молодому Романову. Вообще же шведская канди-

датура была популярною только в В. Новгороде, который в данный момент находился в руках шведского правительства. Этим и объясняется та сдержанность, с какой говорит в своей грамоте о шведском королевиче князь Д. М. Пожарски

Как известно, среди вождей второго земского ополчения поднимался вопрос о кандидатуре австрийского принца Максимилиана. Официальный документ 1613 г. — наказ московским послам к императору — мысль об австрийской (немецкой) кандидатуре приписывает самому Д. М. Пожарскому: «и князь Димитрий говорил (цесарскому послу Юсуфу): только государь их цесарь на Московское государство брата своего даст, и они о том цесарю много челом бьют и брата его на государство примут с великой радостью». Цесарь рекомендовал в московские цари своего племянника. Но в 1613 г. московский посол, будучи у цесаря, согласно полученному наказу, должен был решительно отказаться от того, что вопрос об избрании австрийского принца поднимался когда-либо, так как «и в мысли Московского государства у бояр и воевод и у всяких людей всего великого российского царства того не бывало, что было из иных государств не греческие веры государя обирати». Несомненно, у кн. Д. М. Пожарского были чисто дипломатические соображения искать расположения императора. При помощи последнего он надеялся остановить завоевательные намерения Сигизмунда.

Нельзя забывать, что земскому ополчению под Москвой приходилось считаться с такою крупною общественной силой, как казачество. Вышеназванный московский пленник Иван Философов в сущности верно передал дело, рассказывая, что после очищения Москвы от поляков, когда многие дворяне и дети боярские разъехались, казаки больше чем в два раза превышали численностью оставшихся дворян и детей боярских. Казачество выдвигало две кандидатуры: Михаила Романова и сына Марины Мнишек. Одно современное сказание повествует, что когда на соборе 1613 года обсуждался вопрос о кандидатах на престол, кто-то из дворян города Галича предложил в цари Михаила Романова. Такую же выпись предложил и донской атаман. Атаманство великого войска принимает участие в делегации в Кострому[1]. Ставленником донских ка-

[1] Архив историко-юридических сведений Н. В. Калачова. М. 1850 г., кн. I, отд. VI, стр. 35—38. Окончание см. у Забелина, цит. соч., прилож. № 17 стр. 299.

заков называл впоследствии Михаила Федоровича и канцлер Лев Сапега.

В настоящее время после ряда обстоятельных работ, посвященных великим событиям начала XVII века, не приходится задумываться над вопросом, почему именно выбор собора остановился на молодом Романове, человеке одинаково близким и земщине (в обширном смысле этого слова) и казакам, действовавшим раньше в Тушине[1].

Очищение Москвы от польских интервентов и последовавшее в феврале 1613 года воцарение новой династии являлось по существу крушением захватнической иноземной политики в отношении к Московскому государству, провалом захватнических планов польской шляхты и короля Сигизмунда. Под развалинами сожженной Москвы навсегда была похоронена и кандидатура на московский престол королевича Владислава. Правительство Сигизмунда рассчитывало расплатиться со своим войском за московский поход из средств завоеванного Московского государства. Теперь эти надежды рушились. Долг войску тяжелым Дамокловым мечом висел над головой правительства Сигизмунда. О новых ассигнованиях на ведение московской войны трудно было и думать. Весьма запутанными оказывались дела на южной окраине Польского государства, происходили вооруженные столкновения с Турцией. Таким образом, более трезвые политики понимали, что Польша должна думать о том, чтобы с большею выгодой для себя выйти из создавшегося положения и в первую очередь сохранить за собою Смоленск и Северские земли. В погоне за московским престолом лично для себя Сигизмунд фактически оказывался у разбитого корыта. Династические интересы Сигизмунда в глазах шляхты стояли на втором плане. С 1613 по 1618 год включительно шла дипломатическая борьба с новым московским правительством. Только изредка польское правительство прибегало к военным действиям, но в Москве прекрасно понимали цену этим запугиваниям и их не боялись.

Русское государство, политически объединенное, после тяжелых испытаний и борьбы с интервентами, залечивало свои раны и с каждым годом укрепляло свою мощь.

---

[1] Готье—„Смутное время". Госиздат. 1921 г., стр. 110.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

КУЗЬМА МИНИН

Д. Н. Смирнов

Документальные и литературные источники старого времени молчат о происхождении Минина, о его детских и юношеских годах. Многочисленные в городах Нижнем-Новгороде и Балахне устные предания утверждают: отец Кузьмы Минина Мина Сухорукий был уроженец города Балахны.

В конце XVI века Мина Сухорукий покинул Балахну, начавшую «худеть» благодаря падению соляного промысла, и перебрался с частью семьи на жительство в Нижний-Новгород. При нем был малолетний (8—10 лет) сын Кузьма. Три старших сына остались в Балахне: два из них впоследствии переселились в Нижний, а самый старший, оставшись навсегда в Балахне, послужил основателем балахнинской фамилии Мининых, отдельные представители которых попадались в переписных документах этого города еще в конце XVIII века и даже в начале XIX века.

В Нижнем-Новгороде Мине не повезло: физический недостаток (сухорукость) не давал возможности сносно кормиться. Глава семьи «ушел в монастырь», отдав детей «в люди».

При поступлении в монахи, перед «отречением от мира», человек менял имя на другое, первая буква которого по обычаю была такой же, как и у «мирского» имени.

Мина превратился в монаха Мисаила. Действительно, в позднейших синодиках (поминаниях) рода Кузьмы Минина, хранившихся вплоть до нашего времени в нижегородских Печерском монастыре и Архангельском соборе, нет имени Мины, но есть «инок Мисаил». Это именно и есть отец Кузьмы «в миру» Мина. Оставшись после ухода отца в монахи одиноким и беспомощным мальчиком, Кузьма был усыновлен или принят в семью какого-то нижегородско-

го посадского человека Захарья (Захара) и прозван был Кузьмой Захарьевым, что в те времена бывало естественно в таких случаях. Когда Кузьма подрос, он вместе с новыми «родственниками»: братом Захария Богданом и с сыновьями Захария (одного из них звали Игнатием) участвовал в посадской торгово-ремесленной жизни, имел общие с ними лавки и дом.

В важных случаях жизни, например, при свидетельствовании документов, он к своему житейскому прозвищу Кузьмы Захарьева прибавлял «сын Минина Сухорука».

Именно так назван Кузьма в купчей, помеченной 24 ноября 1602 года, найденной около середины XIX столетия П. И. Мельниковым и опубликованной им в «Отечественных записках» за 1842 год (№ 8, август).

Эта нижегородская купчая является первым документальным источником, упоминающим имя Кузьмы Минина. Купчая регистрирует запродажную сделку нижегородского посадского человека Андрея Петрова с другим посадским Иваном Жилиным, причем указывается, что двор Жилина находится возле двора «Козьмы Захарьева сына Минина Сухорука».

Нижегородский археолог А. Я. Садовский в своей брошюре «Одно ли лицо Козьма Минин и Козьма Захарьев Минин Сухорук», отрицая тождество этих двух имен, пишет, однако, в качестве одного из своих конечных выводов: «В начале XVII века в Нижнем жили два брата Кузьма и Игнатий Захарьевы, Кузьма в некоторых официальных документах именовался Сухоруковым...». Совершенно верно, добавим мы: он и будущий славный Козьма Минин одно и то же лицо. А вот другой (Игнатий) Захарьев нигде не именуется Сухоруковым (хотя и попадается в документах), по той простой причине, что он не происходит из рода Мины Сухорукова!

Опираясь на купчую 1602 года, ряд русских историков в своих научных трудах именует Кузьму Минина Козьмой Захаровичем Мининым, не замечая, что во всех последующих документальных и литературных памятниках отчество Захарьев исчезает. Это исчезновение вызвано по нашему мнению естественными причинами. По истечении нескольких лет (после 1602 года) Кузьма Захарьев-Минин Сухорук выделился среди посадских умом и смекалкой, приобрел вес и влияние, стал выбираться общиной на ответственные должности, требовавшие точной записи его имени в официальных бумагах. Тогда (возможно, что постепенно) стало отпадать его прозвище по приемному отцу (Захарьев), сменившись прирожденным именем и оте-

чеством, исключительно по фактическому отцу «Кузьма Минин» или «Кузьма Минин сын Сухорукий».

О жизни и деятельности Кузьмы в период до 1611 года известно немногое.

За годы 1608—1610 Нижегородский край переживал тревожные времена. В эти годы «Нижнему Нове-граду» пришлось весьма близко соприкоснуться с великими событиями начала XVII века.

Оставаясь постоянно верным московскому правительству, город подвергался неоднократным нападениям как со стороны приверженцев «тушинского вора», так и со стороны некоторых своих же нижегородских уездных городов, тяготевших временами к ставленникам и агентам интервентов.

2 декабря 1609 года на Нижний напали мятежники балахонцы, имея во главе атамана Таскаева, намеревавшиеся заставить нижегородцев признать власть Лжедимитрия. Для защиты города нижегородский воевода Алябьев вооружил отряд стрельцов и служилых людей, а затем, собрав общегородской сход, «кликнул клич» охотникам из посадских людей. В числе добровольцев посадских оказался и Кузьма Минин. В отряде Алябьева он оттеснил балахонцев от города, разбил их при Копосове и Козине (приволжские села недалеко от города Горького) и участвовал в осаде Балахны. В этом же месяце Минину пришлось отражать нападение на Нижний войска доверенного Яна Сапеги князя Вяземского, а в следующем году с отрядом того же Алябьева проделать поход на Богородское, Ворсму, Павлово и Муром.

В Муроме Алябьев остался воеводой, а отдельные добровольцы из его отряда, в том числе, как можно предполагать, и Минин, пробрались через Владимир в Москву и, участвуя в так называемом «первом ополчении», бились бок о бок с отрядом Д. М. Пожарского против поляков на Лубянке у стен Китай-города. Здесь впервые Кузьма Минин увидел будущего военного руководителя ополчения 1612 года и имел широкую возможность убедиться в его доблести.

Потерпевшие неудачу «первоополченцы» разошлись по домам. Минин вернулся в Нижний.

Многочисленные походы, давшие ему позднее характерное определение «бывалый человек», несомненно сильно отразились на его внутренних переживаниях, на его миросозерцании, на всем складе его, очевидно, впечатлительной и прямодушной натуры. Минин видел кровь, видел опустевшие города, пылающие деревни и села. Он наблюдал раз-

громленные жилища крестьян, толпы женщин и детей без крова и пищи, трупы, валявшиеся по дорогам... Весьма естественно, что он по выражению того времени «заскорбел духом», т. е. все внутреннее существо его прониклось скорбью, жалостью, состраданием, у него пробудилось стремление, что-то сделать, как-то помочь родине, близким людям...

На родине Минин обратился к своим обычным посадским занятиям; 1611 год подходил к концу (новый год начинался тогда с 1 сентября).

Нижегородский посадский «мир» делился на два посада: «верхний» (нагорная часть) и «нижний» (прибрежье Оки и Волги) и заключал в своем составе совокупность торгово-ремесленных людей, плативших «государево тягло», оброки и выполнявших различные государственные и городские повинности.

Управлялся посад «мирским» или «земским» советом, избираемым общим сходом жителей посада. Во главе земского совета стоял выборный посадский староста с помощниками, земскими целовальниками. В старосты обычно выбирался наиболее уважаемый и достойный доверия человек из «добрых» людей («добрый» человек — исправный налогоплательщик в отличие от «худых», «подсоседников» или «захребетников», за которых платили другие). Выборы были ежегодными и происходили в конце года.

В 1611 году нижегородская нижнепосадская община избрала на должность своего посадского старосты только что возвратившегося из похода алябьевского ополченца-добровольца Кузьму Минина. При его избрании, вероятно, был составлен (не дошедший до нас в подлиннике или списках) земский приговор обычного в таких случаях содержания: «Посоветовав всем миром, излюбили есмя и выбрали к государеву делу и к земскому в Нижнем Нове-Граде в Земскую Избу нижегородца-же посадского человека в земские старосты Козьму Минина»... «ведать ему в мире всякие дела и во всех мирских делах радеть, а нам мирским людям его старосты во всех мирских делах слушати, а не учнем его слушати, и ему нас вольно и неволею к мирскому делу нудить...»

Самый факт избрания уже показывает ту высокую степень доверия и уважения, какими пользовался Минин среди своих сограждан.

Новый земский староста приступил к исполнению своих обязанностей, не бросая своего посадского «рукомесла» или «художества» (термины, заменявшие в тот век наши «занятия» и «род жизни»). Документальные и литератур-

ные источники каждый по-своему квалифицируют Минина по его профессии: «мясник», «говядарь», «продавец мяса и рыбы», «купец коровий» и т. д.

Чтобы яснее представить себе сущность, характер и размер его промысла, обратимся к имеющимся сведениям о торговле и промыслах нижегородцев в начале XVII века.

«Новгород Низовские Земли», стоявший на слиянии двух крупных рек, был одним из важнейших торговых узлов Русского государства. Он справедливо считался ключом к «Понизовью», через него сообщалась Москва с Казанью, Вяткой, Астраханью и Терками (Предкавказье). Предметом крупного оптового торга были: соль, хлеб, рыба, мед, кожи и овчина. Другими товарами, в том числе мясом и говядиной, торговали исключительно для местной потребности. Число лавок на торгу достигало 200: из них на долю мясных приходилось 7—8 [1]. Для десятитысячного населения, «постившегося», т. е. не употреблявшего мяса значительную часть года, этих восьми лавок было много и можно утверждать, что каждая из них не могла иметь большого оборота. Легко допустить, что во время длинных «постов», продолжавшихся по нескольку недель, мясники временно переходили на продажу рыбы, почему некоторые источники именуют Кузьму Минина продавцом не только мяса, но и рыбы. О том, что Минин не был крупным торговцем, прямо свидетельствуют «Разряды» и летописные сказания (см. напр. «Катырева-Ростовского»), прибавляя при сообщениях о Минине, что он «убогою куплею питался», продавая говядину «в требование людям» (ср. «требование», «треба», «потребность»: отсюда — современное «потребитель», иными словами «продажа потребителю», а не перекупщику-посреднику).

Весьма возможно, что у Минина была «животинная бойница», та самая, которая по «Писцовой книге» (см. Р. И. Б. т. XVII, стр. 199) в 1621 году числится за «Богдашкой Сухоруковым» (по всей вероятности родственником Кузьмы), к которому перешла между 1612—1615 годами, после удаления Минина от посадских торговых дел. На вопрос, был ли Минин богатым или хотя бы состоятельным человеком, приходится ответить отрицательно.

Мнения о зажиточности Минина базируются на признании однажды его самого в обладании имуществом на 300 рублей. Велика ли была эта сумма? Правильно ответить на этот вопрос можно, определив ее удельный вес в денеж-

---

[1] См. Богородицкий. „Очерк торг. Н. Н. за XVI и XVII вв."; Сташевский. „Зам. о торг. Н. Н. в нач. XVII в." и др.

ном обращении того времени. Обратимся к сравнениям: служилым людям в ополчении 1612 года платили жалования по 30—50 рублей; сам Минин, будучи впоследствии на государственной службе, получал 200 рублей оклада. Цифра «300» в сравнении с этими величинами отнюдь не поражает своими размерами и не дает права на причисление обладателя трехсот рублей к «богачам». Да и современники Минина не считали три сотни рублей большой суммой, поскольку в летописных сказаниях (в тот же отрезок времени) авторы их сочли нужным отметить в качестве крупного лишь капитал, превышавший мининский в 40 раз.

Где жил Минин в Нижнем? Этот вопрос, интересный для нас тем, что может служить ключом для разрешения целого ряда других вопросов прошлой истории города, не раз был предметом изысканий нижегородских историков.

Мнение Мельникова, «поселившего» Минина на окраине города в Благовещенской слободе и почему-то не оспоренное последующими исследователями Храмцовским и Гацисским, нуждается в основательной проверке. Доводы Мельникова сводятся к следующему: в 1621—1628 годах в Нижнем проживала невеста царя Михаила Федоровича Марья Ивановна Хлопова. О ней велось, сохранившееся до нашего времени следственное дело (см. собр. Гос. Гр. и Дог.), в котором между прочим есть указания о ее жительстве в доме, принадлежавшем Минину, и о том, что ее «духовником» был поп Предтеченской церкви. Мельников рассуждает, примерно, так: если у Хлоповой духовником был предтеченский поп, значит она жила в приходе этой церкви. С другой стороны, она помещалась в доме Минина. Следовательно, дом Минина находился в приходе нижегородской церкви Предтечи. Зная, что в Нижнем есть и была в начале XVII века церковь Предтечи в Благовещенской слободе, автор «поместил» в слободе дом Минина. С внешней стороны все логически стройно и обоснованно, но с внутренней стороны не выдерживает серьезной критики.

Марья Ивановна Хлопова действительно жила в бывшем доме Минина, но не в его посадском домике, а в доме казенном кремлевском, пожалованном Минину царем. Хлоповы (целая семья), несмотря на опалу, во всех местах ссылки помещались в лучших воеводских домах или в специально выстроенных хоромах, и в хибарку Минина на посаде их поместить ни в коем случае не могли.

Церквей Предтеченских в Нижнем, в 20-х годах XVII столетия, была не одна, а целых три. Кроме упоминаемой Мельниковым в Благовещенской слободе, была еще вторая церковь «Ивана Предтечи» (существует до сего времени)

рядом с Ивановскими воротами Кремля (см. «Писцовую книгу 1612 года», Р. И. Б., т. XVII, стр. 127) и третья — «Зачатия Ивана Предтечи» в самом кремле, недалеко от Архангельского собора (см. там же, стр. 61), — церковь сломана в середине XVIII столетия. Вот в приходе этой последней и жила Хлопова, имея духовником настоятеля этой церкви Димитрия.

Где же все-таки в 1612 году стоял посадский дом Минина? Выборный посадский староста не мог ютиться у чужих людей, не имея собственного двора. Ответ о его местонахождении дает та же купчая 1602 года, частично уже цитированная нами. В ней указывается топографическое положение продаваемого дома и соседних с ним «за городом» (т. е. за кремлем), на Никольской стороне над Почайною».

Вот совершенно точные и определенные указания. Верхнебазарная Никольская («Николая Чудотворца») церковь (время постройки — конец XVI века. Сломана в 1930 году) находилась на месте современной советской гостиницы «Интурист». Купчая прибавляет к тому «над Почайной», значит, дом Минина был по склону горы в районе теперешнего трамвайного маршрута № 1. Путем дальнейших умозаключений определим место еще точнее. Весь этот район находился между двумя приходскими церквами Никольской и Предтеченской (у Ивановских ворот), причем население его тяготело к приходам в зависимости от того, к какой церкви ближе по расстоянию жил человек. Принимая во внимание мельниковское указание, что Минин жил в приходе Предтеченской церкви, устанавливаем возможное место для двора Минина — отрезок Зеленского съезда от Коромысловой башни до церкви «Предтечи». Подойдем к этому вопросу еще с другой стороны. «Писцовая книга» указывает местоположение бывшего «мясного ряда» (в 1621 году он частично сломан, остатки назначены к переносу на другое место) — самое начало Почаинского оврага. Здесь были мясные лавки и тут же в «Зарядьи» помещались почти все дворы мясников, упоминаемых по именам и профессиям в «Писцовой книге». Такое скопление домов мясников вблизи своих лавок объяснялось, очевидно, удобством близкой доставки в лавки хранившихся в домах на ледниках туш убитого скота.

Мясник Минин едва ли был исключением, он тоже жил здесь, а этот район совершенно совпадает с только что разобранным нами местом в приходе Предтеченской церкви.

Ежедневно Минин спускался с пригорка, где стояли его «бойня» и дом, на Торговую площадь «к земской избе»,

помещавшейся около церкви «Николы на торгу» (участок современного трамвайного кругового поворота у Скобы в гор. Горьком). Здесь он выполнял возложенные на него общественные обязанности. По роду своей административной деятельности ему также приходилось бывать и у воеводы в кремле и на «верхнем базаре» у товарища по избранию и функциям верхнепосадского старосты. Везде «излюбленному посадскому человеку» приходилось сталкиваться с отголосками и отражениями событий того момента, везде и всюду приходилось беседовать о переживаемом страной тяжелом времени.

Минин воочию наблюдал, как «люди хрестьянские» из разных мест уезда приносили воеводе жалобы-слезницы о том, что податели их «разорены до конца», «лишились своих дворишек, избенок и кельишек», «скитаются меж дворы», а иные «помирают голодной смертию»... Видел Минин, как торговая жизнь, ранее кипевшая ключом, начинала затихать и грозила прекратиться совсем. Видел Минин различные беды, переживаемые родиной, и сердце его вновь начинало страдать, как и во время походов с Алябьевым.

Особенно тяжелые переживания приходились на долю Кузьмы, когда в Нижнем получались редкие известия из Москвы, доставляемые «бесстрашными людьми» Родионом Моисеевым и Романом Пахомовым. Вся надежда была у нижегородцев на Москву, а тут приходят страшные вести: часть бояр приглашает в цари иноземца, другая — к «воренку» тянет, и третьи «перелетами» занимаются, — ездят из кремля в Тушино и обратно, да еще открыто уговариваются, кому оставаться в столице, а кому ехать под Москву «в лагерь», чтобы пользоваться выгодами и той и другой стороны. Стал задумываться Минин: «На что же надеяться? К кому обратиться? Кто спасет?»

Сильная занятость (летописи свидетельствуют: «ношася тогда бурями различных попечений») не мешала ему находить время для уединения и размышления. Но размышлял он не о себе: под влиянием окружающей действительности в нем постепенно вырабатывалась та высшая степень патриотизма, когда личные интересы отступают на задний план перед желанием пользы, выгоды, счастья многим людям, целому городу, всему государству.

Выдающийся ум избранника посадской людской массы подсказывал возможный выход из создавшегося положения: ведь, не один он болеет душой за родину, среди посадских много найдется таких же, как он, «болельщиков» и «страдальцев» (старинные русские выражения, встречающиеся в летописях). Нужно объединиться «всем скопом»,

«всем миром», да войско и казну собрать. Но вопрос в том, послушают ли? Ведь были случаи: и деньги собирали и под Москву ходили, да ничего не выходило. Значит не так брались за дело, подсказывает мятущемуся уму практическая смекалка.

Минин оказался способным разобраться в тяжелых обстоятельствах момента. Постепенно у него возник план обратиться к согражданам с предложением взяться за дело спасения родины по-новому, по его, Кузьмы, наметкам и указаниям. Долго колебался энтузиаст-нижегородец раньше чем привел свой замысел в исполнение.

Решив перейти от мыслей к действию, Минин начал разговаривать в земской избе с приходящими по делам посетителями на волнующую его тему. Излагая свои сокровенные думы, он убеждал каждого в возможности добиться успеха, если подняться не единицам, а всему народному множеству. Большинство собеседников при этом, по словам летописца, «в умиление приходити начаша», и лишь единичные люди «ругающеся отходяща». На вопросы, как практически подойти к делу, Кузьма указывал на необходимость в первую голову казны и предлагал желающим делать пожертвования.

Вдохновенно убежденные слова Минина способствовали успеху добровольного сбора, сумма которого достигла 1.700 рублей. Конечно, для серьезного похода этих денег было слишком мало, и Минин решил обратиться с воззванием ко всему населению города. Он выбрал подходящий момент и произнес свою короткую, но близкую народному сердцу речь.

До нас не дошел точный текст его речи, да и не мог дойти, так как никем не записывался. Минин произнес приблизительно следующее: «Если хотим помочь государству, то соберем прежде всего побольше денег, да при этом не пожалеем имущества своего и не только имущества, но в случае нехватки и дома продадим, или займем у имущих, отдав им в отработку жен и детей».

В изложении летописного сказателя, по всей вероятности монаха (среди которых и попадались, почти исключительно, грамотеи-рукописцы), уснастившего мининскую русскую народную речь церковно-славянскими оборотами, эти слова приобрели нижеследующую форму: «Буде нам похотети помочи государству ино не пожалети животов своих, да не токмо животов своих, ино не пожалети и дворы своя продавати и жены и дети закладывати».

После такого вступления Минин наметил основную задачу всенародного единения — изгнать врагов государства

и при этом указал на первый практический шаг к осуществлению этого: «Найдем подходящего человека и отдадим под его начальство будущую рать».

Летописцы, упоминающие о речи Минина, единогласно свидетельствуют: «речь его нижегородцам люба бысть». Говорил ли Минин красноречиво? Едва ли. Откуда посадскому человеку знать приемы красивой речи? Он нигде и ничему не учился, был, вероятно, неграмотен (позднее, в случае нужды за него подписывались Д. М. Пожарский и другие). К тому же нижегородцев красноречием нельзя было удивить, им при «богослужениях» регулярно преподносились поучения искушенными в вопросах стилистики и гомилетики учеными попами-проповедниками. Нет, простая, безыскусственная речь Минина нашла отклик в сердцах слушателей по той простой причине, что в точности соответствовала тому, что таилось внутри у каждого из присутствовавших. Минин только высказал мысли и стремления собравшихся.

Наиболее интересным в речи Минина является заключительная ее часть — предложение избрать военного начальника. Минин обращался, главным образом, к массе, к посадским, к людям своего круга. Русская посадская община привыкла к самоуправлению и к выборному началу, но исключительно в своих пределах. Посадские собирали деньги, отдавали их в казну, но в государственные дела не вмешивались. Власть над ними всегда принадлежала воеводе или боярам, назначенным правительством. Минин впервые предложил принцип выборности военного начальника, что в русской практике было неслыханным и небывалым. Позднейшие историки, подчеркивая в предложении Минина настояние выбрать начальника «добра», и который бы «в измене не явился», почему-то упустили из вида это демократическое, по сути, новшество — выборность военного вождя.

Результаты обращения Минина к согражданам не замедлили сказаться. Широкой волной потекли пожертвования, которые имели массовый характер; деньги, ценности, домашние вещи приносились на площадь, а Минин на правах инициатора вел им счет и сдавал на хранение, вероятно, в собор. Во время сбора отмечались трогательные сцены, многие приносили последнее, были такие, что снимали с себя на площади и отдавали на общее дело одежду. Пример малоимущих посадских отразился и на богатых. Известен из летописей рассказ о богатой вдове, которая из имеющихся у нее 12 тысяч отдала 10.

Через некоторое время был выбран вождем будущей

рати человек выдающейся военной доблести и с незапятнанной репутацией — воевода Димитрий Пожарский. Дальновидный ум и свойственная его характеру осторожность, заставили Пожарского обусловить принятие командования требованием разграничить и отделить одну от другой военную и финансовую сторону организации будущего войска.

Инициатор или «заводчик» всего движения Минин был выбран «миром» в казначеи и распорядители денежной части уже начинавшего формироваться ополчения. Для обозначения новой должности Минина не нашлось даже подходящего слова в терминологии того времени, и он с начала до конца похода пробыл в звании «выборного человека всею землею».

Свое согласие заведывать финансами Минин дал не ранее, чем выборщики его согласились подписать договор, в котором нижегородцы обязывались «во всем быти послушными и покорливыми начальникам и не противиться им ни в чем; на жалование ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы, и жен и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным скудости не было».

Получив такой приговор, Минин с увлечением отдался делу собирания сначала добровольных пожертвований, а потом налоговых сборов. Управляя податными делами нижегородского посада, он привык вести крупное хозяйство и умел обращаться с большими деньгами, собираемыми с населения в виде податей и оброков. Его ближайшей задачей являлось установление наиболее выгодной для успеха всенародного дела формы обложения и создание удобного аппарата для взимания и хранения собираемых сумм. Практический ум Минина подсказал ему единственный правильный подход к делу. Летописи говорят: «Козьма нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с кого что денег взять, смотря по пожиткам и по промыслом».

Самый процесс «обложения», т. е. определения состоятельности каждого плательщика, происходил с помощью «окладчиков». Это были специально выбранные «миром» люди, приводившиеся к присяге.

Действия их происходили на глазах у всего посада и обязательно в присутствии окладываемых. Находились, однако, люди, которые пытались уклониться от сбора. В этих случаях Минин «уже волю взем над ними по их приговору с Божьей помощью и страх на ленивых налагая». Понуждение производилось обычными мерами посадской налоговой практики. Организованный Кузьмой Мининым

сбор среди жителей города не мог дать всей необходимой суммы, и Минин посылал окладывать в города, «державшие руку» Нижнего — в Балахну и Гороховец. В декабре — январе начали поступать деньги из нижегородского уезда: их собирали как среди государственных дворцовых крестьян, так и среди националов «бортников» и звероловов. Есть указание, что монастыри (например, нижегородский Печерский) не освобождались от этого налога.

Незадолго до выхода ополчения из Нижнего (март 1612 года) Минин провел также принудительный сбор денег у крупных торговых людей города взаймы, на время «покамест нижегородские денежные доходы в зборе будут». Взято было у Никитина да у Максимовых Юшки и Матюшки Петровых Людей Строгановых 4.116 рублей, у Григория Никитина из денег, принадлежавших Федору Радяеву (очевидно богатый «гость»), 500 рублей, и у других, в общей сложности на сумму около 5½ тысяч рублей. Это было сверх «оклада», и деньги подлежали возвращению. Позднее Минин заемные деньги местным людям уплатил, а строгановские, очевидно, по недостатку средств задержал, на каковое обстоятельство Строгановы (уже 60 лет спустя) указывали в челобитной к царю.

По выходе рати в поход финансовая деятельность Минина не только не ослабела, но приняла особенно интенсивный характер. Необходимо было изыскивать деньги на продолжение до конца этого беспримерного патриотического движения. С этой целью Минин (совместно с Пожарским) разослал грамоты с просьбой о материальной помощи в северные и понизовые города. Авторитет обоих вождей ополчения и близкая всем задача похода содействовали пополнению средств при прохождении через встречные города; везде жители предлагали казну и припасы.

Минин хорошо понимал, что в великой войне, а тем более в такой, от исхода которой зависит судьба отечества, необходимо прежде всего заботиться о ратных людях, снабжая их всем необходимым: жалованием, пищей и военным снаряжением. Хорошее питание и материальное снабжение, помимо жалования от 50 до 30 рублей (по «статьям»), привели к тому, что воины не ходили группами по окрестным деревням добывать провиант, что было в то время обычным. Внешний красивый и даже щеголеватый вид ополченцев впоследствии под Москвой вызвал зависть в казаках Трубецкого, с досадой кричавших «богаты с Козьмой пришли есте, и сами одни от гетмана отстоятся!» Даже забота о лошадях стояла на таком высоком уровне, что хозяева бывших заморенных кляч не узнавали

своих собственных лошадей, откормленных ополченцами. («Зап. арзамасца Болтина»).

Такое разностороннее попечение Минина о войске прекрасно запечатлел один из его современников Авраамий Палицын: «Коемуждо по состоянии даваша им денежное жалование и кормы и трапезами учрежаша их, и во оружии готовы ко брани устрояша их, и вси иже от воинского чина, и нищие обогатишася, и быша конны и вооруженны» («Сказание»).

С Пожарским Минин действовал все время в полном согласии, «в совете». В грамотах, рассылаемых городам, имена обоих стояли рядом, а при нужде в подписи Минин доверял Пожарскому расписываться вместо себя: «В выборного человека всею землею в Козмино место Минино князь Дмитрий Пожарской руку приложил» (см. грамоту из Ярославля на Вычегду). В важных случаях веское слово Минина всегда имело для руководителя рати немаловажное значение. В источниках не раз отмечаются совместные совещания Пожарского с Мининым. Например, в Плесе, перед отправлением в Кострому, Пожарский получил известие, что тамошний воевода Шереметев «тянет» к Владиславу и не хочет пускать нижегородцев. Во время совещания Минин настоял всетаки продолжать путь. Или, например, в Ярославле «... князь Дмитрий Михайлович и Козьма начали думать... как бы земскому делу быть прибыльнее» и т. д.

Подойдя к Москве, ополчение, как известно, расположилось лагерем отдельно от казаков Трубецкого. Пожарский и Минин имели все основания быть неуверенными в казацкой устойчивости, но ради лучшего успеха будущих военных действий нужно было привлечь казаков на свою сторону. Для этой цели Минин неоднократно посещал казацкий лагерь. Летописец рассказывает: «Козьма приде в полк князя Дмитрия Трубецкого и начати со слезами молити ратных о любви, да помогут друг-другу».

Сохранились любопытные сведения, как отнеслись в Москве Трубецкой, бояре и поляки к появлению вместе с ополчением в качестве чуть не первого лица по влиянию и значению простого посадского человека. Трубецкой, знатный боярин, кичившийся постоянно древностью рода, воскликнул: «Мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет!»

Поляки в кремле, получившие предложение сдаться, в своем заносчивом ответе писали: «Пусть хлоп пашет свою землю, поп знает церковь, а Куземки пусть занимаются торговлей — государству лучше тогда будет»

Русские изменники, посылавшие из кремля в Польшу донесения, иначе не называли Минина, как «Куземка». Такое пренебрежительно боязливое отношение к Минину показывает ярко и выпукло, какое потрясающее впечатление произвело в Москве выступление на политическую арену в качестве вершителя судьбы всего государства выходца из народа.

24 августа 1612 года произошло решительное сражение с поляками. Конечно, главная роль и общее руководство в бою принадлежали Пожарскому, но в критический момент, когда упорство поляков казалось непреодолимым, по почину инициатора и организатора ополчения произошла удачная вылазка, решившая судьбу сражения.

Летописец рассказывает, как Минин «неискусен воинским стремлением, но смел дерзновением» неожиданно подошел к Пожарскому и стал просить у него ратной силы, чтобы ударить на поляков. «Бери кого хочешь», — отвечал Пожарский. Минин взял три сотни воинов и во главе их смело ударил на стоявших у Крымского брода конную и пешие сотни Ходкевича. Те, застигнутые врасплох, кинулись врассыпную, давя друг друга. Видя такую удачу, остальные русские ополченцы, засевшие в ямах и канавах, оставили засаду и кинулись в свою очередь на бегущих поляков. Ходкевич потерял до 500 человек и отступил к Донскому монастырю. На утро он совсем ушел из Москвы.

Дальнейшие события пошли быстрым темпом. Спустя недолгое время сдались поляки, сидевшие в кремле, и страна могла приступить к внутреннему устроению. Деятельность Минина не кончилась с роспуском ополчения. Он принимал участие в Земском Соборе и, несомненно, как представитель тяглого сословия состоял там в группировке, сопротивлявшейся притязаниям знатных боярских родов. Имя его дважды упоминается в тексте утвержденной грамоты Собора наравне с именами Трубецкого и Пожарского. Правда, в числе подписей на грамоте его подпись отсутствует, но это может быть объяснено неграмотностью, а фамилия его может скрываться в подписи единственного грамотного посадского нижегородского человека на соборе, расписавшегося за всех остальных посадских земляков: «Нижнего Новгорода выборный посадский человек Самошка Богомолов и в товарищей своих место руку приложил».

12 июля 1613 года, избранный Собором царь Михаил Федорович пожаловал ему чин «думного дворянина», «велел ему быти всегда в Москве при нем государе безотступно и заседать в палате, думати о всяких делах, о чем государь

расскажет и что царству Московскому надлежать будет». (А. И. II).

В летописях название думного дворянина встречается впервые в 1572 году, в котором думным дворянином был сделан представитель захудалого рода Роман Алферов. С того времени число всех имевших это звание не превышало 18 человек. В начале XVII столетия кроме Минина это звание было присвоено лишь одному лицу (сокольничьему Гавриле Григорьевичу Пушкину). Появление думных дворян из неродовитых, но выдающихся по уму людей было вызвано необходимостью, так как многие бояре в Думе были неспособны к творческой плодотворной работе. По словам Григория Котошихина во время заседаний иные бояре, «сидели брады свои уставя» и ничего не отвечали на вопросы царя.

До нас не дошло известий о деятельности Кузьмы Минина в Боярской Думе, но можно предположить, что она, против его воли, не была достаточно плодотворной, поскольку главными действующими лицами в Думе были безталанный Шереметев и бывшие «шатуны» — изменники Салтыковы, Куракины, Черкасские, все те, которые или ничего не делали в эпоху освободительного похода нижегородцев или поддерживали противную сторону.

Минин не был в почете у царя Михаила Федоровича. Для того, чтобы лучше скрыть свое недоброжелательное к Минину отношение, правительство Михаила давало Минину отдельные почетные поручения. Весной 1614 года по всему государству происходил сбор налога-пятины. Минин заведывал сбором в Москве «с гостей, гостинных и суконных сотен и с черных сотен и слобод».

В мае 1615 года «как пошел государь к Троице-Сергию в Монастырь, то на Москве оставил бояр... да Козьму Минина» (см. «Дворц. Разр.»).

В оплату государственной службы Минин получал в 1613 — 14 годах жалование 200 рублей («а поместьем не верстан»). В 1614 году ему назначены в поместие из дворцовых земель Нижегородского уезда села Ворсма и Богородское, а в 1615 году Богородское с девятью окрестными деревнями пожаловано ему и сыну Нефедью в «вотчину» за то, «что он Козьма, помятуя Бога и Пречистую Богородицу в Нижнем-Нове Граде и в Понизовых городах, собрав денежную казну с Нижнего, и с Понизовых, и с верховых, и с поморских и со всех городов и ратных всяких разоренных людей подмогал и ратные люди бояры и воеводы и с ним с Козьмою, собрався под Москву к боярам же

и к воеводам, кои стояли под Москвою безотступно, на помочь пришел и Московское Государство очистил...»

Пожалование этой вотчины сопровождалось льготами для вотчинника. Особой грамотой от 31 мая 1615 года царь приказал сына и братьев Минина, а также людей и крестьян их освободить от суда местных властей: «Как вам (нижегородским воеводам Бахтеярову и Нащокину) ся наша грамота придет и вы б на Козьмину братью и на людей и на крестьян в исцовых искех, опричь татинного и разбойного дела, суда не давали без наших грамот, а кому будет до его братьев и до людей и до крестьян дело и они бьют челом нам на Москву» (Собр. Гос. Гр. и Дог »).

Село Богородское, существующее до сих пор (гор. Богородск в 50 км от Горького), известное в старину и в позднейшие времена своим кожевенным промыслом, в актах времен Минина описывалось таким образом: «стоит село на четыре усада (порядка домов), а меж усад и ключей пруд с заплотиной. А в селе церковь Рождества Пресвятой Богородицы древяна с папертью, да другая церковь Николы Чудотворца с папертью-ж. Да в селе кабак, да торг, а торгуют два дни в неделю в пятницу да в воскресенье, а в торгу и с кабака сбирают деньги на вотчинника на Нефеда Минина люди его и крестьяне». Сам Кузьма не жил в вотчине, поручив управление сыну и жене Татьяне.

По пресечению рода Минина Богородское перешло к князьям Черкасским, от них в 1744 году их родственникам Шереметевым, во владении которых находилось вплоть до Великой Октябрьской революции.

Помимо земельных владений Кузьма Минин получил в пользование дом казны в Нижнем-Новгороде на Соборной площади между соборами Архангельским и Спасо-Преображенским. Дом этот, отмеченный в «Писцовой книге» 1621 года, в дальнейшем служил жилищем уже упоминавшейся нами Хлоповой, а в 1633 году отдан родственникам царя Якову и Ивану Черкасским. Существование дома отмечается различными нижегородскими источниками вплоть до 1776 года, когда все жилые строения средней части Кремлевской площади были сломаны и уничтожены, а освободившееся место впоследствии застроено большими каменными домами: корпусом присутственных мест, кантонистскими казармами, арсеналом и др.

Жизнь знаменитого нижегородца не была продолжительной. Из «Дворцовых Разрядов» известно, что ему (и двум другим лицам) в начале 1616 года дано было поручение съездить на следствие в Казанской уезд, «где чере-

миса заворовала». Сколько времени пробыл Минин в Казани, мы не знаем. «Столяров Хронограф» указывает, что следствие, повидимому, было закончено, так как «сыскав», т. е. произведя следствие, следователи по повелению царя должны были ехать в Москву, другими словами, возвратиться к постоянному месту своей службы. В заключение «Хронограф» говорит: «А. Козьмы Минина едучи к Москве по дороге не стало».

Точная дата смерти Минина неизвестна.

По грамоте, данной царем семье Минина, помеченной 5 июля 1616 года, подтверждающей права на вотчину Богородское сына Нефеда и жены Кузьмы Минина вдовы Татьяны, можно установить смерть Минина в период одного из весенних месяцев (вероятно, мая)[1]. Похоронен был Минин в своем приходе (отдельных кладбищ в Нижнем до начала XIX века не было); местом погребения, по всей вероятности, после 1613 года являлся Архангельский собор, так как и дом Минина был недалеко от него, да и при соборе обнаружили позднее хранившуюся сотни лет семейную поминальную книгу рода Нефеда Минина. В ограде этого собора и нашли себе место останки великого гражданина. В 1672 году по повелению царя Алексея Михайловича прах Минина перенесен в Спасо-Преображенский собор и заключен в каменную гробницу. Вместе с позднейшими перестройками собора менялся неоднократно и внешний вид мининской гробницы. До середины XIX века центральное место на гробнице занимала бронзовая доска со стихами:

„Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей России оживитель,
Отчизны красота, поляков страх и месть,
России похвала и вечна слава честь.
Се Минович Козьма здесь телом почивает,
Всяк истинный кто Росс, да прах его лобзает!"

Потом эта доска со стихами была отодвинута несколько в сторону, а в середине гробницы высечены в камне слова «Лета 7124 преставился раб Божий думный дворянин Козьма Минин Сухорук».

Члены семьи Минина ненадолго пережили своего главу: жена Татьяна Семеновна умерла в 1621 году, а сын Нефед не позднее 1632 года.

До своей смерти Нефед служил в должности стряпчего

---

[1] В 1916 г., когда отмечалось трехсотлетие со дня смерти Минина, условно датой смерти Минина было установлено 21 мая. В 1941 г., когда отмечалось в г. Горьком 325-летие со дня смерти Минина, была также принята эта дата.

при дворе Михаила. Упоминания о нем в источниках кратки: в 1625 году по случаю отпуска Кизылбашского (персидского) посла находился в числе стряпчих с платьем на восьмом месте («Дворцовые Разряды»); в 1626 году во время царской свадьбы «шел у фонаря» (там же); в 1628 году вновь упоминается при приеме персидского посла (там же).

О личной жизни этих, близких к Кузьме Минину, лиц ничего неизвестно, если не считать дошедшего до нас любопытного документа «отпускной грамоты», характеризующей отношение семейства Минина к доставшимся им вместе с вотчиной селом Богородским крепостным людям.

«Нынешнего 7123 года (1615 г.) бил нам челом крестьянин села Богородцкова Федка Колесник, что выпустил его Козьма Минич из-за себя. И нынеча жити он на Богородцком (у) прикащика. И нынече его, матушка наша Татьяна Семеновна пожаловала велела (т. е. позволила) ему жити в Богородцком, кто ево пожалует на подворье без боязни со всеми ево животами, с животиною и с хлебом с молоченым и стоячим, опришно того, что он здал пашню с хлебом. А память писал яз Нефед Кузьмин сын Минича по матушкину велению Татьяны Семеновны. А пойдет с Богородцкова, ино також его выпустил совсем. А у памяти печать наша Кузьмы Минича» (печать Минина хранилась ранее в Московской Оружейной Палате, теперь находится в одном из Московских музеев).

Из братьев Минина известны двое: Сергей (упоминается, как доставивший одну из царских жалованных грамот в Нижний к воеводам) и Безсон (торговый посадский человек судя по «Писцовой книге», обнищавший к 1621 году). Об имени балахнинского брата определенных известий нет. По некоторым данным, нуждающимся в подтверждении, можно предполагать существование еще сестры у Козьмы Минина. В «Переписной книге Нижнего-Новгорода за 1678 год» имеется запись (см. Р. И. Б. том XVII с. 434). (В приходе Сергиевской церкви) «во дворе вдова Домница посадского человека Макарьевского жена Минина». Эта вдова Домна, дочь какого-то Мины («Минина»), могла быть сестрой Кузьмы, особенно учитывая то обстоятельство, что в поминаниях (синодиках) рода Мининых, и в Архангельском соборе и в Печерском монастыре, помещена среди других родственников «Домника» (см. уже упоминавшуюся брошюру А. Я. Садовского). Предположив, что сестра Кузьмы Минича, умершего сравнительно молодым в 1616 году, могла иметь в момент смерти брата возраст примерно в 20 — 22 года, высчитываем, что вдове «переписной кни-

ги» Домнице, дочери Мининой, могло исполниться в год переписи 82 — 84 года, что не препятствует отождествлению ее с вероятной сестрой Кузьмы Минина.

Род Кузьмы Минича прекратился со смертью бездетного Нефеда Кузьмича.

В середине 40 годов XIX века были предприняты попытки разыскать возможных потомков рода Мининых.

По распоряжению Николая I этим делом занимались нижегородское губернское начальство и писатель Мельников-Печерский, бывший тогда учителем нижегородской гимназии. Самые тщательные розыски ни к чему не привели; в лучших случаях удавалось обнаружить отрасли потомства от боковых ветвей рода Мины Сухорукова. В частности, усиленно дискуссировался вопрос о потомстве сестры Минина Дарьи (?). Эта пресловутая «Дарья», не упоминаемая нигде в источниках, по утверждению некоторых тождественна с «Домной» из «Переписной книги» 1678 г.

Доводы сторонников этого взгляда основываются на древнем русском предрассудке скрывать во избежание «порчи» и «сглаза» имя, данное при рождении, заменяя его другим — обиходным. Домна-де имя, записанное в церковных книгах, а в общежитии это же лицо звали Дарьей.

Не отрицая существования такого (но отнюдь не обязательного, как правило) обычая, указываем, что в таком случае «житейская Дарья» попала бы в «Перепись», составлявшуюся со слов окружающих, именно, как Дарья, но не Домна.

По этой причине оставляем без рассмотрения родословное «древо» Дарьи Кафтыревой-Подсевальщиковой (о ней см. «Сб. Ниж. арх. ком. т. XIII, вып. IV и отдельно Н.-Новг. 1910 г.).

Другим претендентом на происхождение от Минина являлся в XVIII веке некий коллежский советник Алексей Минин, добившийся каким-то путем от Екатерины II высочайшей грамоты, в которой ему присваивалось потомственное дворянство «за заслуги предков деда Михаила и пращура Козьмы Минина». Этот Алексей Минин смог доказать свое родство только с каким-то Михаилом Леонтьевичем Мининым «Владимирцем», получившим поместье от царя Федора Алексеевича за участие в войне с Турцией (1680 — 1682 гг.). Родство же отца последнего Леонтия Минина с Кузьмой Мининым ничем доказано не было, и упоминанье в екатерининской грамоте о «пращуре» нужно считать недоразумением. И сама Екатерина не была, очевидно, уверена в родстве награждаемого со столь знаменитым «пращуром», если, утверждая герб нового дворянина с рисунком «меча, прон-

зающего полумесяц», лишила эту эмблему всякого намека на подвиг Кузьмы Минина, безусловно превышавший по значению простое участие в сражениях Михаила Минина (о нем см. Лобанов-Ростовский «Родословная книга»).

Род Кузьмы Минина по крайней мере по прямой линии следует считать угасшим навсегда.

Но не угасла в русском народе память об этом замечательном патриоте-нижегородце.

Кто из русских людей, любящих свою родину, не желал бы быть похожим на скромного посадского человека Минина?

Кто из всех нас не ощущал счастья принадлежать к народу, который может рождать Мининых?

Вся жизнь и деятельность Кузьмы Минина не только захватывающе интересна, но и поучительна.

Проследив в последовательном порядке за фактами и событиями его жизни, мы увидим роль и значение личного примера, способного воспитывать в других такую высочайшую степень сознания общественного долга, при которой люди без малейшего колебания приносят в жертву родине свою жизнь и материальное достояние. Тщательный разбор поступков и действий Минина объяснит нам корни его громадного авторитета, перед которым безропотно преклонялись не только его сограждане нижегородцы, но и весь наш народ.

Наконец, изучение влияния и воздействия на Минина происходивших событий покажет нам эволюцию его мировоззрения, закончившуюся выработкой широкого и правильного взгляда на внутреннее и международное положение государства, взгляда, давшего ему возможность в сотрудничестве с Пожарским вывести свое отечество на путь победоносной борьбы с интервентами.

План спасения родины сделался реальным, когда Минину удалось повести за собой массу народа. Запас нравственных и политических сил, которые таились в глубинном слое народной массы, не только сказался в стихийном коллективном порыве, но и нашел яркое подтверждение в безошибочном выборе своим «излюбленным» человеком простого, скромного Минина.

Великий подвиг Кузьмы Минина дает право причислить его к таким величайшим героям, которыми справедливо может гордиться наша страна.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

ДИМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

А. И. Неделин

Димитрий Михайлович Пожарский родился в Москве в 1578 году, в семье захудалого князя Михаила Федоровича Пожарского.

Род князей Пожарских берет свое начало в период феодальной раздробленности. Предки Пожарских были удельные стародубские князья, входившие во Владимиро-Суздальское княжество.

Древнейший предок Иван Всеволодович кн. Стародубский, от которого история ведет начало рода Пожарских, был сыном Всеволода «Большое Гнездо», братом основателя Нижнего-Новгорода (ныне Горького) Юрия Всеволодовича, внуком Юрия Долгорукого и, наконец, правнуком славного и мудрого князя Киевского государства Владимира Мономаха.

В конце XIV столетия один из предков Димитрия Михайловича князь Иван Васильевич впервые получил фамилию Пожарский от названия суздальского городка Погара или Погорелого, полученного им в наследство после пожара.

В описи Суздальского монастыря о вкладах князей Пожарских упоминается волость Пожар: «Данная при Архимандрите Савватии с братиею князя Иван Васильевича Пожарского 13/77 года на вотчину его в Стародубском уезде, в Ряполовском, в Пожаре на сельцо Троицкое».

Таким образом, родиной Пожарских является Стародубское княжество в бассейне реки Клязьмы, недалеко от нынешнего Коврова, Ивановской области. В это княжество входило несколько волостей, в том числе и волость Пожар.

Долгое время жили князья Пожарские в северо-восточном русском княжестве, вдали от центра земли русской — Москвы.

XV век является периодом особенно напряженной борь-

бы московских князей с сепаратистскими стремлениями отдельных русских княжеств. В этой борьбе Москву поддерживала передовая часть духовенства и особенно городские низы и простой люд.

Иван Васильевич III заканчивал в общих чертах собирание земли русской вокруг Москвы. При нем навеки пало позорное татарское иго, которое два с половиной века иссушало и оскорбляло душу народную.

В XVI веке Иван Васильевич Грозный навсегда покончил с феодальной раздробленностью и с феодальной борьбой, организовал крепкое русское государство, с сильным для того времени государственным аппаратом. С русским государством стали считаться самые могущественные державы Европы, они спешили установить торговые, экономические и культурные связи.

В середине XVI столетия, в пору расцвета Московского государства, в Москве появляются князья Пожарские. Дед Димитрия Михайловича Федор Иванович Пожарский имел в Москве свой дом, который во время одного из московских пожаров так же пострадал «17 июля (1560 года) загорелося на Арбате... двор Пожарского» [1].

Дед Димитрия Михайловича служил государству добросовестно. Родине он не изменял, как это делали многие родовитые князья, — Курбский, Репнин и др.

Правительство Грозного с уважением и большим доверием относилось к Пожарским. Это видно из того, какие государственные посты они занимали. Пожарские служили в качестве городничих, губных старост и т. д.

«А Пожарские князи при прежних Государях, опричь городничих и губных старост нигде не бывали» [2].

Имя деда Федора Ивановича в поручных записях встречается не раз, его часто называют помещиком московским [3].

Возможно, что князья Пожарские за свою службу получали поместья, а поэтому деда стали называть помещиком.

Родовитые бояре не могли смириться с тем, что Пожарские за свою службу получали награды, пользовались особым доверием у правительства и царя.

До нас дошли документы, отражающие затяжную местническую борьбу князей Пожарских с князьями Лыковыми [4].

---

[1] „Царственная книга“, лист 486.

[2] „Чтение в Импер. общ. истории и древностей российских“. 1848 г., кн. 9.

[3] „Собр. Госуд. грамот и дог.“, т. I, №№ 176, 184.

[4] „Истор. сбор.“ 1838 г., т. III, стр. 294—295.

Из этой борьбы победителями выходили Пожарские; они оставались на крупных государственных постах и пользовались почетом и уважением. Так, например, в деле князя Лыкова и Пожарского мы читаем: «Князь Иван... сын Пожарский был в Туле Ямской стройщик» [1]. И далее в одном из документов сообщается, что Федор Иванович, дед Димитрия Михайловича, умер в 1581 году и похоронен в Троицкой Лавре [2], в одном из знаменитых для того времени монастырей.

Отец Димитрия Пожарского начал свою службу при Иване Грозном на военном поприще.

Иван Грозный вел жестокую и длительную борьбу с ливонскими немцами, которые никак не могли отрешиться от своего стремления на восток, от своего захватнического лозунга Drang nach Osten. Они всячески старались помешать развитию и росту Русского государства.

С русских купцов ливонцы взимали огромные пошлины, а иногда их не пропускали или даже задерживали, превращая в пленников.

Россия не могла стать великой державой, не получив обратно Балтийского побережья и не сломив сопротивление прибалтийских немцев.

Почти четверть века вел Иван Грозный борьбу за Прибалтику.

Отец Димитрия Михайловича Михаил Федорович был незаурядным военным специалистом. Начал он свою военную карьеру с Казанского похода, но особенно ярко проявил свой талант в войне за Прибалтику.

За военные подвиги Михаил Федорович получал от правительства Грозного награды, был пожалован поместьями с деревнями.

В 1571 году Михаил Федорович женился на дочери боярина Беклемишева Марии. От этого брака через семь лет родился Димитрий Михайлович.

Как рос и воспитывался маленький Димитрий, точных данных нет. Можно только предположить, что отец его, старый храбрый воин, оказывал на своего сына большое влияние. В пылком детском воображении навсегда запечатлелся образ отца-воина, и он почти всю свою жизнь посвятил военному делу, старался быть похожим на отца.

С отцом Димитрий прожил до 9-летнего возраста. В 1587 году отец его умер. Димитрий остался с матерью, братом и сестрой.

---

[1] „Истор. сбор.“ 1838 г., т. III, стр. 296.
[2] „Собр. Госуд. грам. и дог.“, т. I, №№ 176, 184.

Вскоре мать вышла замуж за влиятельного и образованного по тому времени человека князя Никиту Хованского.

В новой семейной обстановке продолжал воспитываться Димитрий Михайлович, впитывая, как губка, все впечатления бытия и особенно активно воспринимая замечательные военные традиции русского народа.

Сравнительно мирно текли отроческие годы Димитрия. На русском престоле был в ту пору сын Ивана Грозного Федор Иванович. Государственными делами он лично почти не занимался.

Фактически управлял всем государством талантливый государственный деятель Борис Годунов.

Никита Хованский близко стоял к Борису Годунову, а через него ко двору приблизилась и вся семья Пожарских.

Димитрий Михайлович, двадцатилетний юноша, сразу привлек внимание Бориса Годунова, и когда Борис стал царем (в 1598 году), Димитрий Михайлович получил государственный пост «стряпчего с платьем» и с жалованием 20 рублей в год. Матери Димитрия Михайловича Марии было поручено воспитание Ксении, дочери царя Бориса.

Приближение Пожарских ко двору привело к новому обострению борьбы их с князем Лыковым. Эта борьба приняла затяжной характер. При Борисе Годунове она так и не успела закончиться.

Недолго пришлось царствовать Борису Годунову. Русское государство вступило в полосу особенно крупных экономических и социальных потрясений.

Государственные трудности были использованы внешними врагами.

В 1604 году на русскую землю двинулись полчища самозванца Лжедимитрия I — ставленника польского короля Сигизмунда.

После Лжедимитрия I к власти пришел боярский ставленник Василий Шуйский. Страна продолжала подвергаться суровым испытаниям. На юго-западе появился новый самозванец Лжедмитрий II.

Димитрий Михайлович не мог быть в стороне, он принял самое активное участие в борьбе с захватчиками. Он не мог равнодушно смотреть, как русские города и села подвергались опустошению, разорению и грабежам со стороны польских разбойничьих отрядов.

Летом 1608 года на Коломну двигался отряд под командой пана Хмелевского. Нужно было отразить набег этого отряда. Царь Василий Шуйский эту ответственную и благородную задачу возложил на Димитрия Пожарского. Димит-

рий Михайлович блестяще справился с нею. Внезапным ударом он разгромил польский отряд на подступах к Коломне, захватив много пленных и весь обоз.

В 1609 году Димитрий Пожарский совершил еще один воинский подвиг. Он разгромил разбойничий отряд атамана Салькова, оперировавшего в окрестностях Москвы.

Эти подвиги прославили Димитрия Пожарского, и он быстро шел вверх по служебной лестнице. В 1610 году правительство Шуйского назначило его воеводой в Зарайске[1].

Зарайск и его окрестные волости под руководством храброго воина Димитрия Пожарского доблестно отражали нападения многих польских отрядов.

Почти все города Рязанской земли сдались на милость победителей, только Зарайск геройски держался, не поддаваясь ни на какие провокации изменников родины.

Пожарский с горсткой храбрецов заперся в крепости с твердым решением умереть, но родине не изменять.

Храбрость Пожарского и воля к победе в борьбе с насильниками поднимали дух и настроение соседних городов. Так, например, жители Коломны, воодушевленные примером Зарайска, изгнали разбойный сброд Лжедмитрия II. Коломна стала свободным городом.

За подвиги и отвагу, за преданность родине правительство Шуйского наградило Пожарского поместьем с селом Нижним-Ландехом и многими деревнями в Суздальском уезде, в 120 километрах от Нижнего-Новгорода[2].

Интервенты в лице польских панов и шведских феодалов захватывали русскую землю. При помощи иноземных захватчиков в 1610 году Шуйского свели с престола, и было создано правительство из семи бояр — изменников родины. Боясь народа, они поспешили признать наследником русского престола сына польского короля Сигизмунда — королевича Владислава.

21 сентября 1610 года Жолкевский ввел в Москву свои войска. Тяжко застонал русский народ от жестоких истязаний польских захватчиков. Но народ не смирялся.

То в одном, то в другом месте русской земли вспыхивали народные восстания против оккупантов. Создавались партизанские отряды.

Шел тревожный 1611 год. Патриотическим горячим призывом звучали слова патриотов земли русской. В передовых рядах борцов-патриотов был Димитрий Михайлович. Из своего Зарайска он совершает удачные вылазки на по-

---

[1] Карамзин — „История гос. Российского". т. XII, прим. 582.
[2] „Собр. госуд. гр. и дог.", т. III, № 56.

мощь другим городам, оказывает вооруженную помощь героям Коломны в борьбе с поляками.

19 марта 1610 года в Москве вспыхнуло крупное народное восстание против польских захватчиков. Организатором и душой этого восстания был Димитрий Михайлович.

На Лубянке Пожарским были сооружены баррикады, «мы бросимся на них с копьями, они тотчас загородят улицы столами, скамьями и бревнами» — писал современник. Геройски сражались русские с поляками, и в передовых рядах бился с ними Димитрий Пожарский. В этом бою он был тяжело ранен и отвезен в Троицко-Сергиевский монастырь, а оттуда — в свое имение Суздальского уезда.

Видя безвыходность борьбы с русским народом, паны и русские изменники пустились на крайние меры — они в Москве прибегли к огню.

Пример показал предатель боярин Михайло Салтыков, он первым зажег свой дом. Москва запылала.

А в сердцах русских людей вспыхнуло другое пламя — пламя священной ненависти к врагу, беспощадной мести за оскорбленную и поруганную землю.

Народ напрягал все свои силы на борьбу с интервентами. Организовано было первое ополчение, которое вскоре распалось. Положение в стране казалось безнадежным, но дух народа сломить врагам не удалось.

Патриотическое семя, брошенное в Нижнем-Новгороде, нашло благодатную почву. Поднялись нижегородцы под руководством своего вождя, «говядаря» Кузьмы Минина. Было организовано второе народное ополчение.

По предложению Кузьмы Минина было решено пригласить военачальником Димитрия Пожарского.

Он долгое время не соглашался взять на себя столь ответственное дело, и только специально избранное нижегородцами посольство во главе с архимандритом Феодосием сумело убедить Пожарского взять на себя предводительство ополчением.

Осенью 1611 года Пожарский прибыл в Нижний. Весть о нижегородском ополчении быстро разнеслась по русским городам, и потекли на призыв Минина и Пожарского патриоты из разных городов с горячим стремлением выступить против завоевателей.

На помощь Пожарскому прибыл его родственник князь Димитрий Петрович Лопата-Пожарский, а также князь Хованский, Прозоровский, Плещеев, много детей боярских, 17 человек казацких атаманов и старшин.

Весной 1612 года Минин и Пожарский повели ополчение вверх по Волге к Ярославлю. Этот поход превратился

в триумфальное патриотическое шествие. Народ с радостью встречал Пожарского с хлебом и солью. Словно снежный ком, росло нижегородское ополчение по пути к Ярославлю. В самом походе на Москву через Ярославль заложен глубокий стратегический смысл. В избрании этого маршрута сказывается полководческий талант Пожарского.

План похода был блестяще осуществлен. Преодолевая все препятствия на пути к Ярославлю, а затем к Москве, Минин и Пожарский в открытом бою сломили польские военные силы, и в октябре 1612 года Москва была очищена от интервентов.

В январе и феврале 1613 года состоялся Земский Собор, на котором был избран царем Михаил Романов.

Димитрий Михайлович был одним из главных организаторов Земского Собора. К выбору царя он подходил объективно, исходя из интересов родины. Он горел только одним желанием — объединить русский народ на борьбу с врагом. Пожарский один из первых подписался за себя и за Хованского под выборною грамотою и лично ездил встречать Михаила Федоровича [1].

Князь Пожарский при Михаиле Федоровиче занимал ответственный государственный пост. При дворе разгорелась борьба придворных партий, начались местнические споры. Появилось у Пожарского много завистников, начались интриги против него, но Пожарский сумел отстоять себя.

На Руси было неспокойно. В Астрахани бесчинствовал польский агент Заруцкий, отдельные казацкие отряды совершали грабежи и убийства. В Орловской губернии бежавший из Польши уголовный преступник Лисовский нападал на жителей, грабил и разорял их.

29 июня 1615 года царь отправил на разгром Лисовского Димитрия Пожарского [2].

От города к городу рыскал Лисовский, как разбойник и вор, опустошая и разоряя земли русские. К сожалению, Пожарский заболел, не мог руководить уничтожением банды Лисовского и был отвезен для лечения в Калугу.

По выздоровлении Димитрий Михайлович вновь включился в государственную и военную деятельность. Так, например, в 1616 году был создан комитет по сбору средств в государственную казну, в который первым членом входил Пожарский. Димитрий Михайлович проявлял незаурядные способности и на дипломатическом поприще. В 1617 году в связи с заключением Россией мира со Швецией Пожар-

---

[1] „Собр. гос. гр. и дог.", т. I, № 203.
[2] „Собр. гос. гр. и дог.", т. III, № 28.

ский искусно использовал английского посла Джона Мерика[1].

Однако на Руси все еще было неспокойно, разбойные отряды интервентов бродили по ее земле. Одним из таких отрядов был отряд Чаплинского, который много бед причинил русскому народу. Летом 1617 года Чаплинский подошел к Калуге.

Калужане обратились к царю с просьбой прислать им на помощь «доброго воеводу» и указали на Димитрия Пожарского[2].

Пожарский выполнил приказ царя, успешно отогнал Чаплинского, но вслед за ним на Москву двинулись огромные силы польских панов под командованием Владислава.

Димитрию Пожарскому еще раз пришлось геройски постоять за русское государство, за столицу Москву.

В сентябре 1618 года враг был отогнан. Пожарский торжествовал победу. За храбрость и отвагу он получил от правительства Михаила Федоровича жалованную грамоту, в которой предоставлялось ему право на вечное потомственное владение селом Ильинским с деревнями в Ростовском уезде. При вотчине имелось 230 десятин земли[3].

После ратной службы Димитрий Пожарский занимал ряд государственных постов от новгородского воеводы до начальника ряда приказов (Разбойного, Поместного и Судного).

В 1632 году снова началась война России с Польшей, в которой Пожарский принял участие в качестве одного из командующих фронтом. После заключения мира с Польшей Пожарский получил титул наместника Коломенского[4]. Этот титул был присвоен ему не случайно, ибо не раз ему приходилось, не щадя своей жизни, избавлять этот город от жестоких интервентов.

В 1637 году нависла над Россией грозная опасность с юга. Крымский хан Нураддин вторгся в пределы России и угрожал Москве.

Пожарскому срочно было поручено организовть оборону столицы. Москва в короткий срок была обнесена земляным валом. За работами следил непосредственно Димитрий Михайлович[5].

В апреле 1638 года Пожарский был назначен воеводою и послан против татар в Переяславль-Рязанский[6], однако,

---

1 „Дворцовый разряд", 283.
2 „Летопись о мятеже", 323.
3 „Собр. гос. гр. и дог.", т. III, № 48.
4 „Дворцов. разряд", т. II, 427.
5 „Дворцов. разр." т. II, 556.
6 „Дворцов. разр.", т. II, 568.

воевать ему не пришлось. Михаил Федорович вскоре заключил с ханом мир, удовлетворив некоторые его требования, да и хан оказался более уступчивым, узнав о назначении воеводой прославленного полководца Димитрия Пожарского.

О семейной жизни Димитрия Михайловича до нас дошли очень скудные сведения.

Пожарский женат был два раза. От первой жены Прасковьи Варфоломеевны он имел трех сыновей: Петра, Федора и Ивана. Все они занимали крупные государственные должности. Двое были стольниками, а Иван Димитриевич был окольничим[1]. Петр и Федор умерли еще при жизни Димитрия Михайловича. В живых оставался только Иван Димитриевич. В августе 1635 года умерла первая жена Димитрия Михайловича.

Вскоре на 58 году своей жизни он женился второй раз на Феодоре Андреевне, княжне Голицыной[2]. Со второй женой он прожил всего семь лет. Детей от второго брака у него не было.

Последние дни своей жизни Димитрий Михайлович провел в Москве. Пожарский умер на 64 году, в 1642 году. Тело его было погребено на родине в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре.

После смерти Димитрия Михайловича его единственным наследником оставался сын Иван Димитреевич. В 1668 г. Иван умер, оставив после себя сына Юрия Ивановича, который в 1684 году скончался бездетным. Таким образом, потомство Пожарских по мужской линии прекратилось на внуке Димитрия Михайловича.

В ярком созвездии величайших защитников отчизны, великих полководцев неугасаемой звездой сияет образ вождя-патриота XVII столетия — Димитрия Михайловича Пожарского.

В дни жестоких боев с германским фашизмом его неумирающий образ зовет воинов Красной Армии на борьбу за независимость, честь и свободу нашей великой родины.

---

[1] „Чтение в общ. ист.“ 1848 г., стр. 237, 242.
[2] „Древн. Росс. Вифл.“, т. XX, 119.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института
им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

ОПОЛЧЕНИЕ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

А. Н. Свободов

В грозные дни великой отечественной войны героические страницы прошлого нашей родины, великие имена народных героев Минина и Пожарского приобретают особый смысл.

По примеру мужественных предков тысячи патриотов советской родины вступили в народное ополчение, в партизанские отряды, которые нанесли уже немало чувствительных ударов по немецким захватчикам и будут бить врагов до тех пор, пока хоть один из них останется на нашей земле.

Мужественные образы Минина и Пожарского вдохновляли наших писателей, художников, скульпторов, композиторов к воспроизведению их подвига в своем творчестве.

Героическая тема о народном ополчении Минина и Пожарского нашла широкое отражение в русской литературе. На протяжении трехсот с лишком лет, начиная от «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего московского государства» (1612 г.) и до произведений наших советских писателей (В. Шкловского, В. Костылева, Т. Богданович), на эту тему написано около ста литературных произведений, в разных стилях и жанрах. Кроме художественных произведений, сюда входят отдельные высказывания, статьи, письма наших критиков, публицистов, литераторов.

Сбылись вещие слова В. Белинского, который в одном из своих писем (1829 г.) писал о Минине и Пожарском: «Поэт сохранит оные (имена) в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их».

Собранный нами материал по затронутой теме дает нам право заметить, что через всю историю русской литерату-

ры (начиная с XVII века) проходит героическая тема об освобождении родины от интервентов XVII столетия. Этот пример лишний раз иллюстрирует одну из отличительных черт русской литературы — ее борьбу за свободу, честь и независимость русского народа.

«Классическая литература, — писал М. Горький в статье «О современности», — сильна страстным стремлением к решению задач социального счастья, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа, целомудренным отношением к женщине, упорными поисками всеосвещающей правды».

Товарищ А. Жданов, выступая на съезде советских писателей (1934 г.), отметил, что наша советская литература «является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой».

Русская литература глубоко патриотична. Советский патриотизм — глубокое и сознательное чувство. А любить свою великую, замечательную родину — это значит знать ее, интересоваться ее историей, гордиться ее героями и ненавидеть ее угнетателей.

В дореволюционной октябрьской литературе имеется значительное количество произведений о Минине и Пожарском, написанных в консервативном, охранительном духе, выражавшем взгляды защитников помещичье-буржуазного строя.

Минина и Пожарского старались представить не только как борцов за честь и свободу родины, но и как защитников православия и самодержавия. При этом больше интересовались личностями, героями, чем основной движущей силой исторического процесса — самим народом, а из героев чаще воспевали подвиги доблестного князя Димитрия Пожарского, чем «говядаря», продавца мяса Кузьмы Минина. В таком религиозно-патриотическом духе написаны произведения представителей классицизма (Херасков, Державин), сентиментализма (И. Дмитриев, И. Долгоруков, А. Волков), пассивного романтизма (Кукольник, Загоскин) и бесчисленных писателей конца XIX и начала XX века — Еллинских, Марковых, Обольяниновых и др.

Ломоносов в поэме «Петр 1» (1760 г.) и Херасков в поэме «Россиада» (1779 г.) уделяют внимание событиям 1612 года и вождям народного ополчения, введя их в свои произведения, как эпизодические мотивы. Ломоносов в своей поэме упоминает о тяжелой године, когда интервенты начала XVII века захватили часть русских земель, когда

„Измена, зависть, злость, раздор, братоубийство
Преобратили все в погибель, в кровопийство,

Исчезло истинных речение похвал,
Везде свирепый рок отечество терзал,
Пока Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцев, на славу Россов, древность
Пресекли наконец победою напасть.

Даже Ломоносов отмечает только заслуги Пожарского и Трубецкого и совсем не упоминает о заслугах Минина. В героической поэме представителей классицизма обычно не полагалось говорить о заслугах простых людей.

Херасков и в своей поэме «Россиада» и в трагедии «Освобожденная Москва» (1798 г.) делает шаг вперед. Он показал подвиг Минина и Пожарского, но как подвиг классических героев, которые создают историю и двигают народ.

В 6-й главе поэмы Ивану Грозному является старец Вассиан и показывает будущую историю Русского государства. Перед читателями встает жуткая картина разорения Московского государства в 1611 году, а затем воспевается подвиг Минина и Пожарского:

„И глад бы мужества остатки погасил,
Когда бы Минин искр в сердцах не воскресил,
Сей друг отечества на бедность взор возводит,
Берет сокровища, к Пожарскому приходит...
. . . . . .
Как бурный вихрь, Москву Пожарский окружает,
Кидает молнии, поляков поражает".

В поэме Хераскова образы вождей народного ополчения даны в стиле «высокого слога»: Минин воскресает «искры в сердцах», «на бедность взор возводит», Пожарский «кидает молнии» и освобождение Москвы Пожарским сравнивается с «бурным вихрем».

Огромный интерес к подвигу Минина и Пожарского был у Державина. Он в течение четверти века (1780—1806 гг.) не раз обращается в своем творчестве к этим дорогим для него именам. Державин предполагал написать поэму в 12 песнях о Пожарском в духе классических поэм — «Генриады» Вольтера и «Россиады» Хераскова, написал оды, где прославлялись Пожарский и Минин, и написал драматическое представление «Пожарский или освобождение Москвы» (1806 г.).

Образы Пожарского и Минина даются в плане, который был намечен еще к его предполагавшейся поэме:

«Пожарский — образ совершенного героя, любителя отечества; великодушен, терпелив, бескорыстен, милосерд, щедр, скромен, богочтителен».

«Минин — пристрастный любитель отечества, простосерд, горяч, мечтателен, жертвующий всем отечеству».

Державин сделал шаг вперед по сравнению с Ломоносовым и Херасковым. Он уже считал, что сама тема о народном ополчении 1612 года достойна классической поэмы, и предполагал широко раскрыть события и нарисовать образы.

Но в центре внимания у Державина все же деятельность Пожарского, его подвиги, а Минин — только «жертвователь» и «пристрастный любитель отечества».

И только у одного из второстепенных последователей классицизма, у Николая Ильинского, мы находим стихотворное произведение, полностью посвященное Кузьме Минину и написанное под сильным влиянием поэмы Хераскова «Россиада».

В 1794 г. в Н.-Новгороде было напечатано произведение Н. Ильинского под заголовком:

„Память славному мужу,
Нижегородскому купцу,
Думному дворянину
Кузьме Минину".

Внешним поводом к написанию этого произведения, как признается автор, были следующие обстоятельства. Летом 1794 г. Н. Ильинский по делам службы приехал из Петербурга в Н.-Новгород. Когда Н. Ильинский пошел в собор, чтобы поклониться гробнице Минина, то был поражен, что «нет на том месте ни памятника, ни надписи, а потому рассудил возобновить сию память следующими стихами:

„Се здесь—я возопил! Тот прах неоцененный,
Что был толикою любовью оживленный,
Кто спас отечество, монархов Росских трон,
Кто веру подкреплял и божеский закон,
Кто Россам показал к бессмертию дорогу,
Любить отечество и жертвовать всем долгу".

Н. Ильинскому, одному из первых, принадлежит и мысль о постановке памятника Кузьме Минину. Он проделал по этому вопросу достаточную агитационную работу. Послал 150 экземпляров своего произведения в нижегородскую городскую думу и просил принять, как дар для постановки памятника Минину. С аналогичным заявлением обратился Н. Ильинский и к Екатерине II.

Мысль о сооружении памятника Минину и Пожарскому получила свое осуществление только в эпоху войны русского народа с Наполеоном[1].

---

[1] Сбор средств на памятник, сооруженный по проекту Н. Ф. Мартоса, был начат в 1807 г., а открытие его произошло в Москве в 1818 г.

Близки к представителям классицизма по своей идейной оценке деятельности Минина и Пожарского и сентименталисты, но в изображении, в показе этих героев они проявляют характерные для сентиментализма особенности — наделяют героев чувствительностью, раскрывают переживания их и часто на фоне «осенней ночи».

И. Дмитриев в оде «Освобождение Москвы» (1795 г.) дает картину тяжелого состояния России и призывает к борьбе с интервентами.

„Где ты, славянов храбрых сила!
Проснись, восстань, Российска мочь!
Москва в плену, Москва уныла,
Как мрачная осення ночь...“

При виде несчастий, обрушившихся на русскую землю, народ поднялся, и автор рисует огромный подъем всего народа русского.

„Восстала! Все восколебалось!
И князь, и ратай, стар и млад,
Все в крепку броню ополчалось!
Перуном возблистал булат“.

Воинскую доблесть и мужество Пожарского автор рисует яркими красками:

„Еще Пожарский мещет гром,
Везде летает он орлом —
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает,
Колебля мощь литовских сил.
Сторукий исполин трясется,
Падает—вздох! и вопль несется:
„Ура! Пожарский победил!“

В сентиментальном стиле написана и ода И. Долгорукова «Князю Пожарскому» (1807 г.) Ода была написана после заключения неудачного Тильзитского договора с Наполеоном. В ней воспевается не только доблесть Пожарского, но отмечается и героизм русского народа:

„Народ непобедимый“

и готовность русских дать сокрушительный отпор новому агрессору — Наполеону:

„И ныне тот же дух, искусство,
И превосходнейшее чувство
Любви к отечеству храня,
Еще мы можем ополчиться,
За милу родину сразиться:
Лицо не спрячем от огня“.

На решительную борьбу с Наполеоном вдохновляют

граждан героическая страница нижегородского ополчения и подвиг Пожарского:

„Родясь для громких дел и дивных,
Летишь во груди сопротивных
Кидать миллион удачных стрел!
Пришел, узрел и побеждаешь,
Москву спокойством ограждаешь;
Затрясся враг—и оробел".

Но ни И. Дмитриев, ни И. Долгоруков не нашли нужным отметить заслуги Кузьмы Минина.

Если представители классицизма только составляли планы поэмы, в которой намеревались воспеть народное ополчение 1612 года, то сентименталисты дали поэму в 10 песнях, написанную александрийским стихом, с типичными чертами, присущими новоклассической поэме («Освобожденному Иерусалиму» Торквато Тассо).

Эта поэма принадлежит перу А. Волкова и называется «Освобожденная Москва». Она сперва печаталась в журнале «Вестник Европы» (1819 г.), а затем была выпущена отдельным изданием в 1820 г. и переиздана в 1825 г. В поэме подробно рассказаны все главные этапы народного движения русских в 1611 — 1612 году.

В 3-й песне Минин обращается с горячим призывом к нижегородцам:

„Настал желанный час свободы и отрады,
Погибель, смерть врагу! И нет врагу пощады!
Заложим чад и жен и домы продадим,
И все стране родной на помощь отдадим!
К мечам, друзья, к мечам!"

На этот призыв Минина дружно откликнулся народ:

„Умрем иль победим, настал отмщенья час:
И воскипел народ, огнем влекомый рвенья".

Поэма пронизана типичной для сентименталистов чувствительностью. Герои произведения много стонут, плачут, «льют слезы — целы токи». Даже злой Сатана был наделен «лютой тоской» и чуть-чуть не заплакал, видя могучую русскую рать под предводительством Пожарского.

У сентименталистов нет драматического произведения, посвященного событиям героической борьбы 1612 г. Но в литературных кругах, близких к их социально-политическим взглядам, мы находим отечественную драму под названием «Минин» (1809 г.), написанную С. Глинкой.

На сцену русских театров Минин входит поздно, как полноправный герой, только накануне отечественной войны 1812 года. Эта драма отражала недовольство политикой

Александра 1 и его миром с Наполеоном, которое росло и среди дворянства и среди широких народных масс. Отечественная драма «Минин» С. Глинки звала на борьбу с Наполеоном.

Минин свое обращение к нижегородцам заканчивал призывом пожертвовать своей жизнью за отечество:

„Умрите с честию... и смерти не страшитесь:
Жить для отечества и жизни не щадить".

На призыв Минина в 3-м действии выступает, как и в классических трагедиях, хор, выражающий мнение народа:

„Сразим врага или умрем.
Бог правды будет нам вождем...
Согласно двинемся душами.
Падет, падет строптивый враг,
Иль мы низвергнемся во прах!"

В этих словах, и Минина и хора, звучал ответ на действия агрессора Наполеона.

Близки по своим идейным установкам на ход событий 1612 года к рассмотренным литературным течениям и пассивные романтики. Они обращали большое внимание на прошлое своего народа.

Народному ополчению Минина и Пожарского был посвящен роман Загоскина «Юрий Милославский» (1829 г.) и драма Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (1832 г.). Оба эти произведения пользовались временным успехом и оба были пронизаны религиозно-монархическими тенденциями. Загоскин показывает выступление Минина в Н.-Новгороде с призывом на борьбу на фоне народного и всеобщего возбуждения и старается отметить, что Минин является выразителем мыслей и чувств всего народа.

«Как бурное море, шумел и волновался народ на городской площади, бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные: на всех лицах изображалось нетерпеливое ожидание».

Такова картина всеобщего возбуждения перед выступлением Минина.

В романтическом стиле выдержана и картина въезда в кремль спасителей Москвы. В самом размещении вождей безусловно сказалась классовая ограниченность автора.

«Среди всей рати понизовской ехал верховный вождь кн. Дм. М. Пожарский; на величественном и вместе кротком челе сего знаменитого мужа и его небесно голубых очах, устремленных на светлые соборные храмы, сияла необъяснимая радость; по правую его руку на лихом закубан-

ском коне гарцовал удалой князь Дмитрий Мемстрюкович Черкасский, с левой стороны ехали: кн. Дм. Петр. Пожарский-Лопата, боярин Мансуров, Образцов, гражданин Минин, Милославский».

Гражданину Минину не нашлось места рядом с Дм. Пожарским, а там где-то, согласно местничеству, на заднем плане, вслед за князьями и боярами.

В драме Кукольника Минин и Пожарский показаны, как избранники божии, и, по взглядам автора, Россию спасли не Минин, не Пожарский, не народ, а только провидение, «рука всевышнего».

Исходя из ложных идей, пронизанных религиозно-монархическими тенденциями, представители указанных литературных направлений и не смогли правильно отобразить народное движение 1612 года и его руководителей — Минина и Пожарского.

Представители же передовой, прогрессивной мысли в русской литературе подходили иначе к освещению подвига Минина и Пожарского.

Поэты-радищевцы (И. Аристов, В. Попугаев, С. Бобров), поэты-декабристы (Рылеев, А. Одоевский), А. С. Пушкин, В. Белинский, А. Н. Островский, А. Герцен, Н. Добролюбов, М. Салтыков-Щедрин ценили в Минине и Пожарском их демократичность, их тесную связь с массами, их борьбу за освобождение от притеснителей-оккупантов XVII столетия во имя интересов народа. Они отмечали в них высокие гражданские чувства, а не елейный дух и сервильную привязанность к монархическому строю.

Среди поэтов-радищевцев патриотические гражданские чувства высказаны в самом начале войны с Наполеоном В. Аристовым в стихотворении «Патриот» (1805 г.). Войну с Наполеоном поэты-радищевцы воспринимали как борьбу угнетенных народов с тираном-завоевателем.

Стихотворением «Патриот» Аристов призывал следовать по стопам доблестного гражданина Минина и дать отпор Наполеону.

„Тот патриот достойный, редкий,
Отечества то истый сын;
То Минин—славный муж, который
От гибели Россию спас;
Не знатный родом, нечиновный,
Простой, усердный гражданин!“

Здесь мы видим, что в центре внимания радищевцев является представитель демократических кругов Минин, как доблестный гражданин.

Декабрист А. Одоевский в стихотворении «На приезд

наследника престола в Сибирь» (1837 г.) упоминает имена Минина и Пожарского, как образы великих патриотов:

„Где Нижний-Новгород разгул готовит царский
И где хранительных светил
Нам светят Минин и Пожарский...
. . . . . .
А там, как Рим, разлегшись на холмах,
Взнося тьмы глав, святыни украшенье,
Москва хранит их памятник в стенах,
Как вечное потомства вдохновенье".

Когда вспыхнуло декабрьское восстание, в Москве в кругах, близких к декабристам, как говорит А. Кошелев, ходили упорные слухи, что «вторая армия не присягает, идет на Москву и тут хочет провозгласить Конституцию... Эти слухи были так живы и положительны и казались так правдоподобны, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день новых Мининых и Пожарских» (А. Кошелев, «Записки», 1884 г., 13 стр.).

А. Герцен видел в народном движении, возглавляемом Мининым и Пожарским, проявление активности, революционности народа. В статье «Развитие революционных идей в России» (1851 г.) Герцен писал: «На эту защиту политической независимости ушли последние силы народа — он не жалел никаких сил. Нижегородский мясник Минин и князь Пожарский спасли отечество от иностранцев».

У Герцена, как и у декабристов, на первом месте народ, его усилия, а отсюда и величие дела, возглавляемого Мининым и Пожарским, отсюда и оправдание «своеволия», восстания и революции.

Н. А. Добролюбов в статье о «А. Кольцове» (1858 г.) высоко оценивал деятельность Минина, как представителя демократической России, а затем отмечал и огромную роль представителей народных масс:

«Если обратимся к истории, то найдем, что из простолюдинов наших очень нередко выходили люди, отличавшиеся и силой души, и светлым умом, и благородством своих стремлений, в самых трудных положениях, в самых высоких степенях государственных, в самых разнообразных отраслях наук и искусств. Вспомним, например, темного мещанина нижегородского Минина, спасавшего Россию в то время, когда не было в ней ни царя, ни порядка, ни заготовленных заранее сил».

Салтыков-Щедрин использовал образ Минина, как выразителя народных масс в 1612 году, и в журнале «Современник» за 1863 г. № 5 поместил статью «Наша общественная жизнь», где с горечью говорил о наступившей косности в общественной жизни и разоблачал всех и всяческих

родина «Дмитрий Донской», К. Симонова «Ледовое побоище», В. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов».

В центре внимания советской литературы стоит и борьба русского народа с интервентами и оккупантами начала XVII века.

Этой теме посвящены произведения писателя-орденоносца В. Шкловского «Минин и Пожарский» [1]), роман горьковского писателя В. Костылева «Козьма Минин» [2]) и роман писательницы Т. Богданович «Холоп-ополченец» (ч. I и II).

В этих произведениях всесторонне и правдиво показано народное ополчение Минина и Пожарского и верно изображены руководители этого движения, как выразители дум и чаяний народных. Недаром кинокартина «Минин и Пожарский» (режиссер Пудовкин, киносценарий В. Шкловского) удостоена высокой награды — сталинской премии, как образец социалистического реализма. В разбираемых советских произведениях по-новому дается изображение и самого народного ополчения, и его состава, и руководителей этого движения. Организация ополчения и выступление Минина и Пожарского даны не только против оккупантов начала XVII столетия, но и против бояр-изменников, и связываются с мечтой об освобождении народа от всяких притеснителей.

Нижегородское ополчение подготовлено всем ходом широкого движения народных масс. Подлинными героями нижегородского ополчения являются представители крестьянских масс, которые еще до выступления Минина и Пожарского уже ведут борьбу с захватчиками и мечтают о своей личной свободе от крепостного ига бояр-помещиков.

У В. Шкловского таким героем является беглый холоп стольника-изменника Григория Орлова — крестьянин Роман. В. Костылев таким героем выводит крепостного кн. Зарецкого из-под Смоленска — Гаврилку Ортемьева, а у Т. Богданович через обе части романа проходит холоп-ополченец из-под Княгинина, крепостной князя изменника Михайло Чавкин, участник болотниковского движения. Все они активно участвуют в народном ополчении Минина и Пожарского, проявляют свою храбрость, находчивость, недюжинный ум и являются ближайшими помощниками Минина и Пожарского. Да и по своему составу нижегородское ополчение доподлинно было народное, демократическое. Это были низы тогдашнего Московского государства.

---

[1] Киносценарий 1939 г., повесть—1940 г.

[2] Его же драматическое произведение 1941 г. под тем же названием: „Минин и Пожарский", 1940 г. Детиздат.

Здесь мы видим и беглых холопов, и крестьян из разоренных оккупантами местностей, здесь были и бурлаки-волгари и мастеровой люд; здесь были посадские и служилые люди. Это было не только по своему составу демократическое ополчение, но оно и было многонациональным, куда входили представители различных национальностей молодого Московского государства. В нем участвовали украинцы, чуваши, удмурты, татары. Все народности были охвачены одной мыслью, одним желанием — освободить государство от интервентов.

Величественную картину выхода народного ополчения из Нижнего-Новгорода дает В. Костылев в своем романе. Автор верно отметил многонациональный состав его: картина, которая раскрывается перед читателем, дается через переживания двух главных героев — Гаврилки Ортемьева и Козьмы Минина, что придает описанию эмоциональный характер.

Раньше показана великая радость Гаврилки Ортемьева: «Гаврилка торжествовал: вот когда сбываются его желания! Солнце, знамена, Пожарский, Минин, вооруженные земляки. Свершилось то, чего он так горячо ждал с той самой поры, когда после штурма Смоленска покинул свои родные места...

Вот они «последние люди», так недавно еще ходившие в сермягах, рваные, приниженные. Теперь они — грозная сила; вооружены лучшими саблями вологодской и устюжской стали» (гл. VI).

Пред нами горячее сердце патриота-демократа, радующегося, что сбываются его заветные мечты об освобождении родины.

Дальнейшая картина — прохождение ополченцев из кремля — дается через восприятие организатора ополчения Кузьмы Минина, который также испытывает великую радость, но выражает ее более сдержанно, как подобает руководителю народного ополчения.

«Войско шло по-новому, рядами, а не толпой. Минин по-хозяйски разглядывал одежду, обувь, вооружение проходивших мимо полков...

Весело приветствовал он рукой Пуртаса, сидевшего на низенькой волосатой лошаденке впереди чебоксарских всадников. Пуртас был храбрый и умный воин. Без него не было в последние дни ни одного схода в земской губе. Чуваши, одетые пестро, не все были вооружены огнестрельным оружием. Многие из них имели луки.

За чувашами прошел смешанный пехотный полк, составленный из марийцев, мордвы, удмуртов. После них,

с трудом соблюдая тихую поступь, последовала низкорослая, подвижная татарская конница — движущийся лес копьев. Ее вел мурза Гиреев, потом казаки, сотня запорожцев, украинские беглецы, которыми предводительствовал Зиновий...

За конницей и пехотой потянулись телеги с легким нарядом и ядрами. Среди смоленских пушкарей, под началом Гаврилки, находился и сын Козьмы Нефед».

Такого состава нижегородского ополчения не было показано ни в одном из произведений дооктябрьской литературы. Только марксистско-ленинская историография дает правильное освещение участников народного движения 1612 года.

В окружении широких масс, в тесном единстве с этими массами дается и организаторская, а затем и государственная деятельность Минина и Пожарского. У В. Шкловского беглый холоп говорит Минину: «Козьма Миныч, шел я по деревням да и в городах с разными людьми встречался. Я твой-то совет запомнил, чтоб всем вместе да в добром согласии. И всех об этом спрашивал. Ты вот говоришь, что люди про государства не помнят... Ан, помнят. Да все во одно говорят то же, что ты говоришь». Тот же Роман выражает чувства и настроения широких народных масс, когда при первой встрече с Мининым, спасшим его от врагов, говорит: «Я бы их зубами загрыз... Нету терпения больше... Как я его, этого с крыльями... воеводу... колом по башке... не встанет».

Перед читателем встает яркий пример партизанской борьбы с оккупантами начала XVII столетия. В произведении В. Костылева, с первой же страницы повествования, еще в Смоленской земле, показано твердое решение крестьянских масс бороться за национальную независимость и указана социальная причина этого решения:

«Пять лет назад народу под началом Болотникова не удалось свергнуть дворянское иго, а при двойном иге и вовсе никогда не вылезешь из кабалы. Об этом много было разговоров «в Тихих соснах» (откуда был родом Гаврилка Ортемьев.)

В романе Т. Богданович близким помощником Минина становится холоп Михайла Чавкин, который вместе с Болотниковым бился за свободную жизнь для холопов. И борьбу с интервентами начала XVII столетия Михайла Чавкин тесно связывает с борьбой за освобождение крепостных от своих цепей.

Когда он ехал из Москвы в Нижний, по дороге заметил жуткую тишину и пустоту и подумал про себя: «На-

роду словно вовсе не стало. Точно татары прошли... Разорили Русь, а народ затаился и злобу копил на своих лютых врагов».

Вот выражением этой злобы и святой мести широких народных масс и явилось нижегородское ополчение Минина и Пожарского.

Все участники похода 1612 года охвачены были патриотическим под'емом, проявили энергию, дисциплину, самопожертвование и ломали все на своем пути, что мешало их движению.

Отсюда и руководители ополчения — это не религиозные фанатики, как у Кукольника и у Островского, это не защитники самодержавия и православия, как старались показать Державин, Херасков, С. Глинка, Загоскин, а это подлинные вожди народа, с присущими для этого важного дела чертами больших государственных деятелей.

Взять хотя бы мужественную и сильную речь Кузьмы Минина к нижегородцам в произведении В. Шкловского «Минин и Пожарский»:

«И тут Минин нарушил благочиние. Он вышел на паперть и начал говорить, даже не поклонившись народу.

— «Не за свой город, не за Нижний один, а за все государство Московское подымать надо ополчение...

— Не я говорю, — продолжал Минин, — наше горе говорит...

... Граждане нижегородские! — продолжал Минин в наступившей тишине. — Опомниться надо, начинать надо великое земское дело. По всем городам собирать в ополчение служилых дворян. По деревням да городам собирать и простых ратных людей — кто захочет, созывать всех в одно место, давать им коней, да оружие, да одевать, да кормить добро, чтоб было доброе войско...

— Да этого мало! — снова повысил голос Минин. — Коли подымать ополчение, коли итти на ляхов всей землей, денег надо великую силу! И железо надо — оружие ковать. И меди надо — пушки лить! И свинца надо, и селитры. Коли купцы не помогут, коли кто здесь есть еще из посадских с достатком, не дадут своей доли, — погубим великое дело! А коли все решат, да дадут — так и купцов приневолим. И пойдет о нас добрая слава, и в других городах народ подымется!

Голос Минина снова зазвучал со страшною силою:

— Так неужто ж не станет нам доброй воли? Неужто добро свое, рухлядишку свою пожалеем, а землю родную не пожалеем?!.. Жен и детей заложим... Головы свои... Жизнь свою отдадим...» (стр. 168).

Речь Минина у Шкловского проникнута не елейностью и сентиментальностью, а ясным пониманием задач государственного порядка.

В романе Костылева хорошо показана кипучая и многосторонняя деятельность Минина по подготовке и организации народного ополчения. Он собирает казну, обеспечивает одеждой, продовольствием и оружием войско, он организует производство пушек, снимает церковные колокола и переливает их в пушки. Всюду виден «хозяйский глаз» Минина, заботящегося об общественном деле.

В этом романе живо нарисован ряд народных сцен и в частности сцена, когда Гаврилка, по приказу Минина, около земской избы обучал военному искусству пришедших в Н.-Новгород земляков, «таких же, как и он, мирских разоренцев и бобылей».

С интересом следит читатель за дипломатической деятельностью Минина и Пожарского в переговорах о шведском королевиче.

Автор не затушевывает разницы между политическими взглядами Пожарского и Минина по поводу государственного устройства русского государства. Пожарский мечтает о «добром порядке», о возвращении власти бояр и ближних советчиков государя.

У Минина же мысли другого порядка. «Он, как и другие мелкие тяглые люди, думал о большом «единоцарственном» Вселенском соборе, который бы всенародно избрал доброго хорошего царя, облегчил бы тяжелую долю посадским мелким людишкам, дворянским холопам и крепостным крестьянам» (174 стр.).

Ярко нарисовано стратегическое руководство Пожарского и Минина. Волнует сцена выступления Минина в критический момент борьбы с гетманом Хоткевичем:

«С противоположного берега Москвы-реки видно было, как Кузьма громадный, без шлема, с развертывающейся бородой, высоко подняв саблю, бурею несся по нагорью впереди своего отряда». И участь врагов была решена этим смелым выступлением Минина: «Сам храбрейший из храбрейших гетман Хоткевич в панике понесся на коне по полю, оставив обоз и шатры в добычу нижегородцев» (VII гл., 1 часть).

Если значительное количество произведений о 1612 годе, написанных в период до Октября, заканчивались прославлением и раболепием пред избранным царем (Кукольник, Загоскин, Островский, даже во второй редакции «Козьмы Минина»), то советские произведения на эту же тему за-

канчиваются раскрытием перспективы борьбы за полное освобождение народа.

Гаврилка Ортемьев у Костылева, возвращаясь после освобождения Москвы, заехал в Н.-Новгород и, видя, как стала заволакиваться посадская жизнь мещанской плесенью, решительно заявил:

«Нет уж, увольте, мои родные! Не бывать мне посадскою овцою. Не гнуть мне спины пред князьями и купцами. Спущусь я опять в Низовье... На Унжу. Будем за правду стоять... Кабале поперек».

Точно так же и Михайла Чавкин у Т. Богданович, видя, что не осуществилась его заветная мечта — освобождение холопов от рабства — решается пойти на Украину, к свободным казакам, и роман заканчивается словами:

«А тем боярам нашим, что? Ну, пролили свою кровь холопы — и ладно. А на бояр все одно работать повинны, что скот бессловесный.

Да дай срок, поглядите! Раз почуяли свою силу холопы, так и иной раз могут. Может еще и он, Михайла, доживет до такой поры, когда вновь за волю биться станет».

У В. Шкловского повесть кончается указанием, что холопы, крепостные не помирились со своим тяжелым положением, а «бегут люди на Дон, к рабам и зверям». Смысл и огромное значение народного ополчения Минина и Пожарского хорошо объясняет у В. Шкловского Роман состарившемуся и всеми позабытому Димитрию Пожарскому в последних строках повести: «Нам с тобой, боярин, нечего забывать... Раскроена была Россия. А мы сшили. Сшили крепко. И я, князь, знамя наше в избу унес, в избе держу у образов. Пусть помнят люди, как отбивали от врагов мужики государство».

Вместо дореволюционного показа, что «рука всевышнего отечество спасла» (Кукольник), дается научное изображение — «как отбивали от врагов мужики государство» (В. Шкловский).

Исполнились заветные мечты Романа, Гаврилки Ортемьева, Михайла Чавкина. Рабочий класс вместе с поднявшимися крестьянскими массами в Октябре 1917 года сбросил иго помещиков и капиталистов и организовал под руководством партии Ленина—Сталина Великий Союз Советских Социалистических Республик.

И сейчас, через 330 лет, потомки народного ополчения Минина и Пожарского мужественно защищают свою любимую социалистическую родину от фашистских полчищ.

Имена горьковчан — героев Советского Союза — полковника гвардии Некрасова и героя полковника Трубачева,

сормовичей-орденоносцев Зайцева и Пискарева известны и дороги каждому советскому гражданину. Они достойные наследники традиций Минина и Пожарского.

Вслед за нашим поэтом — горьковчанином М. Шестериковым, мы можем сказать про наших советских героев, славных потомков Минина и Пожарского:

Они—богатыри, орлы,
Их даже смерть
ведет к победам.
Они, как Нестеров, смелы,
Как Чкалову, им страх неведом.
За Волгу вольную свою,
За родину, за все родное
В ночной разведке и в бою
Они дерутся, как герои.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА.

А. И. Парусов

О нижегородском народном ополчении 1611—1613 годов имеется значительная литература.

Историю нижегородского ополчения освещали выразители идеологии различных классов. Ею занимались лица различных историко-политических взглядов.

О нижегородском ополчении писали люди XVII века. Его, в той или иной мере, затрагивали представители дворянской историографии XVIII века.

Этот же вопрос был предметом резко усилившегося к нему внимания историков XIX века. В этом веке появились статьи и монографии о нижегородском ополчении (А. Малиновского, Мельникова, Н. Чичагова, С. Смирнова, М. Погодина, С. Кедрова, И. Забелина и др.). История нижегородского ополчения выяснялась в общих трудах по истории России буржуазных и дворянских историков XIX века (Соловьева, Костомарова и др.).

Вокруг вопросов истории нижегородского ополчения завязывалась полемика (например, между Н. Костомаровым и И. Забелиным, между С. Кедровым и И. Забелиным).

Вопросы истории нижегородского ополчения трактовались исследователями неодинаково.

Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать русскую историческую литературу о нижегородском народном ополчении, вышедшую в нашем веке.

* * *

Из числа буржуазных историков, занимавшихся изучением событий начала XVII в., первое место принадлежит С. Ф. Платонову. Написанная им магистерская диссертация «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени»

положила начало его длительной работе над вопросами русской истории начала XVII века.

В 1901 году вышли вторым изданием «Очерки по истории смуты» С. Ф. Платонова. Ему же принадлежат и другие менее крупные работы, посвященные этому же периоду.

История событий начала XVII века рассматривается Платоновым в общем аспекте дворянско-буржуазной историографии XIX века, причем он в своем анализе идет вслед за Соловьевым. Платонов считает ближайшей причиной «смуты» — прекращение династии. В своих работах он показывает борьбу государственного начала, представленного дворянством и купечеством, с «анархией», за восстановление самодержавной власти. Платонов делит «смуту» на три периода: 1) борьба за московский престол; 2) разрушение государственного порядка и 3) попытки восстановления государственного порядка. В своих работах Платонов уделяет внимание и нижегородскому ополчению, подчиняя его фактическую историю своей общей концепции «смуты».

Платонов отмечает, что среди городов Московского государства Нижний-Новгород в начале XVII века занимал особое место. «Обладая большим рынком и сильной крепостью, Нижний-Новгород послужил надежным базисом для военных действий в Клязьменском краю во время борьбы с Тушиным в 1608—1609 гг. Тогда он представлял собою центр для очень значительного района волжских и окских областей. С таким же значением центра выступил он и в 1610—1611 гг. в пору движения против Владислава» [1].

По вопросу о возникновении нижегородского движения С. Ф. Платонов примкнул к мнению своего предшественника историка-археолога И. Е. Забелина, утверждавшего, что нижегородское ополчение возникло не в результате получения грамот Троицкого монастыря, а благодаря грамотам Гермогена и речам Кузьмы Минина.

В отличие от своих предшественников Платонов установил, что инициатива создания нижегородского ополчения принадлежала бесспорно нижегородской тяглой общине, а в среде этой общины — земскому старосте Минину.

Всю историю нижегородского ополчения С. Ф. Платонов делит на три периода. Первый период характеризуется тем, что движение носит городской характер, оно охватывает Н.-Новгород. Во второй период — нижегородское движение распространяется на более широкий район. Оно становится областным. В третий период, начало которого С. Ф. Плато-

---

[1] Платонов — „Очерки по истории Смуты", изд. 1937 г., стр. 372.

нов относит к февралю 1612 года, движение нижегородцев является уже общеземским.

Кузьма Минин следил за положением дел в государстве и обсуждал эти дела на городских сходах, которые вошли в обычай в городах благодаря обстоятельствам Смутного времени. На одном из таких собраний (в октябре или сентябре 1611 г.), под влиянием грамот и вестей от патриарха, Минин поднял посадских тяглых людей на то, чтобы собрать деньги для ополчения и сформировать его. Воеводой нижегородцы всем городом избрали стольника кн. Д. М. Пожарского. «Он был в то время одним из видных боевых воевод, пожалуй, самым видным после Пр. Ляпунова и кн. Куракина. По своему происхождению он принадлежал к знаменитому роду стародубских князей, который поник под частыми опалами московских государей XVI века и опустился с вершин московской аристократии в ее средние слои» [1]. Нижегородское ополчение имело свою особую от городской администрацию, деятельность которой охватывала все большую и большую территорию Московского государства. Нижегородцы посылали призывные грамоты в другие города и области, от которых и была получена поддержка. Это обстоятельство было отмечено летописцем: «Пойдоша изо всех городов, — говорит летописец, — первое приидоша коломничи, потом резанцы, потом же из украинских городов многие люди и казаки, и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье». Приведя эту выдержку из летописи, Платонов пишет: «Летописец не напрасно охватил здесь такой широкий круг лиц и мест. Нижегородское движение, начатое посадскими людьми, поддержанное провинциальным служилым людом, руководимое князем высокой породы, имевшее, наконец, определенную национально охранительную программу, могло вызвать к себе сочувствие очень разнообразных слоев общества, утомленных смутой и господством иноземной и воровской казачьей власти. Но в то же время, представляя собой опыт объединения консервативной части московского общества, нижегородское ополчение было организацией, направленной против всего, что отошло от старого московского порядка. Его должны были бояться и поляки с московскими «изменниками», и подмосковные «воры-казаки» [2].

Городское движение Нижнего-Новгорода очень быстро выросло в областное. В феврале 1612 года нижегородское движение из областного превращается в общеземское. Автор «Очерков по истории Смуты» проследил путь ниже-

---

[1] Платонов—„Очерки по истории Смуты", изд. 1937 г., стр. 407.
[2] Платонов—„Очерки по истории Смуты", изд. 1937 г., стр. 412.

городского ополчения через Балахну, Юрьевец, Кинешму и Кострому к Ярославлю и через последний на Москву.

Нижегородское ополчение во главе с Пожарским оставалось в Ярославле с начала апреля до августа 1612 года. Платоновым проанализирован вопрос о составе земского собора в Ярославле.

«В конце стоянки в Ярославле ополчение и его власти представляются наблюдателю уже вполне организованною силой, которой подчинены все Поморье, Понизовье и Замосковные места на севере от самой Москвы. Созданием этой правительственной силы достигалось решение ближайшей и важнейшей задачи нижегородского движения. Была образована прочная народная власть, ставшая политическим центром и руководительницей для консервативных слоев московского общества, т. е. для служилых людей и «мужиков» Замосковья и Поморья. Этой власти недоставало только «государя», которого думали избирать в Ярославле. Но царское избрание надобно было отложить ради иных неотложных дел» [1].

Платонов отмечает, что вожди ополчения не считали, что очищение государства может выразиться лишь в очищении Москвы. Минин и Пожарский думали о водворении порядка во всей стране. Платонов показывает борьбу ополчения под Москвой.

22 октября 1612 года нижегородское ополчение взяло штурмом Китай-город. После этого были начаты переговоры о сдаче кремля, и 26 октября кремль перешел в русские руки. Свои выводы о нижегородском ополчении Платонов сформулировал так: «Почин последних» московских людей, посадских тяглецов Н.-Новгорода, привел к неожиданному успеху. По очереди, в порядке сословной иерархии, брались за дело государственного устройства разные классы московского общества, и победа досталась слабейшему из них. Боярство, сильное правительственным опытом, гордое «отечеством», кипящее богатством, пало от неосторожного союза с иноверным врагом, в соединении с которым оно искало выхода из домашней смуты.

Служилый землевладельческий класс, сильный воинской организацией, потерпел неожиданное поражение от домашнего врага, в союзе с которым послан свергнуть иноземное иго. Нижегородские посадские люди сильны были только горьким политическим опытом, да еще тем, что от патриарха Гермогена научились бояться неверных союзников больше, чем открытых врагов. Их «начальники» вместе с ге-

---

[1] Платонов—„Очерки по истории Смуты“, изд. 1937 г., стр. 419.

ниальным выборным человеком Кузьмой Мининым подбирали в свой союз только те общественные элементы, которые представляли собой консервативное ядро московского общества. Это были служилые люди, не увлеченные в «измену» и «воровство», и тяглые «мужики» северных городских и уездных миров, не расшатанных кризисом XVI века. Они представляли собой общественную середину, которая не увлеклась ни реакционными планами княжеского боярства, ни тем исканием общественного переворота, которое возбуждало крепостную оппозиционную массу.

Объявив прямую войну «воровскому» казачеству и называя «изменниками» всех тех, кто был заодно с польской властью, руководители ополчения 1612 года обнаружили вместе с тем большую гибкость и терпимость в устройстве своих отношений. Их осторожность не переходила в слепую непримиримость, и тот, кто принимал их программу, получал их признание и приязнь. «Определенность программы и вместе с тем широкое ее понимание дали успех ополчению 1612 года и позволили его «начальникам» после завоевания Москвы, сохранив за собой значение общеземского правительства, обратиться в прочную государственную власть» [1].

В изучении конкретной истории нижегородского ополчения Платонов пошел дальше своих предшественников (Соловьева, Костомарова, Забелина и др.). Он широко привлекал документальный материал. Ценность исследования С. Ф. Платонова в том фактическом материале, которым насыщены его «Очерки».

Работа Платонова значительно двинула вперед изучение внутренней истории ополчения, как это правильно отметил проф. П. Г. Любомиров [2].

Но наряду с этим Платонов так же, как и все его предшественники, не дал правильной, исторически объективной характеристики нижегородского ополчения, так как он исходил из своей неверной буржуазно-идеалистической концепции «Смуты».

Подчиняя историю нижегородского ополчения своей ложной схеме, подгоняя исторические факты под эту порочную схему, Платонов ошибочно утверждает, что нижегородское ополчение сыграло консервативную роль. Он неправильно утверждает, что в этом ополчении были представлены консервативные слои русского общества.

---

[1] Платонов—„Очерки по истории Смуты“, изд. 1937 г., стр. 429.

[2] П. Г. Любомиров—„Источники и историография по истории нижегородского ополчения“ (см. в книге того же автора „Очерки истории нижегородского ополчения“, изд. 1939 г., стр. 340).

Платонов совершенно не уяснил себе той историческо-прогрессивной задачи, которую разрешило нижегородское ополчение. Платонов не дал правильной оценки исторически-прогрессивной деятельности руководителей ополчения — Кузьмы Минина и князя Пожарского, горячо преданных своей родине людей, выступивших на защиту национальной самостоятельности Русского государства от иноземных насильников, и свел эту борьбу к борьбе за русского самодержавного царя и к ливидации «анархии», главным выразителем которой было казачество.

В начале XX века платоновская концепция нижегородского ополчения получила распространение в русской исторической литературе. Эта концепция считалась наиболее совершенной и научной. В ней видели завершение всех научных изысканий в этой области.

С точки зрения Платонова освещалась история нижегородского ополчения, в частности и в той литературе, которая появилась в связи с трехсотлетием ополчения [1].

Один из частных вопросов истории нижегородского ополчения затронул Г. А. Замятин, пытавшийся выяснить отношение второго ополчения и кн. Пожарского к шведскому королевичу Карлу Филиппу [2].

Г. А. Замятин в своей работе фактически примкнул к ошибочной точке зрения проф. Альмквиста: и Г. А. Замятин и Альмквист впадают в противоречие с такими важнейшими источниками, как летописи, игнорировать указания которых абсолютно невозможно. Мы уже не говорим о том, что точка зрения Альмквиста-Замятина противоречит мнению подавляющего большинства исследователей. Г. А. Замятин не мог уяснить того, что Д. М. Пожарский лишь по дипломатическим соображениям не отводил кандидатуры шведского королевича и что эти правильные действия князя Пожарского имели большое положительное значение, так как приостановлено было наступление шведов на русскую территорию и укреплены были северо-западные границы Русского государства.

В 1902 году был напечатан «Курс русской истории» ученика С. М. Соловьева и крупного представителя буржуазной историографии В. О. Ключевского. С 1906 года «Курс»

---

[1] См. статьи П. Г. Васенко и Е. Ф. Тураевой-Церетели в книге „Начало династии Романовых". СПБ. 1912 г. (Коллективная работа указанных авторов совместно с Ф. С. Платоновым). См. также статьи тех же двух авторов в „Действия Нижегородской ученой архивной комиссии". Сборник документов, т. XI, вводные статьи к сб. П. Г. Васенко и Тураевой-Церетели.

[2] Г. А. Замятин—„К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол", Юрьев, 1913 г.

Ключевского стал выходить вторым изданием. В. О. Ключевский в своих исторических работах уделил нижегородскому ополчению много меньше внимания, чем некоторые из его буржуазных предшественников и современников (Соловьев, Забелин, Костомаров, Платонов и др.).

При изложении истории нижегородского ополчения Ключевский не привлекал новый документальный материал. Он не изучал самостоятельно фактической истории нижегородского ополчения и коснулся ее мимоходом в III томе своего «Курса».

В. О. Ключевский имеет свою концепцию «смуты». Он говорит, что в «смуте» принимали участие все слои русского общества, последовательно сверху вниз, начиная с боярства и кончая «низами», которые превратили «смуту» в социальную борьбу. Началом «смуты» явилось прекращение династии [1].

Выступление нижегородского ополчения в его концепции является одним из моментов «смуты». Оно произошло в результате пробуждения сил религиозных и национальных, которые пошли на выручку гибнувшей земле. Исключительную роль в этом пробуждении сыграл Троицкий монастырь. Призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына подняли нижегородцев под руководством их старосты Кузьмы Минина. На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и без жалования, а часто и без поместий, служилые люди, городовые, дворяне и дети боярские, которым Минин нашел и вождя, князя Д. М. Пожарского. В результате составилось второе дворянское ополчение против поляков [2].

В той концепции истории нижегородского ополчения, с которой выступил проф. Ключевский, нет народа. Все дело вершит не народ, а дворянство. Второе ополчение он называет не народным, а дворянским. Национальные силы, о которых говорит этот автор, фактически представлены одним дворянством. Ключевский не ставил перед собой задачи вскрыть подлинный национально-освободительный характер движения, поднятого нижегородцами, но он и не мог этого сделать, отправляясь от общих положений своей буржуазной, эклектической схемы русского исторического процесса. Ключевским недооценена захватническая роль

---

[1] Ключевский—„Курс русской истории“, т. III, изд. 1937 г., стр. 29 и др.
[2] Ключевский—„Курс русской истории“, т. III, изд. 1937 г., стр. 63.

Платонов совершенно не уяснил себе той историческо-прогрессивной задачи, которую разрешило нижегородское ополчение. Платонов не дал правильной оценки исторически-прогрессивной деятельности руководителей ополчения — Кузьмы Минина и князя Пожарского, горячо преданных своей родине людей, выступивших на защиту национальной самостоятельности Русского государства от иноземных насильников, и свел эту борьбу к борьбе за русского самодержавного царя и к ливидации «анархии», главным выразителем которой было казачество.

В начале XX века платоновская концепция нижегородского ополчения получила распространение в русской исторической литературе. Эта концепция считалась наиболее совершенной и научной. В ней видели завершение всех научных изысканий в этой области.

С точки зрения Платонова освещалась история нижегородского ополчения, в частности и в той литературе, которая появилась в связи с трехсотлетием ополчения [1].

Один из частных вопросов истории нижегородского ополчения затронул Г. А. Замятин, пытавшийся выяснить отношение второго ополчения и кн. Пожарского к шведскому королевичу Карлу Филиппу [2].

Г. А. Замятин в своей работе фактически примкнул к ошибочной точке зрения проф. Альмквиста: и Г. А. Замятин и Альмквист впадают в противоречие с такими важнейшими источниками, как летописи, игнорировать указания которых абсолютно невозможно. Мы уже не говорим о том, что точка зрения Альмквиста-Замятина противоречит мнению подавляющего большинства исследователей. Г. А. Замятин не мог уяснить того, что Д. М. Пожарский лишь по дипломатическим соображениям не отводил кандидатуры шведского королевича и что эти правильные действия князя Пожарского имели большое положительное значение, так как приостановлено было наступление шведов на русскую территорию и укреплены были северо-западные границы Русского государства.

В 1902 году был напечатан «Курс русской истории» ученика С. М. Соловьева и крупного представителя буржуазной историографии В. О. Ключевского. С 1906 года «Курс»

---

[1] См. статьи П. Г. Васенко и Е. Ф. Тураевой-Церетели в книге „Начало династии Романовых". СПБ. 1912 г. (Коллективная работа указанных авторов совместно с Ф. С. Платоновым). См. также статьи тех же двух авторов в „Действия Нижегородской ученой архивной комиссии". Сборник документов, т. XI, вводные статьи к сб. П. Г. Васенко и Тураевой-Церетели.

[2] Г. А. Замятин—„К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол", Юрьев, 1913 г.

Ключевского стал выходить вторым изданием. В. О. Ключевский в своих исторических работах уделил нижегородскому ополчению много меньше внимания, чем некоторые из его буржуазных предшественников и современников (Соловьев, Забелин, Костомаров, Платонов и др.).

При изложении истории нижегородского ополчения Ключевский не привлекал новый документальный материал. Он не изучал самостоятельно фактической истории нижегородского ополчения и коснулся ее мимоходом в III томе своего «Курса».

В. О. Ключевский имеет свою концепцию «смуты». Он говорит, что в «смуте» принимали участие все слои русского общества, последовательно сверху вниз, начиная с боярства и кончая «низами», которые превратили «смуту» в социальную борьбу. Началом «смуты» явилось прекращение династии [1].

Выступление нижегородского ополчения в его концепции является одним из моментов «смуты». Оно произошло в результате пробуждения сил религиозных и национальных, которые пошли на выручку гибнувшей земле. Исключительную роль в этом пробуждении сыграл Троицкий монастырь. Призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына подняли нижегородцев под руководством их старосты Кузьмы Минина. На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и без жалования, а часто и без поместий, служилые люди, городовые, дворяне и дети боярские, которым Минин нашел и вождя, князя Д. М. Пожарского. В результате составилось второе дворянское ополчение против поляков [2].

В той концепции истории нижегородского ополчения, с которой выступил проф. Ключевский, нет народа. Все дело вершит не народ, а дворянство. Второе ополчение он называет не народным, а дворянским. Национальные силы, о которых говорит этот автор, фактически представлены одним дворянством. Ключевский не ставил перед собой задачи вскрыть подлинный национально-освободительный характер движения, поднятого нижегородцами, но он и не мог этого сделать, отправляясь от общих положений своей буржуазной, эклектической схемы русского исторического процесса. Ключевским недооценена захватническая роль

---

[1] Ключевский—„Курс русской истории", т. III, изд. 1937 г., стр. 29 и др.
[2] Ключевский—„Курс русской истории", т. III, изд. 1937 г., стр. 63.

польских интервентов[1]. Ключевский впадает в ошибку, связывая начало нижегородского ополчения с призывными грамотами Троицкого монастыря. Он не критически относится к «Сказанию» Авраамия Палицына и напрасно говорит о той, якобы, крупной роли, которую сыграл Троицкий монастырь в возникновении нижегородского движения.

Сказанное Ключевским о нижегородском ополчении в части конкретно-исторической является даже шагом назад по сравнению с тем, что по этому вопросу было изложено в т. VIII «Русской истории» С. М. Соловьева, в работах Н. И. Костомарова, Забелина и др.

Наиболее крупным событием во всей буржуазной историографии нижегородского ополчения было опубликование в 1913—1914 гг. в одном из журналов[2] работы П. Г. Любомирова «Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.».

Автор этой работы в своем предисловии в журнале писал, что нижегородскому ополчению посчастливилось в русской исторической литературе.

Одновременно П. Г. Любомиров отметил, что разногласия исследователей по некоторым вопросам нижегородского ополчения остаются неустраненными, что не все еще в истории ополчения выяснено. Этим предисловием проф. Любомиров как бы обещал дальнейшее продвижение изучения фактической истории ополчения и разрешение существовавших спорных вопросов.

Как им была решена поставленная перед собой задача, будет сказано ниже. Сейчас же мы отметим общие отправные принципы в изыскании занимающего нас исследователя.

Проф. Любомиров одно время принадлежал к числу представителей русской буржуазной историографии. Большое влияние на Любомирова оказал С. Ф. Платонов.

«Считаю долгом выразить искреннюю благодарность прежде всего своему университетскому учителю С. Ф. Платонову. В его семинарии зародился у меня первоначальный интерес к данной теме; в многократных и всегда для меня плодотворных беседах с ним я получал разрешение своих

---

[1] Это видно отчасти из отношения Ключевского к появлению самозванцев. Так, например, выясняя появление Лжедимитрия I, Ключевский пишет, что мысль об этом самозванце была „высижена" в гнезде гонимого Борисом Годуновым боярства с Романовым во главе. Самозванец был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве" („Курс", т. III, стр. 32). Лжедимитрия II Ключевский считает кандидатом черни на московский престол.

[2] Журнал „Мин. нар. просв." за 1913 г., №№ 2, 3, 10 и 1914 г. №№ 8 и 9.

столь частых у начинающего сомнений и затруднений, полезные советы и указания; наконец его же настояниям и широкому содействию обязан я первоначальным появлением «Очерков» в журнале и теперь в виде книги», — сообщал П. Г. Любомиров в предисловии к своей работе, опубликованной отдельной книгой в 1917 году[1] и переизданной в 1939 году.

Автор «Очерков истории нижегородского ополчения» создавал свою работу, придерживаясь буржуазной концепции русского исторического процесса. В «Очерках» П. Г. Любомиров исходил из тех положений, которые выдвинул в конце XIX века С. Ф. Платонов.

Работа П. Г. Любомирова является продолжением и дальнейшей разработкой того, что сказано было Платоновым. В деле изучения конкретной истории нижегородского ополчения интересующий нас автор продвинулся дальше своего предшественника. Автор «Очерков истории нижегородского ополчения» использовал громадный документальный материал и всю имеющуюся литературу.

Работа П. Г. Любомирова насыщена конкретными фактами, проанализированными обстоятельно. В исследовании проф. Любомирова мы имеем завершение всех изысканий буржуазной историографии по истории нижегородского ополчения.

«Очерки истории нижегородского ополчения» открываются характеристикой состояния Нижнего-Новгорода и Нижегородского уезда в начале XVII века. Автор указывает, что в это время Нижний-Новгород был одним из крупнейших городов Московского государства. В отличие от прошлого времени город этот в начале XVII века уже не имел своего прежнего стратегического значения, а являлся важным экономическим пунктом Московского государства с значительным и растущим посадом. Посадские люди составляли большинство нижегородского населения.

Дав характеристику Нижнему-Новгороду, автор переходит к Нижегородскому уезду.

Нижегородский уезд в начале XVII века далеко не занимал всей территории позднейшей Нижегородской губернии. Здесь проживало довольно значительное население. На территории Нижегородского уезда было разбросано свыше 600 русских и мордовских селений. Большинство населения уезда составляли русские. Дворянство было мелкопоместным и «вряд ли могло играть особенно крупную роль в

---

[1] П. Г. Любомиров — „Очерк истории нижегородского ополчения". Петроград, 1917 г., предисловие.

жизни своего уезда и составить по влиятельности серьезную конкуренцию Нижегородскому посаду»[1].

В книге подробно анализируется участие Нижнего-Новгорода в событиях «Смутного времени» до осени 1611 года. При этом устанавливается, что как только стало выясняться, что Сигизмунд сам хочет занять московский престол, Нижний в числе первых решительно отказался от королевича и начал работать над организацией ополчения для освобождения Москвы от поляков.

В январе 1611 года Нижний открыто восстал против польского правительства и шляхты, причем широкую и энергичную агитацию восстания вели не воеводы Нижнего. Все нижегородские воззвания этого времени были написаны от лица всего нижегородского мира.

Проф. Любомиров примыкает к точке зрения Забелина и Платонова о начале нижегородского движения, он отмечает, что возникновение нижегородского ополчения нельзя связывать с грамотой Троицкого монастыря, и дальше выясняет выдающуюся роль Кузьмы Минина в деле организации ополчения, исследует вопрос о сборе средств на него, указывает на приглашение кн. Пожарского в качестве военачальника.

По Любомирову первый период в истории ополчения закончился к началу ноября 1611 года. В итоге этого периода нижегородцы собрали известные средства для содержания ополчения, имели видного военачальника и заведующего казной ополчения Кузьму Минина.

Автор «Очерков истории нижегородского ополчения» указывает, что для выяснения программы, с которой выступило нижегородское ополчение перед страной, особенное значение имеют грамоты самого ополчения в Вологду и Сольвычегодскую, посланные из Нижнего в начале декабря 1611 года.

Исследователь верно констатирует, что документы эти говорят о внешних врагах, «о польских и литовских людях», умысливших «Московское государство раззорити»[2].

В работе П. Г. Любомирова совершенно правильно подчеркнут момент национальной борьбы с польской интервенцией. Деятелем этой борьбы был народ, поднявшийся на защиту своей страны от иноземных захватчиков. П. Г. Любомировым вполне правильно подчеркнуто развитие массовой народной борьбы с польскими феодалами.

---

[1] Любомиров—„Очерки истории нижегородского ополчения", Гос. соц. эк. и-во, Москва, 1939 г., стр. 29.

[2] Любомиров—„Очерки истории нижегородского ополчения", Гос. соц. эк. и-во, Москва, 1939 г., стр. 74.

В этом смысле исследование проф. Любомирова выгодно отличается от работ других представителей дворянско-буржуазной историографии. «Приток сил и средств с разных концов России ставил более прочно дело ополчения и вместе с тем свидетельствовал, что составленная в Нижнем программа встречена в стране сочувственно, разделяется почти всюду земскими людьми»[1], вполне верно умозаключает историк нижегородского ополчения. Поход ополчения из Нижнего на Ярославль и далее на Москву «был настоящим триумфом» его создателей и руководителей.

Исследователь отметил, что поляки почувствовали деятельность «шишей» — партизанских отрядов крестьян, боровшихся с интервентами[2].

В книге подробно выясняются обстоятельства длительной остановки ополчения в Ярославле. «Четыре месяца пребывания ополчения в Ярославле прошли в напряженной работе над восстановлением порядка в стране, над созданием центральных правительственных учреждений, над собранием сил и средств для самого ополчения[3].

Кроме того, были приняты меры по организации обороны на западной границе на случай нападения со стороны шведов. В Ярославле же был создан «Совет всея земли».

Ополчение выступило из Ярославля по проведению всей этой столь разнообразной и необычайно важной работы. Военные силы князя Пожарского покинули Ярославль сразу же по получении сведений о движении отряда Ходкевича с большим обозом на помощь полякам, засевшим в Кремле.

Походу к Москве и освобождению ее от оккупантов автор уделил внимание в VIII главе своей книги, где вскрыты детально обстоятельства, связанные с этим периодом деятельности ополчения. Руководители нижегородского ополчения под Москвой и в Москве были заняты не только осадой столицы, а по взятии ее — подготовкой защиты ее от надвигавшегося Сигизмунда. Но ими принимались также меры по обороне страны от других врагов и продолжалась организационная и текущая работа.

Формальным концом истории нижегородского ополчения проф. Любомиров считает 25 февраля 1613 года. Полномочия руководителя нижегородского ополчения кн. Пожарского окончились лишь после избрания царя Михаила Романова на Земском Соборе.

В своем сочинении П. Г. Любомиров раскрыл богатую фактическую историю нижегородского ополчения.

---

[1] Любомиров—указан. соч., изд. 1939 г.
[2] Любомиров—указан. соч., изд. 1939 г., стр. 95.
[3] Любомиров—указан. соч., изд. 1939 г., стр. 106.

Наряду со своими положительными качествами, книга проф. Любомирова имеет и существенные недостатки, обусловленные тем, что в период создания этой работы ее автор придерживался буржуазной концепции русского исторического процесса и находился под сильным влиянием Платонова.

Последнее обстоятельство дает себя знать с первой до последней страницы книги. Оно проявляется, конечно, не только в том, что П. Г. Любомиров часто делает ссылки на книгу Платонова «Очерки по истории Смуты», а в существе, в изложении материала, в концепции истории нижегородского ополчения, которая определилась у П. Г. Любомирова под идейным влиянием Платонова.

Вот как, например, П. Г. Любомиров пишет в начале своей работы о предмете своего исследования: «Нижегородским называется второе земское ополчение, приведшее к окончанию «Смутного времени» по месту своего возникновения» [1]. И все.

Разумеется, что такое определение непригодно. Оно навеяно Платоновым. В этом определении не вскрыто существо деятельности нижегородского ополчения, освободившего страну от интервентов, отстоявшего национальную самостоятельность русского государства.

Любомиров исходит из той периодизации «смуты» и истории ополчения, которую дал Платонов. Он всюду придерживается в этой книге высказываний Платонова и продолжает начатое своим учителем дело изучения истории нижегородского ополчения, идя по проторенной С. Ф. Платоновым дорожке.

Известное подчеркивание моментов анархических, особенно в движении казачества, — также результат платоновского влияния. П. Г. Любомиров не дал в своей книге правильной характеристики исторически прогрессивной деятельности вождей нижегородского ополчения Кузьмы Минина и князя Пожарского. У Любомирова нет четкой постановки вопроса о захватнических стремлениях польских феодалов по отношению к Московскому государству в начале XVII века. Проф. П. Г. Любомиров делает серьезную ошибку, считая Пожарского главой шведской партии. Эта точка зрения Любомирова противоречит источникам и реальным историческим фактам.

«Очерки истории нижегородского ополчения» имеют и тот существенный недостаток, который правильно отмечен в предисловии издательства и заключающийся в том, что «автор чрезмерно ограничил хронологические и тема-

[1] Любомиров — указан. соч., изд. 1939 г., стр. 5.

тические рамки книги, в силу чего, при всем обилии фактического материала по истории самого ополчения, общая характеристика состояния страны осталась за рамками книги»[1].

Как известно, позднее П. Г. Любомиров пересматривал свои исторические воззрения.

Это привело его к осознанию недостатков своего исследования. В лекции по историографии, читанной П. Г. Любомировым в декабре 1934 года, было указано, что «книга эта («Очерки по истории нижегородского ополчения». А. П.) была написана с точки зрения тех историографических устремлений, которые были в то время». И далее: «Должен сказать, что в анализе общественных отношений, конечно, я далеко не дал материала так, как должен был бы сделать, если бы писал эту книгу теперь»[2].

П. Г. Любомиров не дал развернутой характеристики недостатков своей работы, но самое существенное им здесь было указано правильно.

Отметим, что с точки зрения буржуазных историографических устремлений дана П. Г. Любомировым и историография нижегородского ополчения[3]. Работа эта, конечно, имеет известное значение и в наши дни. Но здесь также есть существенные недостатки.

Историографический обзор П. Г. Любомиров дает без всякой обрисовки общих историко-политических взглядов упоминаемых им лиц. Он не вскрывает классового содержания исторических взглядов отмеченных им исследователей.

По поводу существовавших споров и разногласий среди исследователей в вопросах истории нижегородского ополчения П. Г. Любомиров пишет, что эти разногласия и споры «в значительной мере обязаны состоянию источников», что, конечно, не является правильным[4].

В этой работе автор утверждает, что С. М. Соловьев дал «очень объективное... изложение истории нижегородского ополчения»[5], тогда как для нас ясно, что буржуазный исследователь С. М. Соловьев не дал объективной истории нижегородского ополчения, несмотря на то, что для своего времени сказанное Соловьевым было значительным шагом вперед. Взгляды С. Ф. Платонова на нижегородское ополчение П. Г. Любомиров считает венцом всех научных изысканий.

---

[1] Любомиров—указан. соч., изд. 1939 г.—предисловие издат., стр. 4.
[2] Там же.
[3] См. Приложение к „Очеркам", стр. 314—340.
[4] См. Приложения к „Очеркам", стр. 314.
[5] Там же, стр. 333.

Здесь мы отмечаем лишь некоторые из недостатков историографического очерка, написанного П. Г. Любомировым.

В заключение заметим, что во всей буржуазной историографии не было дано подлинно научной, объективной истории нижегородского ополчения. Буржуазные историки исследовали фактическую историю нижегородского ополчения и достигли в этом отношении известных результатов. Но толкование этой истории буржуазной наукой не было правильным. Буржуазная историческая наука оказалась бессильной в понимании того великого исторически прогрессивного дела, которое совершено было нижегородским ополчением под руководством Минина и Пожарского.

Н. А. Рожков в своих исторических работах затронул и нижегородское ополчение 1611 — 1613 гг. При этом в трактовке событий начала XVII века он находится во власти буржуазных исторических концепций (Ключевский, Платонов).

По мнению Н. А. Рожкова, социальная подкладка отдельных моментов, «русской революции XVII века» (терминология Н. Рожкова. *А. П.*) в общем и целом изображена Платоновым правильно[1]. Словом — «экономический материалист» Н. А. Рожков считает для себя вполне приемлемым следовать в анализе событий начала XVII века за буржуазными историками, что свидетельствует о некритическом отношении Рожкова к буржуазной исторической концепции, о его нежелании преодолеть эту концепцию и показывает огромное влияние буржуазной историографии на «экономического материалиста» Н. А. Рожкова.

Первое освободительное ополчение во главе с Ляпуновым было, по мнению Рожкова, первым опытом союза дворян с посадскими людьми Поволжья и Севера Московской Руси.

Рожков возражает Покровскому, считая не вполне верным его утверждение, что «города Ляпунову сочувствовали, но подмоги не слали».

В войске Ляпунова были, указывает Рожков, представители целой группы городов. Между ополчением Ляпунова и казаками проявлялись противоречия. В итоге произошло убийство Ляпунова и распадение дворянского ополчения 1611 года[2]. Затем Н. А. Рожков переходит ко второму нижегородскому ополчению. При этом он не пересматривает документальные материалы, характеризующие фактическую историю ополчения.

---

[1] Н. Рожков—„Русская история", т. IV, ч. II, стр. 6 (изд. 1922 г.).

[2] Н. Рожков—„Русская история», т. IV, ч. II, стр. 19—20 (изд. 1922 г.).

Вслед за Платоновым Рожков повторяет правильное положение, что грамоты Троицкого монастыря не оказали никакого влияния на возникновение нижегородского движения потому, что пришли в Нижний гораздо позднее, чем выступил со своими призывными речами Кузьма Минин, и уже тогда, когда выступления Минина увенчались успехом. Рожкова интересует дальше вопрос о том, почему посадское население севера Московской Руси и Поволжья примкнуло к дворянству. Иными словами, Рожков задается вопросом о причинах нижегородского движения. Вопрос весьма уместный, но разрешение его дано им неправильное. Отступая здесь от Ключевского и Платонова, Н. А. Рожков дает свое «экономическое» обоснование выступления нижегородцев. «Зажиточные города севера и Поволжья с 4-мя уездами во имя своих торговых интересов дорожили прежде всего порядком и спокойствием, охранения которых они ждали от правительства. Классовые противоречия здесь (т. е. на севере Московской Руси и в Поволжьи — *А. П.)* были невелики. Крепостного права в собственном смысле этого слова почти не было... Наконец, эти места нимало не пострадали от того экономического кризиса, которым в центре государства сопровождался переход от натурального хозяйства к денежному.

Удельный вес севера сильно увеличился...

Правительство царя Василия оказалось не в состоянии защитить север от поляков и казаков Тушинского вора. А скоро затем им пришлось позаботиться и о полной политической самодеятельности, так как оказалось, что правительство фактически не существует.

Так и возник союз посадских людей с дворянами, сначала под начальством Ляпунова, а потом под руководством Пожарского и Минина. Большая численность и организованность последнего ополчения дала ему материальный перевес над казаками Трубецкого и Заруцкого. В результате получилась победа»[1].

Рожков, так же как и буржуазные историки, не понял существа в истории нижегородского ополчения. Он не увидел того, что это ополчение выступило с яркой программой борьбы за национальную самостоятельность русского народа.

В меньшевистской концепции Рожкова нет народа — главного деятеля борьбы с интервентами.

---

[1] Н. Рожков — „Русская история", т. IV, ч. II, стр. 20—21 (изд. 1922 г.), (подчеркнуто мною. *А. П.*).

Рожков был далек от мысли о прогрессивности выступления нижегородцев, поддержанных всем народом страны.

Применяя концепцию «экономического материализма», Рожков свел величайший порыв народных масс, поднявшихся на защиту своей страны, к охране торговых интересов зажиточных городов севера и Поволжья с их уездами.

У Рожкова получается, что вожди нижегородского ополчения Кузьма Минин и князь Пожарский действовали не в интересах русского народа, а только на благо дворянства и купечества.

Попутно отметим, что Рожков делает серьезные ошибки в характеристике общественных отношений на севере и в Поволжьи. Он доходит до отрицания наличия здесь классовых противоречий, неверно характеризует положение крестьянства, придерживается своей неправильной теории происхождения крепостного права в России.

Г. В. Плеханов в своей меньшевистской «Истории русской общественной мысли», написанной в годы первой империалистической войны, обошел вопросы истории нижегородского ополчения. Он ничего не сказал об этом великом историческом деле всего русского народа, возглавленном Мининым и Пожарским.

Ученик буржуазных профессоров В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова — М. Н. Покровский изложил свои взгляды по вопросам истории нижегородского ополчения в работах, написанных и опубликованных им в период с 1910 по 1923 г.: во втором томе «Русской истории с древнейших времен» (1910 г.), в статьях, помещенных им в энциклопедическом словаре бр. Гранат («Смутное время» — 1922 г., «Минин» — 1916 г., «Пожарский» — 1915 г. и др.), а также и в «Русской истории в самом сжатом очерке» (1920 г.).

Эти взгляды М. Н. Покровского наглядно показывают антимарксистский, антиленинский, а следовательно и антинаучный характер его исторической концепции, которая противоречит ленинской концепции истории СССР. В основе исторических взглядов Покровского лежит не исторический и диалектический материализм, а так называемый «экономический материализм».

Борьба русского народа с польско-литовской интервенцией начала XVII века, возглавленная Кузьмой Мининым и князем Димитрием Михайловичем Пожарским, находится в тесной связи с другими событиями этого исторического отрезка времени, в характеристике которого Покровский допустил ряд извращений. М. Н. Покровский совершенно не уяснил, например, классовой борьбы в этот период.

Такому важному этапу освободительной борьбы русского народа против посягательств иноземных захватчиков, каким является деятельность второго ополчения, Покровский вообще не уделил должного внимания и не изучил источников, документальной стороны вопроса, ссылаясь и опираясь в своих работах на данные буржуазных историков Костомарова, Забелина, Платонова, оказавших на него свое влияние.

В исторической концепции М. Н. Покровского в качестве своеобразного «демиурга истории» выступает торговый капитал. Создание нижегородского ополчения, по Покровскому, было делом рук торгового капитала, а Кузьма Минин был представителем и выразителем интересов последнего. Возникновение освободительного движения в Нижнем-Новгороде, по Покровскому, обусловлено было не только тем, что «на Волге не было никаких польских войск, и помешать движению на первых его шагах было некому», а также и тем, что «волжские торговцы были заинтересованы в восстановлении порядка более, нежели кто-либо другой» [1]. Одним словом, интересы наживы, по Покровскому, толкнули волжских купцов к организации ополчения. Для того, чтобы обеспечить получение барышей в будущем «людям торговым, купцам, пришлось только сделать еще одно усилие, окончательно и уже широко развязать свою мошну» [2].

Торговые люди, или «буржуазия», как называет их Покровский во втором томе «Русской истории», поднялись потому, что казаки могли посадить на московский престол своего ставленника, сына второго самозванца и Марины Мнишек. Оказавшись в этом случае хозяевами положения, казаки становились опасными верхним слоям посадских людей. И вот «как только по поволжским городам прошла весть о катастрофе с Ляпуновым, они (торговые люди, купцы. *А. П.)* тотчас же решили «быти всем в совете и соединении»: а «будет казаки учнут выбирать на Московское государство государя по своему изволению, одни, не сослався со всею землею, и нам того государя на государство не хотети». Материальным базисом этого союза поволжских городов, к которым скоро пристали поморские, была казна, собранная Нижним-Новгородом, конечно не по индивидуальной инициативе Минина, а просто потому, что союз городов без военной силы был пустым звуком,

---

[1] Покровский—„Русск. ист. в древнее время", т. II, стр. 66.
[2] Покровский—„Русск. ист. в самом сжатом оч.", стр. 72.

а военной силы нельзя было получить без денег» — пишет Покровский [1].

Определяя обстоятельства, вызвавшие выступление нижегородцев, М. Н. Покровский „проглядел“ очень существенные вещи. Он „упустил“ из виду то, что уже летом 1611 года Московское государство находилось перед лицом грозной опасности. Столица находилась в руках польских панов.

Поляками же был захвачен Смоленск. Шведы на северо-западе заняли Новгород Великий. Покровский не увидел народного движения, поднявшегося на защиту национальной самостоятельности своей родины. «Многие источники и все исследователи согласно утверждают, что видную или даже главную роль в пробуждении у нижегородцев решимости встать на очищение Московского государства сыграли речи Кузьмы Минина» [2].

Покровский без всяких оснований принизил выдающуюся роль этого организатора и народного трибуна в деле создания нижегородского ополчения.

По мнению Покровского, Кузьма Минин не был вождем народной массы, выступившей на защиту своей страны, а был вождем торгового капитала [3]. Необычайно интересную, богатейшую и весьма поучительную фактическую историю нижегородского ополчения М. Н. Покровский во всех своих работах обошел, оставил без всякого внимания, пренебрежительно отнесся к ней. У него мы не найдем ни характеристики состояния ополчения в Нижнем-Новгороде, ни анализа пути ополчения от Нижнего к Ярославлю.

Покровский абсолютно ничего не сказал о пребывании ополчения в Ярославле, а по поводу действия самого ополчения и его руководителей под Москвой заметил, что «в нашу задачу не входит описание тех военных операций, которые поздней осенью 1612 года привели собранную посадскими помещичью(?) армию в Московский кремль» [4].

И в сущности говоря, без всякого анализа, в угоду своей порочной антиленинской исторической концепции, с всесильным дирижером исторического развития России — торговым капиталом, Покровский называет второе освободительное ополчение не народным, а дворянским и купеческо-помещичьим ополчением [5].

---

[1] Покровский—„Русск. ист. с древнейших вр.“, т. II, стр. 69.

[2] Любомиров—„Очерки истории нижегор. ополчения“, стр. 47.

[3] Покровский—„Смутное время“, ст. в энц. сл. бр. Гранат. Принижение личности К. Минина можно видеть и в ст. Покровского „Минин“ (энц. сл. Гранат).

[4] Покровский—„Русск. ист. с древн. вр.“, т. II, стр. 70.

[5] „Русск. ист. с др. вр.“, стр. 70. „Русская история в самом сжатом очерке“, стр. 72.

Покровский принизил личность кн. Д. М. Пожарского, который, как известно, проявил себя не только как великолепный стратег-полководец и военный руководитель ополчения, но и в других направлениях (по «устроении земли», в области внешних сношений и т. д.). М. Н. Покровский был абсолютно далек от понимания той исторически прогрессивной роли, которая была выполнена Кузьмой Мининым и князем Пожарским в деле освобождения страны от польских и шведских интервентов. Он выдвинул антиисторическое положение, что «защита родины и защита своей мошны у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливались таким образом в одно»[1].

Покровский отрицает наличие самоотверженных действий народных масс в период борьбы с интервентами. По его мнению «гениальная выдумка» Минина состояла в том, что он давал высокое жалование всем тем, кто шел в ополчение. Немудрено, — утверждает дальше Покровский, — что такая мера привела к полному согласию между помещиками и купцами с одной стороны и мелкими служилыми людьми и казаками с другой[2].

Больше того, М. Покровский приходит к чудовищному выводу о том, что второе ополчение во главе с Мининым и Пожарским было контрреволюционным, потому что его действия были направлены против «демократической революции», которую Покровский увидел в Тушине[3].

По мнению Покровского, «в лице Минина и Пожарского одержали победу помещичье землевладение и торговый капитал»[4].

«Высказывания» М. Покровского по вопросам истории нижегородского ополчения находятся в резком противоречии с историческими источниками и реальной историей нашей родины. Покровский клеветнически исказил важнейший этап борьбы за национальную самостоятельность великого русского народа.

В статье «О национальной гордости великоруссов» В. И. Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину»...[5].

В сказанном Покровским о нижегородском освободительном ополчении полностью отсутствует чувство патриотизма и любовь к историческому прошлому родины.

---

1 Покровский—„Русск. история в самом сжатом оч.", стр. 73.
2 Там же, стр. 72.
3 Покровский—„Русск. история в самом сжатом оч.", стр. 74.
4 Там же, стр. 74.
5 Ленин. Соч. т. XVIII, стр. 81.

Ликвидаторские установки Покровского и его «школы» принесли большой вред. Они задержали развитие советской исторической науки. Эти вредные установки отрицательно сказались и на состоянии изучения частного вопроса истории нашей страны — истории нижегородского ополчения 1611 — 1613 гг.

ЦК ВКП(б), советское правительство и лично И. В. Сталин уделили особенное внимание борьбе с этими вредными установками.

В 1937 году вышел одобренный Всесоюзной Правительственной Комиссией «Краткий курс истории СССР», под редакцией проф. А. В. Шестакова.

В «Кратком курсе истории СССР» авторами учебника была верно разрешена проблема национально-освободительных войн, тесно связанная с проблемой государства. В учебнике было дано марксистско-ленинское освещение вопросов, связанных с вторжением в начале XVII века на территорию Московского государства польских интервентов и борьбы русского народа за свою независимость, инициатива которой принадлежала нижегородцам.

В 1938 году вышла книга Н. Подорожного «Разгром польских интервентов в Московском государстве в начале XVII века», предназначенная для широких читательских масс. Работа эта вызывает несколько замечаний. Прежде всего надо отметить, что в книге, трактующей о разгроме польской интервенции, отведено совершенно недостаточное место решающему факту разгрома—нижегородскому освободительному ополчению.

В книге из 45 страниц автор отвел нижегородскому ополчению всего лишь 5 страниц.

В книге по существу ничего не сказано о формировании ополчения в Нижнем и пути ополчения в Ярославль.

На стр. 40 автор утверждает, что сбор нижегородского ополчения был назначен в Ярославле, куда стали стекаться вновь формируемые отряды. Такое утверждение не соответствует фактической истории ополчения, которое было сформировано в своем ядре еще в Нижнем-Новгороде, а затем усилилось за счет новых отрядов, влившихся в ополчение, по его пути от Нижнего до Ярославля.

В Балахне, Юрьевце, Решме и Костроме ополчение получило «казну и подмогу» [1]. В Ярославле же ополчение еще более усилилось за счет вновь пришедших сюда военных отрядов.

Совершенно неудачным является и утверждение Н. Подорожного о том, что из Ярославля «Пожарский и Минин

[1] См. Любомиров—„Очерк истории Ниж. ополчения“, стр. 91—93.

не решались итти на Москву». Дело тут не в нерешительности, а в предусмотрительности руководителей нижегородского ополчения. Длительную остановку в Ярославле совершенно нельзя объяснить нерешительностью Минина и Пожарского. Известно, что остановка ополчения в Ярославле имела огромное положительное значение для обеспечения успешного хода всей борьбы с поляками. Все это и следовало бы указать. Автор ни слова не сказал о деятельности руководителей ополчения по созданию правительственного аппарата и о «Совете всея земли», тогда как это имеет существенное значение.

По нашему мнению, в книге, рассчитанной на широкие читательские круги, какой является работа Н. Подорожного, в особенности «должно быть взвешено каждое слово и каждое определение»[1].

В 1939 году вышла работа Л. Б. Генкина «Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века».

Наиболее интересным разделом работы Л. Б. Генкина является глава III «Народные восстания против интервентов», где Л. Б. Генкин, опираясь на первоисточники, сообщает конкретные факты, характеризующие народную борьбу с интервентами в северных областях Московского государства. «Огромная, народная армия, армия, состоявшая в массе своей из крестьян и черных посадских людей, — вот кто поднялся и вооружился на борьбу с захватчиками и поработителями. Глубокой осенью и в начале зимы 1608 года начали формироваться основы той народной армии, которая в упорной борьбе сломила банды интервентов и в 1612 году окончательно изгнала их из России.

Против интервентов во весь свой гигантский рост поднялся сам народ»[2], — пишет Л. Б. Генкин. В IV главе автор говорит о народных ополчениях 1611 — 1612 года. Но, к сожалению, о нижегородском ополчении здесь сказано лишь в самых общих чертах. Путь нижегородского ополчения к Ярославлю и пребывание его там охарактеризованы правильно, но также в общих чертах, о чем тоже приходится сожалеть.

В работе о Ярославском крае в начале XVII века автору необходимо было уделить особенное внимание исследованию вопроса о пребывании второго ополчения в Ярославле

---

[1] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров „Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР". Сб. „К изучению истории" стр. 24.

[2] Л. Б. Генкин—„Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века". ОГИЗ, Ярославль, 1939 г., стр. 87—88.

с обязательным пересмотром первоисточников и имеющихся данных исторической литературы.

О героической борьбе русского народа за свою национальную самостоятельность говорится в научно-популярной работе А. И. Казаченко «Разгром польской интервенции в начале XVII века» (издана в 1939 году). Из имеющихся в книге примечаний видно, что автор произвел просмотр источников, опираясь на которые, а также и на литературу вопроса, дано научно-популярное изложение темы. Работа А. И. Козаченко, как и книги предыдущих авторов (Подорожного, Генкина), направлена против антиисторической концепции М. Н. Покровского.

В книге А. И. Козаченко на конкретном материале показываются ошибочность и вредность установок как самого М. Покровского, так и его «школы». В этом состоит одно из достоинств книги.

Более детально и более обстоятельно, чем в предыдущих работах (Н. Подорожного и Л. Генкина), в главе «Народная война и второе всенародное ополчение. Минин и Пожарский—вожди народа» А. И. Козаченко показал фактическую историю нижегородского ополчения. Автор указывает, что с лета 1611 года, после распада первого ополчения, в Московском государстве началась упорная партизанская война.

Интервенты вскоре почувствовали деятельность партизанских отрядов, прозванных «шишами», которые выслеживали польские воинские части и при удобном случае нападали на них. «Главная заслуга партизан, — пишет Козаченко, — заключалась в том, что они не дали захватчикам укрепиться в Москве, в Русском государстве. Своей борьбой «шиши» облегчили организацию второго ополчения, война затянулась, силы врага истощались. «Шиши» подготовили разгром польской интервенции вторым ополчением, дали возможность создать это ополчение» [1].

В книге указывается, что инициатива, начало народного освободительного движения, зародившегося в Нижнем-Новгороде и направленного против интервентов, шли непосредственно из народных масс, в книге дана правильная характеристика подлинных вождей народного движения Минина и кн. Пожарского, дан верный показ самого движения до его окончательной победы.

Историк А. А. Савич опубликовал в 1938 году интересную и обстоятельную работу «Польская интервенция в на-

---

[1] А. И. Козаченко—„Разгром польской интервенции в начале XVII в. ОГИЗ. 1939 г., стр. 135—136.

чале XVII века в оценке М. Н. Покровского»[1]. А. А. Савич убедительно доказал в своей работе, что, несмотря на неопровержимые свидетельства источников о выдающейся роли в событиях начала XVII века в Московском государстве польского правительства и шляхты, в дворянской и буржуазной историографии, а также и у Покровского наблюдается недооценка этой роли.

В этой работе А. Савича не менее убедительно доказано далее и то, что Покровский, не оценив, как следует, польскую интервенцию и сведши на-нет героическую борьбу, которую вел русский народ с интервентами, превратно истолковал выступление первого и второго (нижегородского) освободительных ополчений.

Выяснив ошибочные, антиисторические установки М. Покровского, А. Савич верно подчеркнул народный и национально-освободительный характер той борьбы с польским нашествием, инициаторами которой были нижегородцы. Он пишет, что в «грозную минуту, когда, казалось, что уже не было выхода из создавшихся тяжелых условий, на защиту родины поднялось второе земское ополчение под руководством нижегородского земского старосты Кузьмы Минина и князя Пожарского. Это уже поднялся русский народ на защиту своей родины и прежде всего на освобождение Москвы от засевших в ней оккупантов.

Рать народная, великая и сильная, подобной которой еще не было на Руси, успешно завершила свое большое дело»[2].

В научно-популярной книге «Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века», написанной тем же автором, в главе IV «Народное ополчение и изгнание поляков из Москвы» изложена кратко фактическая история нижегородского ополчения, создавшегося в момент грозной опасности, стоявшей перед страной. Тогда очередь действовать осталась за русским народом. «Этот русский народ, который поляки считали безгласным орудием в руках его правителей, лишенным способности рассуждать, чуждым какой бы то ни было инициативы, теперь и выступает на историческую сцену. В лице земского нижегородского старосты он бросает свой знаменитый клич — помочь отечеству, не жалея ничего, заложив, если

---

[1] „Историк-марксист", т. I за 1938 г. В более подробном виде эта работа была напечатана в сб. ст. ст. „Против исторической концепции М. Н. Покровского", изд. А. Н. СССР, 1939 г. Тот же автор имеет специальную работу „Польская интервенция в эпоху великой Московской смуты". Пермь, 1927 г.

[2] „Историк-марксист", т. I, 1938 г., стр. 109.

понадобится, жен и детей. Ни о чинах боярских, ни о поместьях, ни о каких-либо вообще других выгодах этот народ не думал. Этот клич потому и звучит громко, что он высоко принципиален»[1].

Автор книги, дав характеристику энергичной деятельности Кузьмы Минина и обрисовав личность князя Д. М. Пожарского, переходит к рассмотрению действий нижегородского ополчения, двинувшегося на борьбу с оккупантами. Остановка ополчения в Ярославле рассматривается как показатель большого стратегического такта князя Пожарского, ставившего в то время первоочередной задачей — укрепление тыла. В книге указаны и другие моменты, характеризующие многостороннюю деятельность руководителей ополчения в период их пребывания в Ярославле (увеличение материальных сил и средств ополчения, создание «правительственного аппарата, деятельность «Совета всей земли», внешние сношения). Д. М. Пожарский по дипломатическим соображениям не отводил в то время кандидатуру шведского королевича.

Переговоры с Новгородом имели огромное значение, поскольку приостановилось наступление шведов, и ополченцы могли собраться с силами и укрепить северо-западные границы. А. Савич рассмотрел закончившиеся победой над интервентами действия ополчения под Москвой и в заключение, после изложения кратких сведений по истории ополчения, еще раз отметил, что это ополчение было делом не только нижегородцев, а движением всей русской земли, что и было залогом его полного успеха.

Краткая история нижегородского ополчения дана также и в вышедшем в 1939 году первом томе «Истории СССР» под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, члена-корреспондента Академика Наук С. В. Бахрушина. Качества этого коллективного труда крупных советских ученых уже были отмечены в прессе[2].

События начала XVII века, происходившие в нашей стране, а также исторически прогрессивную роль Минина и Пожарского показал Н. Дайри в статье, опубликованной в 1940 году в «Историческом журнале».

В дни отечественной войны советского народа против немецких захватчиков появился ряд работ, характеризующих славное героическое прошлое нашей страны и показывающих полный крах иностранной интервенции начала XVII века.

---

[1] А. Савич—„Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века". ОГИЗ 1939 г., стр. 45—46.

[2] Рецензия проф. М. Нечкиной. См. „Правда" за 12/II 1940 г.

Отметим брошюру В. Костылева «Кузьма Минин», рисующую образ замечательного нижегородца и славного патриота нашей великой страны.

Г. Бибиков в своей работе «Минин и Пожарский» показывает деятельность руководителей нижегородского народного ополчения на фоне общероссийской обстановки того времени.

Две научно-популярные брошюры проф. В. Данилевского «Кузьма Минин» и «Димитрий Пожарский» рассчитаны на удовлетворение потребности широких читательских масс. Автору удалось правильно показать героический образ верных сынов русского народа Димитрия Пожарского и Кузьмы Минина.

В советской исторической литературе установлена объективная, единственно правильная и подлинно научная оценка нижегородского ополчения 1611 — 1613 гг.

В анализе конкретной истории нижегородского ополчения и в оценке деятельности его выдающихся вождей Минина и Пожарского советская историческая наука исходит из марксистско-ленинского учения, из высказывания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по вопросам истории СССР и других стран.

В советской исторической литературе выступление второго нижегородского ополчения рассматривается как частный случай в истории национально-освободительных войн русского народа и других народов СССР за свою национальную самостоятельность.

При этом советские историки исходят из того, что «война бывает двух родов:

а) война справедливая, не захватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и

б) война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов» [1].

В советской исторической литературе указывается, что русский народ, поднявшийся по зову нижегородцев во главе с нижегородцем Кузьмой Мининым и Д. М. Пожарским вел в 1612 году справедливую, освободительную войну против захватнической, несправедливой войны польских феодалов, стремившихся поработить нашу страну.

---

[1] История ВКП(б) „Краткий курс". стр. 161.

Решающей силой этой справедливой войны явился народ. Дело, начатое нижегородцами, вылилось в общенародное движение всей русской земли.

Только в советской исторической литературе дана правильная оценка Кузьмы Минина и Димитрия Пожарского. В этом вопросе советские историки руководствуются теперь тем, что сказал товарищ Сталин в исторический день 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве о наших великих предках Минине и Пожарском.

Кузьма Минин и Димитрий Пожарский в оценке советской исторической литературы являются подлинными вождями русского народа, руководившими великим исторически-прогрессивным делом защиты национальной самостоятельности Русского государства.

Труды Горьковского Государственного Педагогического Института им. М. Горького. Вып. XI. 1943 г.

К ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(Новые документы).

Н. И. Привалова

Польско-литовская интервенция начала XVII века и выдающаяся роль нижегородцев в изгнании интервентов с территории нашей великой родины обязывают историка деятельно и всесторонне изучать ту эпоху.

В архиво-хранилищах г. Горького новых документов, непосредственно относящихся к истории нижегородского народного ополчения, обнаружить не удалось.

В процессе работы нам встретились материалы, относящиеся к 30—50-м и последующим годам XVII в., которые до сих пор не были известны и представляют несомненный интерес ввиду упоминания в них исторических деятелей 1612 года или их прямых потомков.

В нашем распоряжении имеются, во-первых, документы, близко связанные с именами главных деятелей нижегородского ополчения — Кузьмы Минина и Д. М. Пожарского; во-вторых, документы непосредственных участников нижегородского ополчения и их ближайших родственников.

К документам первой группы мы относим крепость на лавку и кабальную запись 1635 г. нижегородских посадских людей на имя вдовы Кузьмы Минина Татьяны Семеновны. Известно, что Татьяна Семеновна пережила и мужа и сына своего Нефеда, кончив век схимонахиней Таисией. Купчая называет одну Татьяну Семеновну, — в более ранних грамотах она обычно упоминается вместе с сыном.

Так, в июльской грамоте 1616 г. читаем:

«Пожаловали есмя думного нашего дворянина Кузьмину жену Минина, вдову Татьяну с сыном Нефедом, мужа ее вотчиною, в Нижегородцком уезде селом Богородицком с деревнями, на тысячу на шестьсот на десять четьи» [1].

[1] А. Я. Садовский—„Одно ли лицо Козьма Минин и Козьма Захаров Минин-Сухорук". Н.-Новгород. 1916, стр. 4.

Или: «стряпчего Нефедья Кузьмина сына Минина с матерью со вдовой Татьяною с вотчины отца его, а отцу его дано за московское очищенье с села Богородцкого да с 5 деревень да с пустошей, опричь примерные земли, с живущего с полполтрети сохи, а не дойдет в сошное письмо 5 четьи без третника пашни рубль 13 алтын с деньгою, и те деньги на нынешний 137 год взяты сполна» [1].

Доставшиеся по наследству семье Минина земли после смерти Нефеда за Татьяной Семеновной не значатся, перейдя до бездетности Нефеда в чужой род[2].

В сметных списках 1645, 1646, 1648 гг. за ней названы лавки в луковом и в новом рыбном ряду, «что была за посадским человеком за Степаном Чапуриным» [3].

Согласно найденному документу ей была заложена лавка в шапочном ряду детьми Степана Чапурина. Судя по дальнейшим припискам поручителей лавка осталась за Татьяной Семеновной и была передана церкви в поминовенье родителей, а «протопопом и протодияконом и попом и дияконом на пропитание».

Данный документ свидетельствует о материальном положении жены Кузьмы Минина.

Из материалов близких родственников Д. М. Пожарского у нас имеется явочная челобитная 1654 г. о разбое крестьянина Суздальского уезда Холуйской слободки, вотчины стольника Ивана Димитриевича Пожарского, сына Димитрия Михайловича [4].

Из челобитной видна зажиточность крестьянина, если даже допустить некоторое преувеличение в оценке взятого. Повидимому, речь идет о привилегированном служащем князя, может быть, его приказчике или управителе.

... «А у меня Ивашка», жалуется челобитчик: «разбоем взяли пятьсот рублев денег да платья муцков(а) и женскова и ожерелей жемчюжных и всякой домашной рухляди на четыреста рублев».

Выпись раздельных суздальских книг 1682 г. знает внука Пожарского, стольника Юрия Ивановича Пожарского, из вотчины которого в Суздальском уезде, Мыцком стану

---

[1] „Действ. Ниж. арх. ком.", сб., т. XI. „Пам. ист. ниж. движения". стр. 293—294. А. Я. Садовский—„Одно ли лицо Козьма Минин...", стр. 6.

[2] „Действ. Ниж. арх. ком." „Мат. по ист. Ниж. края". „Дело о потомках Козьмы Минина". Н.-Новгород, 1912, стр. 21.

[3] „Действ. Ниж. арх. ком.", сб., т. XI, стр. 338.

[4] Об Иване Дим. Пожарском см. у А. С. Гацисского „В вотчине кн. Пожарского", сб. в пам. А. С. Гацисского. Н.-Новгород 1897 г., стр. 16—19.

При Алексее Михайловиче Ив. Дим. Пожарский получает чин окольничьего. Ив. Забелин „Минин и Пожарский". М. 1896 г., стр. 145.

выделяется починок Бубнов в поместье жильцу Акиму Рославцеву.

Ю. И. Пожарский, сын Ивана Димитриевича, умер в 1684 г., на нем окончился род Пожарского по мужской линии [1].

За Д. М. Пожарским считалось земли 4350 четей вотчины и поместья, полученные им за службу при Шуйском и позднее, что ему «дали бояре и всею землею, как Москву взяли». Из них 2500 четей новой дачи [2].

В Суздальскую вотчину князя входили селения Верхний и Нижний Ландехи, Мугреево, Мыт, Холуй [3]. Таким образом, в 50 — 80 гг. земли Пожарского находились во владении его наследников.

Переходим к разбору второй группы документов.

Перед нами жалованная грамота 1620 г. Афанасью Димитриевичу Жедринскому на поместье в Нижегородском уезде за осадное сиденье «в приход воровских людей в Нижнем Новегороде», когда он «многое добродство и храбрость службы показал и голод и наготу и во всем оскуденье и нужду всякую осадную терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился».

С Афанасием Жедринским мы встречаемся в Новом Летописце во время борьбы русских людей «с королевичевыми немцы» под Можайском и Борисовым, когда Пожарский принужден был выйти со всем войском из этих городов и временно обосноваться в Пафнутьеве монастыре. По приходе же в Москву среди ратников началось недовольство против бояр, «велие волнение», «мало бо не сотвориша убийства».

Инициаторами возмущения летописец называет ярославца Богдана Тутренева, смольянина Якова Тухачевского и нижегородца Афанасия Жедринского, «и иные многие к ним присташа» [4].

Садовский в своем исследовании о помещиках и вотчинниках Нижегородского края в 1613 году называет вотчинником Стрелицкого стана в Гордеевке Димитрия Савинова Жедринского, он же вотчинник и в Березопольском стану. Вотчину получил при Шуйском.

---

[1] С. Смирнов—„Биография кн. Д. М. Пожарского". М. 1852 г.
„Действ. Ниж. арх. ком.", т. XVI, в. 11, стр. 528.
„Действ. Ниж. арх. ком.", сб., т. XI, стр. 536.

[2] „Чт. общ. ист. и др. Росс." 1895 кн. 1. Сообщ. А. П. Барсукова, стр. 5. С. Ф. Платонов—„Очерки по ист. см. в Моск. гос. XVI — XVII вв.". М. 1937, стр. 409. Ив. Забелин—„Минин и Пожарский" 1896, М., стр. 120.

[3] А. С. Гациский—„В вотчине кн. Пожарского", стр. 3.
С. Ф. Платонов, стр. 409.

[4] „Нов. Лет." По сп. Оболенского. М. 1855, стр. 180—181.

В 1629 г. вотчинником Березопольского стана является сын его Афанасий, вотчина ему лично данная «за службу царя Василия Ивановича»[1]. Об этой вотчине и идет речь в нашей грамоте.

Д. С. Жедринский упомянут среди дворян доверенных лиц, привезших в 1612 г. грамоту из Нижнего на Вычегду с уведомлением о смятении всей земли и о необходимости «промышляти вместе заодин», стоять «в твердости разума своего крепко и неподвижно»[2]. В том же году он посылается нижегородскими воеводами «по совету всей земли» воеводой на Курмыш[3]. По дороге на Курмыш от Д. С. Жедринского и дьяка Фомы Кутепова имеются грамоты (17 — 18/II 1612 г.) курмышанам относительно встречи их и очистки для них двух дворов, дабы им на Курмыш «без земского совету не ехати»[4].

Все это свидетельствует, что Жедринские в эпоху отечественной войны, в частности, в период нижегородского ополчения, играли заметную роль. Но, если отец являлся несомненно лицом близким и доверенным нижегородским воеводам, то сын оставил по себе в летописи недобрую славу.

Любопытен отрывок из дела о неправильном присвоении Сулешовым-Болотниковым половины поместья Ивана Григорьевича Антонова. У Антонова большое военное прошлое.

Оставшись малолетним после смерти отца, он 12 лет «служил з городом». Был верстан при самозванце и прошел тяжелую школу войны и выучки. Раненый в бою «как приходил под Москву Ходькеевич», он остается в полку Д. М. Пожарского.

«А голова у нас был Василей Копнин со князь Васильем Григорьевичем Рамодановским да со князь Юрья (Дмитреевичем) Хворостининым да со князь Васильем Романовичем з Борятинъским». И. Г. Антонов называет ряд исторических имен: Д. Т. Трубецкого, Б. М. Лыкова, И. П. Шереметева и др., под начальством которых он был в Переяславле-Рязанском, участвовал в боях за Новгород Великий и в походах против польского полковника Лисовского.

---

[1] А. Я. Садовский—„К мат. по исслед. Нижег. уезда (1613—1629)" М. 1902, стр. 8, 14. Род Жедринских переведен в Нижний из Новгорода при в. кн. Василии Васильевиче. А. А. Гераклитов „Род Жедринских" в Тр. Сар. арх. ком. 1915 в. 32.

[2] П. Г. Любомиров—„Очерк ист. нижег. оп. 1611—1613 гг." Прил. 1, стр. 233—237, 1939 г.

[3] „Действ. Ниж. арх. ком.", сб. т. XI, стр. 150. С. Ф. Платонов, стр. 410.

[4] „Действ. Ниж. арх. ком.", сб., т. XI, стр. 150, 151.

К 20 годам XVII в. это уже старик сильно увеченый, «руси обсечены» и больной. Владея вотчинами в Шуйском и Московском уездах, он имел поместные дачи под Суздалем, что вызывало недовольство окрестных помещиков и отдельных служилых лиц, желающих воспользоваться его «прожиточным поместьецем».

Доходило до прямого насилия и разбоя. Из челобитной Ивана Григорьевича узнаем, что Иван Сулешов сын Болотников приезжал грабить и «со многими людьми», «в мое вотчинное деревнишко на Ильино и мать мою и сестру и жену и племянницу Дмитрееву дочь Горностаева безчестил и меня холопа твоего и с людишьками убил, замертва покинул, и животы мои лошади и животину и всякую рухлядь поимал».

Разгорается целое дело. Ищущие стороны делаются настойчивее после смерти матери и сестры И. Г. Антонова и ухода в монастырь другой его сестры. Мотивируя свои челобития тем, что Антонов не состоит на действительной службе и отставлен от нее за старостью, а не за увечье, заинтересованные лица в конце концов добиваются своего [1].

Из расписки 1667 г. нижегородских воеводы и подьячего о приеме в казну стрелецкого хлеба с земель кн. Болховских, узнаем о двух Болховских — Семене Никитиче и Иване Михайловиче [2].

Относительно деятельности Семена Никитича в начале XVII в. ничего определенного установить не удалось, но самое наименование его жильцом свидетельствует о принадлежности его к уездному дворянству, по очереди приходившему к Москве для стражи [3].

Таким образом, можно думать, что поместье получено им тогда же. Что касается Ивана Михайловича Болховского, то сведения о нем определеннее: поместье и вотчина получены им «против его рязанския вотчины» за осадное сиденье в Москве. В 1629 г. его встречаем среди вотчинников Березопольского стана [4].

О родственнике Ивана Михайловича, кн. Василии Михайловиче Болховском, участнике борьбы с польским королевичем после избрания Михаила, посланном Дм. Мамстр. Черкасским под Можайск с ратными людьми, летописец говорит: «повеле ему в Лужинском монастыре поста-

---

[1] Биографические сведения об И. Г. Антонове взяты из дела, хранящегося в Гор. обл. кр. музее в отделе фондов.

[2] В делах Гор. арх. упр. имеется также аналогичная расписка 1669 г.

[3] Ив. Забелин, стр. 271.

В. И. Даль—„Толковый словарь“, 1903 г., т. I, стр. 1348.

[4] А. Я. Садовский—„К мат. по иссл. Ниж. уезда“, прил. 1. стр. 11.

вить острог, а сам со всею ратью поспеши за ним»[1]. Любомиров, касаясь в своей книге экономического положения нижегородского дворянства, приходит к выводу:

«На весь уезд (Нижегородский) одна очень захудалая княжеская семья Болховских, переведенная на службу в Нижний, очевидно, из Владимира во второй половине XVI в.»[2].

Ниже приводится одна склея из грамоты об отказе кн. Никите Репнину вотчины Михаила Петровича Головина в Нижегородском уезде, Закудемском стану, с. Помры.

Как можно видеть из текста грамоты, вотчина эта была пожалована в 1612 г. Семену Васильевичу Головину за активность, проявленную при защите родины. По писцовым нижегородским книгам эта вотчина значится за ним и в 1622 году. Позднее в 1655 г. передана его родственникам, братьям Михаилу и Алексею Петровичам Головиным. Грамота плохой сохранности, года установить нельзя. Мы ее датируем согласно наказной памяти 1696 г., где речь идет о том же отказе вотчины Головина Никите Ивановичу Репнину.

Относительно деятельности С. В. Головина в начале XVII столетия некоторые указания дает Любомиров в биографической справке. Для нас С. В. Головин интересен своим участием в «совете всей земли» в Ярославле, где он был в течение 8 месяцев воеводой, и присутствием на земском соборе 1613 г.

Его рукоприкладства имеются на грамотах, рассылаемых Ярославским правительством по городам и отдельным лицам, а также на Утвержденной грамоте[3].

Он в 1613 г. вновь избранным правительством Михаила посылается под Астрахань на поимку Заруцкого вместе с боярином И. Н. Одоевским и дьяком Вас. Юдиным.

«Они же шедше зимоваша в Казани, а Заруцкий в то время был во Астарахани и во Астарахани сотвори всем жителем многую тесноту, и воеводу князя Ивана Дмитриевича Хворостинина убил, а сотворися во Астарахани в людех велия разнь[4].

Очевидно, брат Сем. Вас. Головина Петр Васильевич Головин был в 1613 г. терским воеводой, способствовал бегству Заруцкого и Марины Мнишек на Яик «с тою своею

---

[1] Нов. Лет., стр. 179.

[2] П. Г. Любомиров, стр. 29.

[3] П. Г. Любомиров, стр. 201. „Действ. Ниж. арх, ком.", сб., т. XI, стр. 167, 250. С. Ф. Платонов, стр. 415. С. Соловьев — „История России". М. 1883 т. VIII, стр. 402.

[4] „Нов. лет.", стр. 166.

послугою послал к Москве от себя сеунщика... Василья Хохлова»[1].

Нельзя ли поставить в связь последнее обстоятельство с опалой, понесенной С. В. Головиным вскоре, видимо, за какое-то преступление по должности — не было ли это умолчание о поступке брата или может быть намеренная медлительность действий, после чего он в течение трех лет не упоминается в источниках[2].

Если верно наше предположение о родстве выше названных Головиных, то Михаил и Алексей Петровичи Головины, сыновья Петра Васильевича, племянники, следовательно, Семена Васильевича. А остальные Головины, упоминаемые в наших грамотах, их прямые потомки конца XVII века. С. В. Головин был награжден землею еще «при боярех», т. е. при правительстве Трубецкого и Пожарского[3]. Более точные сведения о земельных владениях его дают Нижегородские платежные книги 1619 — 1648 г.г. Так в 1629 г. Семен Васильевич боярин, за ним значится в Закудемском стану из русских свободных земель с. Шихманово с дер. Чернушкиной и из мордовских земель с. Пумра, отданная ему в вотчину «за немецкий поход и за Московское осадное сидение в королевичев приход под Москву»[4].

Следом за С. В. Головиным вотчинником в Закудемском стану назван боярин Петр Петрович Головин, за московское же осадное сиденье получивший с. Кошкино с дер. Чернухой[5]. Несомненно также его близкий родственник.

Вот те сведения, которые, казалось нам, необходимо предпослать к действующим лицам грамот.

Крупные события, разыгравшиеся в нашей стране в начале XVII столетия, оставили на страницах истории глубокий и неизгладимый след. Призывный клич нижегород-

---

[1] „Нов. лет". стр. 167.

[2] П. Г. Любомиров, стр. 257. Там же пр. 2, стр. 252—253.

[3] П. Г. Любомиров, стр. 201.

[4] А. Я. Садовский—„К мат. по иссл. Ниж. уезда", стр. 7, 8.

[5] А Я. Садовский—„К мат. по иссл. Ниж. уезда"., стр. 8. П. П. Головин с 1619 до апреля 1622 г. наместник и воевода в Нижнем-Новгороде. См. „Действ. Ниж. арх. ком." т. XVI, в. 11, стр. 527. В любопытной связи мы встречаем имя П. П. Головина с братом Кузьмы Минина Безсоном Мининым. В списке с нижегородских приходных окладных книг 1620 г. при перечислении различных расходов сказано:" Зарядчику нижегородцу посацкому человеку Безсону Минину, что он порядился в Нижнем-Новегороде у Боярина и у Воеводы у Петра Петровича Головина да у дияка Вас. Юдина поставити ему в Нижнем-Новегороде в 129 году весною по полой воде на срок на Троицын день под таможнею на песку государева городового лесу на городовую кровлю... и в том по нем взята в государеву казну поручная запись".

„Действ. Ниж. арх. ком.", сб., т. XI, стр. 336, 337.

цев в грозный момент опасности родины явился решающим и победным.

Документы вводят читателя в эпоху, следовавшую за отечественной войной против польских интервентов, когда еще оставались живые свидетели и близкие люди участников героической борьбы русского народа за свою национальную и политическую независимость.

Документы воспроизводятся новым правописанием и снабжены примечаниями. Титла раскрыты.

I

7143—1635 г. Крепость на лавку и кабальная запись посадских людей Кузьмы, Афанасия и Григория Степановичей Чапуриных, данные на имя вдовы Кузьмы Минина Татьяны Семеновны[1].

Список с записи слово в слово.

Се яз Козма, да яз Офонасей, да яз Григорей Степановы дети Чапурина нижегородца земские посадцкие люди заняли есми в Нижнем Новегороде у вдовы у Татьяны Семеновы дочери у Козминские жены Минина шестьдесят четыре рубля денег московских ходячих марта от девятого числа да до светлово воскресения нынешняго же сто четыредесят третьяго году до сроку без росту. А в тех деньгах до того сроку я Козма да Офонасей да Григорей у нее Татьяны заложили лавку свою о дву замках на дв... разбора в Нижнем Новегороде в большом в шапочном ряду, а в межах тое нашие лавки сторону Федорова лавка Кирилова, а по другую сторону Степанова лавка Макарова, а против Овдокимова лавка Чапурина, а позади Ондреевская лавка Божедомова, холщевника. А не выкупим мы, я Кузма, да Офонасей, да Григорей у нее Татьяны тое своей лавки на тот срок, кои в сей кабале писали, ей Татьяне на ту нашу лавку ся кабала и в купчие место и после сроку нам, мне Кузме, да Офонасью, да Григорью у нее Татьяны в ту свою лавку не вступатися от кабалы и от записей ото всяких крепостей от роду и от племяни своего и от сторонних людей очищати. А не учну я Козма, да Офонасей, да Григорей ей Татьяне тое своей лавки очищати от всяких крепостей от роду своего и от племяни и от сторонних людей или сами учнем впредь в ту свою лавку всту(па)тися, и ей Татьяне взяти на

[1] Гор. обл. арх. упр. Архивохранилище № 4, кор. 7.

нас, на мне Козме, д(а на О)фонасье, да на Григорье по сей кабале деньги свои вдвое и убытки, что ей Татьяне от кого убытка ин учинится в той нашей лавке нашим неочищением. А на то послуси Илья Фомин сын Резанова, да Потеха Тимофеев сын Попов, да Филипей Стахеев сын Сиднев. А кабалу писал Митька Чижов лета 7143-го году.

Об. л. 1. К сему списку Спаской протопоп Володимир руку приложил.

К сему списку Спаской протодьякон Лука руку приложил.

К сему списку Спаской поп Иван руку приложил.

К сему списку Спаской поп Стахей руку приложил.

К сему списку Спаской д(ь)якон Марко руку приложил.

По приказу дочери своей духовныя иноки Таисеи схимн..., что была в мире Козминские жены Минина, слышал есм(и) я отец ея духовной: как была в мире дати в соборно(й) всемилостивому спасу, по родителех своих в дом в веки протопопом и протодияконом и попом и дияконом на пропитание при протопопе отце ея духовном при Володимере, да при протодьяконе при Луке, да при свещенниках Иване и Стахее и при Александре. И хто по них протопопы и протодьяконы будут и им де та моя лавка ни продати ни заложити, быти ей лавке у соборные церкви благолепнаго преображения во веки. И яз черной поп Мисаил, выслушав ея речи и приказ, по ея велению к сей купчей руку приложил.

Внизу листа: крепость на лавку.

Подлинник на одном листе хорошей сравнительно сохранности. В одном месте порвано.

II.

7162—1654 г. Август 27. Явочная челобитная вотчины стольника князя Ивана Димитриевича Пожарского крестьянина Холуйской слободки Ивашка Костерина о разбое[1].

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом и являет сирота твой государев стольника князя Ивана Дмитреевича Пожарского Суздальского уезду вотчины Холуйской слоботки крестьянинец Ивашко Карпов сын Костерин на неведомых разбойников.

В нынешнем, государь, во 162-м году августа в 27 день в ночи против понедельника приежжали те неведомые разбойники в вотчину государя моего в Холуйскую слоботку и меня Ивашка Карпова розбили и многих крестьян госу-

[1] Гор. обл. арх. упр. №2600.

даря моего испересекли и поранили, а у меня Ивашка разбоем взяли пятьсот рублев денег да платья муцков(а) и женскова и ожерелей жемчюжных и всякой домашной рухляди на четыреста рублев.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего, вели государь челобитье мое и явку записать.

Государь смилуйся!

На одном листе.

III.

1128—1620 г. Апрель 5. Царская жалованная грамота Афанасью Жедринскому на поместье в Нижегородском уезде, данное за осадное сиденье в Нижнем-Новгороде во время осады этого города русскими изменниками[1].

Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Русии самодержец по своему царскому милосердаму смотрению пожаловали есмя Офонасья Дмитриевича Жедринскаго за его многие службы, что он памятуя бога и пречистую богородицу и московских чудотворцов при царе Василье, в приход воровских людей в Нижнем Новегороде в осаде сидел, и за веру кристьянскую и за святыя божия церкви и за нас и за всех православных крестьян, которые до конца хотели разорить государство московское и веру крестьянскую пократь, стоял крепко и мужественно, и многое добродство и храбрость службы показал, и голод и наготу и во всем оскуденье и нужду всякую осадную терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякое шатости, и за тое службу и за нижегородское осадное сиденье яз царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Руси пожаловал ево Офонасья с поместново ево окладу, что ему был при царе Василье, с пяти сот с пятидесяти четей, со ста четей по двадцати четей и тово сто десять четей из ево ж поместья 11 в Нижегородском уезде, в Березопольском стану в селе Муханове, да в Березопольском же стану деревнею Грабиловым в вотчину со всеми угодьи, как к той вотчине изстари потягло. А по даче 122 года в том селе Муханове написано пашни и перелогу сто шестьдесят шесть четей, а в деревне Грабилове, по даче 123 году, шестьдесят четей, обоево двести двадцать шесть четей в поле, а в дву потомуж, и перешло у него лишков в селе Муханове сто шеснадцать четей, и тем лиш-

[1] „Гор. об. арх. упр.“ Архивохранилище № 4, кор. 7.

ком указали есмя ему владеть в поместье по прежнему..... . . . . наших писцов и мерщиков, а как в Нижнем будут писцы наши и большие мерщики, и они ту ево вотчину . . . . . евож поместные земли отмежуют от прочей. А на ту вотчину ся наша царская жалованная грамота за нашею красною печатью ему Офонасью и ево детем и внучатам и правнучатам в род их неподвижно, а в той вотчине он Афонасей и ево дети и внучата и правнучата по нашему царскому жалованью вольны.

Писана нашего государства в царствующем граде Москве лета 7128 апреля в 5 день, а подписал государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии дьяк Герасим Мартемьянов.

Воспроизводится со списка прошлого столетия. Подлинник не обнаружен.

Список включен в описную тетрадь № 68, об. л. 11 и л. 12 и снабжен следующим примечанием:

«Подлинник писан на полулисте. Сначала Б. писаны сусальным золотом. К грамоте привешена красновосковая печать; на одной стороне изображение ездока на коне, поражающего дракона с надписью кругом: божиею милостию великий государь царь и великий князь Михаил Федоровичь; на другой стороне изображение двуглавого орла с двумя коронами на голове, кругом надпись: всеа Русии самодержец и многих господарств государь и обладатель; на обороте грамоты надпись: царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Русии самодержец».

IV.

7125—1617 г. Май 9. Челобитная ц. Михаилу Федоровичу Ивана Антонова о насилии, учиненном над ним и его семьей Иваном Сулешовым сыном Болотниковым[1].

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом и являет холоп твой Ивашко Онтонов на Ивана Сулешова сына Болотникова. В нынешнем государь во 125-м году маия в 9 день приехал государь тот Иван Болотников в мое поместьешко в деревню на Рамешьки да в деревню Бабье да в деревню племянницы моей в Матренино поместье Дмитреевы дочери Горностаева в деревню на Лошковку, да в деревню на Волокобино со многими людьми. А сказал мне холопу твоему, что тем моим поместьем и племянницы моей ты государь пожаловал ево Ивана. А грамоты государь мне твоей государевы на те поместья не показал, завладел сильно, и крестьяни-

[1] „Гор. обл. кр. музей. Отдел фондов".

шек государь переграбил, лошади и платья и животину и все их животы поимал. Да того же государь дни приезжал грабить меня холопа твоего в мое вотчинное деревнишко на Ильино и мать мою и сестру и жену и племянницу Дмитрееву дочь Горностаева безчестил и меня холопа твоего и с людишьками убил, замертва покинул, и животы мои лошади и животину и всякую рухлядь поимал.

Милостивый царь государь пожалуй меня холопа своего, вели мое челобитье и явку записать. Царь государь смилуйся!

Чернопись XVII в. на одном листе, сравнительно хорошей сохранности.

V.

После 1624 года. Одна склея из дела о неправильном отказе половины поместья Ивана Григорьевича Антонова Ивану Сулешеву сыну Болотникову[1].

Л 3 . . . . . Сказал Иван Онтонов — верстан я при ростриге, а оклад мне 250 чети. И первая мне служба при царе Василье под Кромами и под Болховым, и на всех службах при царе Василье служил и многижда яствен ж дрался и языки имывал. И за тое мою службу придано мне при царе Василье 195 чети, а денег три рубли придано. И после царя Василья под Москвою служил з бояринам со князем Дмитреем Тимофеевичем Трубецким, а в сотне был у головы у Елизарья у Басланова. И как приходил под Москву Ходькеевич и я под Москвою на том бою ранен по руке.

И как пришол под Москву боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарской, и я у боярина у князь Дмитрея Михайловича Пожарсково в полку з городом был. А голова у нас был Василей Копнин со князь Васильем Григорьевичем Рамодановским да со князь Юрья (Дмитреевичем) Хворостининым да со князь Васильем Романовичем з Борятинъским.

Как ходил боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой в Новгород под Великой, я з боярином под Новыгородом был.

И как ходил боярин князь Борис Михайлович Лыков за казаками к Вологде, и я у боярина в полку был. А голова у нас был князь Петр Вяземской. И как ходил князь воевода Василей Иванович Туренин за Лисовским, и на бою я со князь на... челне был.

И при государе царе и великом князе Михаиле Федоро-

---

[1] „Гор. обл. кр. музей. Отдел фондов".

виче всеа Руси и (на) государевых службах на всех был и в Переславле в Резанском с Ываном с Петровичем Шереметевым. А в передовом полку на береговых . . . . .

Чернопись XVII в., плохая сохранность. Документ порван, ветх, чернила местами выцвели от времени.

VI.

7176—1667 г. Декабрь 20. Расписка Нижегородского воеводы Дан. Ник. Воробина и подьячего Ив. Рагозина в приеме стрелецкого хлеба из поместья жильца кн. Сем-Ник. Болховского и из поместья и вотчины кн. Ив. Мих. Болховского[1].

Лета 7176-го декабря в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца указу Данило Никитич Воробин да подьячей Иван Рагозинин взяли в ево государевы житницы стрелецкого хлеба на нынешней на 176-й год Нижегородцкого уезда с поместья жилца князь Семена княж Никитина сына Болховского с селца Деткова з двучетвертей с осминою и с четвериком, князь Ивана княж Михайлова сына Болховского с вотчины с полуселца Стечкина с Лукина и что сверх вотчинные дачи с поместья с того же полуселца с ево половины с осмины с четвериком и с малого третника пашни шесть четвертей без полуосмины и мал четверик, ржи овса тож. Платил хлеб князь Никитин человек Болховского Сидорка Филипов».

К сей отписи Данило Никитич Воробин печать свою приложил.

Следует малая черная печать из воска.

Внизу отписи: В Нижнем против сей отписи платеж в книгу записан.

На оборюте листа: Приписал Иван Рагозинин. Справил Кирилко Ларионов.

VII.

7205—1696. Одна склея из грамоты об отказе кн. Никите Репнину вотчины боярина Мих. Петр. Головина в Нижегородском уезде Закудемском стану села Помры, пожалованной за московское осадное сиденье в королевичев приход под Москву[1].

... выдал дочь свою, а их стольников наших Автамона да Ивана Головиных сестру Ирину, за стольника (наш)его

---

[1] „Гор. обл. арх. упр.“ № 73.
[1] „Гор. обл. арх. упр.“ № 260.

за князь Никиту Репнина... ие уезде дал в приданые вотчины (в Нижегоро)дцком уезде жеребей... нями да в Ярославском уезде жеребей села Шуморова, а чет(вер)тная пашня по писцовым книгам и по дачам. Да к тому допросу они Автомон да Иван Головины руки приложили. А в писцовых Нижегородцких книгах писца Дмитрея Лодыгина с товарыщи 120-го и 130-го году в Закудемском стану в вотчинах написано за боярином за Семеном Васильевичем Головиным вотчина, что ему дано за Московское осадное сиденье в королевичев приход под Москву из ево помесья, что ему дано из Нижегороцких мордовских земель село Помра на речке на Помре стоит на двух усадах, пашни триста восемдесят две чети. И во 164-м году тое вотчины сто девяносто одна чети дана бояром Михаилу Петровичю да Алексею Петровичю Головиным. И мы великий государь указали те вотчины за ним князь Никитою Репниным справить и дать отказная грамота. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б в Нижегороцкой уезд в Закудемской стан в вотчину боярина Михаила Петровича Головина в жеребей...

Начала и конца нет. Плохая сохранность.

VIII.

7205—1696 г. Декабрь 20. Наказная память подьячему Вавилу Шестакову об отказе вотчины боярина Мих. Петр. Головина с. Помры с деревнями в Нижегородском уезде Закудемском стану стольнику кн. Никите Ивановичу Репнину[1].

Лета 7205-го декабря в 20 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу ближних стольников и воевод Павла Федоровича да Федора Павловича Леонтьевых да дьяка Прохора Чередеева память приказные полаты подьячему Вавилу Шестакову. Ехати ему в Нижегородцкой уезд в Закудемской стан в вотчину боярина Михаила Петровича Головина в жеребей села Помры з деревнями для того: в нынешнем в 205-м году декабря в 9 день в грамоте великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца ис Помесного приказу за приписью дьяка Алексея Волкова писано: в Нижней Новъгород ко ближним стольникам и воеводам к Павлу Федоровичю да к Федору Павловичу Леонтьевым да к дьяку Прохору Чередееву — по челобитью стольника князь Ники-

[1] „Гор. обл. арх. упр." № 395.

ты княж Иванова сына Репнина велено в Нижегородцкой уезд в Закудемской стан в вотчину боярина Михаила Петровича Головина в жеребей села Помры з деревнями послать кого пригож, да в той вотчине велено переписать дворы и в них людей по именом и места дворовые и пашню и сено и лес и всякие угодья. А, переписав, да тое вотчину жеребей села Помры з деревнями, а в них пашни девяносто пять чети с осминою в поле, а в дву потому ж велено отказать стольнику князь Никите княж Иванову сыну Репнину в вотчину со всеми угодьи.

Да что ему в том селе и в деревнях отказано будет дворов и в них людей по имяном и мест дворовых и пашни и сена и лесу и всяких угодей, и то все велено написать в книги подлинно, да те книги тех людей, которые на отказе будут и за откащиковою руками, велено прислать к великому государю к Москве в Помесной приказ. И подьячему Вавилу Шестакову, приехав в Нижегородцкой уезд в Закудемской стан в вотчину боярина Михаила Петровича Головина в жеребей села Помры з деревнями, взяв с собою тутошних и сторонних людей старост и целовальников и крестьян сколько человек пригож, да в той вотчине переписати дворы и в них людей по имяном и места дворовые и пашню и сено и лес и всякие угодья.

А, переписав, да тое вотчину жеребей села Помры з деревнями, а в них пашни девяносто пять чети с осминою в поле, а в дву потому ж, отказать стольнику князь Никите княж Иванову сыну Репнину в вотчину ж со всеми угодьи. Да что ему в том селе и в деревнях откажешь дворов, и в них людей по имяном и мест дворовых и пашни и сена и лесу и всяких угодей, и то все написать в книги подлинно, да те книги тех людей, которые на отказе будут и за своею откащиковою руками, привести в Нижней Новгород и подать в Приказной Полате ближним стольникам и воеводам Павлу Федоровичю да Федору Павловичю Леонтьевым да дьяку Прохору Чередееву.

К сей наказной памяти ближние стольники и воеводы Павел Федоровичь да Федор Павловичь Леонтьевы печать свою приложили.

На обороте: 7205-го году князь Никиты Репнина.
Подлинник хорошей сохранности.
Печать отсутствует.

Нижегородское народное ополчение 1611—1612 гг.

Библиографический указатель[1]

Нижегородское Поволжье в начале XVII века. Экономика и состав населения

Акты и документы

Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. С предисловием А. Титова.— М. 1898. XXV + 366 с.

Веселовский, С. Б. Арзамасские поместные акты. 1578—1618 гг.— М. 1915. 786 с.

Веселовский, С. Б. Нижегородские платежницы. 7116—7120 гг. (1608—1612).— „Чтения в обществе истории и древностей российских", 1910, кн. III и отд. изд. М. 1910.

Грамоты коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам, ч. 1. 1498—1613.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XIV, 1913. (Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов).

Книги Нижегородского уезда боярских, дворянских и детей боярских и инородцев дозору V Силы Никитича Грекова да подъячего Клементия Козедавлева. 1618 год.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", тт. V, VI, VII. 1908.

Нижегородской чети приходная всяким денежным доходам. 1615 год.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, с. 288—293.

Нижнего-Новгорода сметный список приходу и расходу, окладным и неокладным и всяким денежным и хлебным и меду доходам и сборам. 1624 г.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XII, в. 2, 1912, с. 1—38.

Нижнего-Новгорода книга платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доходам. 1629 г.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XIII, в. 3, 1912 г.

Нижнего-Новгорода приходная книга окладным и неокладным доходам. Список с нижегородских платежниц. 7154 (1646 г.).— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XV, в. 3, 1913, с. 1—160.

Нижнего-Новгорода список с платежных книг пошлинным, оброчным доходам. 7153 (1645) — „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XV, в. 1, 1913.

Писцовая книга Арзамасскому уезду. 1621—1625 гг.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XV, в. VIII, 1915.

Писцовая книга города Балахны. 1674—1676 гг.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XV, в. I.

Писцовая книга городу Мурому.— „Владимир. губ. ведомости", 1853, №№ 39—48, 50—52.

Ротштейн, О. и Шилов, Н. И. Павлово в XVII веке. Выпись

---

[1] Составила Н. Ф. Ржига.

с отказных книг на село Павлово с деревнями. 151. (1643 г.). С предисл. и под редакцией Ю. В. Готье.— Гомель. 1930. 66 с.

Писцовые и платежные книги Нижегородского уезда. XVII в.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. IV. 1900.

Свозные книги Троице-Сергиева монастыря беглых крестьян Нижегородского, Балахнинского и других уездов XVII в.— В кн. „Памятники социально-эконом. истории Московского государства XIV—XVII вв. т. I, М., изд. Центрархива, 1929.

Исследования.

Гераклитов, А. Алатырская мордва 1624—1721 гг.— Саранск. Мордгиз. 1936. 87 с.

Гераклитов, А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв.— „Ученые записки Саратовского ун-та, т. VIII в. 2, 1930.

Готье, Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е просм. изд.— М. соц.-эконом. изд-во. 1937. 411 с.

Перетяткович. Очерки по истории Поволжья в. XV—XVI вв.— М. 1877. 331 с.

Перетяткович. Очерки по истории Поволжья в XVII в. и начале XVIII века.— Одесса, 1882, 399 с.

Смирнов, П. Города Московского государства в первой половине XVII в. т. I. в. 1.2— Киев. 1917—1919.

Ротштейн, О. и Шилов, Н. И. Павлово в XVII веке.— Выпись с отказных книг на село Павлово с деревнями 151 (1643). С предисл. и под ред. Ю. В. Готье—Гомель. 1930. 66 с.

Садовский, А. Я. К материалам по исследованию Нижегородского уезда во время Смуты и после нее.— „Труды Ярославского областного съезда", М. 1902, с. 27—66 и отд. оттиск.

Шеломаев, В. П. Богородский район.—(Прошлое и настоящее.)— Горький, Обл. изд-во. 1941. 155 с.

Щегольков. Н. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. — Арзамас. 1911. 281 с.

Эммаусский, А. В. Из истории борьбы за землю и крестьян, в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. Киров. 1934 г. (Труды Кировского науч.-исслед. ин-та краеведения т. VII, в. 3).

Нижний-Новгород в начале XVII века.

Бакланова, Н. А. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII века — „Ученые записки Ин-та истории при Ранионе", 1929, т. V, с. 297—314.

Богородицкий, Д. Очерк торговли Нижнего в конце XVI и начале XVII века.— „Университ. известия", Киев, 1912, № 7, с. 1—23.

Дахнович, А. Нижний-Новгород в первой половине XVII века по Писцовой книге (Население и подати с населения).— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XII, в 2, 1912, с. 1—38.

Дело о дозоре Нижегородского посада после пожара 1618 года.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, с. 295—321.

Любомиров. П. Г. Очерк истории Нижегородского народного ополчения 1611—1612 гг.— М. 1938. Глава I. Нижний-Новгород и Нижегородский уезд в начале XVII века.

Мельников, П. И. Состояние России и в особенности Н.-Новгорода в 1606 году.— газ. „Нижегор. губ. ведомости", 1846, №№ 4, 5, 7, 9.

Мельников, П. И. Нижний-Новгород в первые годы царствования царя Михаила Федоровича.—„Нижегор. губ. ведомости", 1845, № 5, 6.

Олеарий, Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633 и 1639 годах.— СПБ. 1906. 582 с.

Писцовая книга Нижнего-Новгорода. 1620—1622.— В кн. „Русская историческая библиотека"; изд. Археогр. комиссии, т. XVII. 1898.

Смирнов, П. Города Московского государства в первой половине XVII века.— Киев.

Сташевский, Е. Д. Заметка о торговле Нижнего-Новгорода в первой половине XVII века.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XII, в. I.

Храмцовский, Н. И. Краткий очерк истории Нижнего-Новгорода ч. 1 и 2—Н. Новгород. 1857.

Храмцовский, Н. И. Некоторые сведения о состоянии Нижнего-Новгорода в первой четверти XVII столетия.— „Нижегор. губ. ведомости" 1855, № 50, 51; 1857, № 1, 2, 11—14.

Нижегородское народное ополчение 1611—1612 гг.

Гациский, А. С. Речь о значении для истории Нижнего-Новгорода 2 октября, как дня занятия ополчением Пожарского Китай-города „Действия Нижегор. архив. комиссии", т. I, с. 3.

Генкин, Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века.— Ярославль, обл. изд-во 1939. 173 с.

Готье, Ю. В. Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия.— М. Гос. изд-во. 1921, 151 с.

Забелин, И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время.—М. 1901.

Костомаров, И. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 3 тт.— СПБ. 1868.

Козаченко, А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII века.— М. —Л., Гиз полит. лит-ры. 1939. 176 с.

Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. 1611—1612 гг.—М. 1917. 302 с. Переиздана в 1939 г. Рецензия: Готье— „Книга и пролетарская революция", 1939, № 4; Платонов, С. Русский историч. журнал. 1918, Сухотин, Л. М.— М. 1915.

Любомиров. П. Г. Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.— В кн.: Любомиров. Очерк истории Нижегородского ополчения. 1939 , с. 314—340.

Любомиров, П. Г. Одна из грамот кн. Пожарского. — Журнал министерства народ. просвещения". 1912. № 12, с. 225—256.

Мельников, П. И. Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время.— ж. „Отечеств. записки", 1843, т. XXIX, с. 1—32.

Парусов, А. И. Нижегородское ополчение 1611—1613 гг.—ж. „Горьк. область", 1941. № 1, с. 40—43.

Пичета, В. И. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века— В кн. „Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского", ч. 2. М.—Л., 1940, с. 140—176.

Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии т. XI. 1912. 570 с.

В сборнике собраны почти все основные документальные памятники, относящиеся к Нижегородскому ополчению, и извлечения из памятников литературных XVII века русских и иностранных.

Подорожный, Н. Разгром польских интервентов в Московском государстве в начале XVII века.— М., Воен. изд-во. 1938. 46 с.

Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков. Опыт изучения общественного строя и сословных

отношений в Смутное время.— М. 1899. Переиздано в 1937 г. Рецензия Иванов, Л.— „Историк-марксист“, 1938, № 4, с. 153.

Савич, А. А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века.— М., Соцэкгиз. 1939. 56 с.

Савич, А. А. Польская интервенция начала XVII века в оценке М. Н. Покровского.— В кн. „Против исторической концепции Покровского“, ч. I. М. Л. 1939. В сокращ. виде статья напечатана в ж. „Историк-марксист“, 1938, кн. 65. с. 74—110.

Савич, А. А. и Ровинский, О. М. Разгром польской интервенции в XVII веке.— М. Изд-во „Молодая гвардия“. 1939. 50 с.

Садиков, П. А. Земская печать и Нижегородское ополчение 1611 1612 гг.— В кн.: „Летопись занятий археогр. комиссии за 1927—1928 гг., в. 35. 1929.

Садовский, А. Я. Новый документ о протопопе Савве Еуфимьеве „Сборник Нижегор. архив. комиссии“, т. XV, в. 9., 1916.

Сведения о протопопе Спасо-Преображенского собора Савве.— „Сборник Нижегор. архив. комиссии“, т. XI, 1912, с. 538.

Сухотин, Л. М. Народные движения 1611 и 1612 гг.— „Чтения Московского о-ва истории и древностей российских“, 1913. кн. 4.

Сахаров, М. П. Родословная и местничество Пожарских.— ж. „Русский архив“, 1873, ч. I.

Храмцовский, Н. И. Краткий очерк истории Нижнего-Новгорода, ч. 1.— Н.-Новгород. 1857.

Щапов, А. П. Великорусские области в Смутное время.— В кн.: Щапов. Сочинения, т. 1, СПБ, 1906.

Вожди Нижегородского ополчения Минин и Пожарский

Бибиков, Г. Минин и Пожарский.—М. ГИЗ полит. лит-ры.1942. 66 с.

Дайри, Н. Минин и Пожарский — „Исторический журнал“. 1940 № 8 с. 44—58.

Забелин, И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время —М. 1883.

Костомаров Н. И. Козьма Захарович Минин-Сухорук и князь Дмитрий Михайлович Пожарский — В кн.: Костомаров „Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей“, отд. 1, В. 3. СПБ. 1874; изд. 6-ое, СПБ, 1912.

Костомаров, Н. И. Личности Смутного времени.—В кн.: Собрание сочинений, кн. 5, СПБ. 1905 с. 460—494. Первая публикация в ж. „Вестник Европы“: 1871, № 6.

Львов, Павел. Пожарский и Минин— спасители отечества.—СПБ. 1810. 225 с.

Любомиров, П. Г. Биографические справки (о деятелях Нижегородского ополчения).— В кн. Любомиров „Очерки истории Нижегородского ополчения“, М., 1939, с. 271—298, также в изд. 1917 г.

Мельников, П. И. Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Гермогене,—ж. „Москвитянин“, 1850, № 21, с. 1—12.

Нечкина, М. Мужественный образ наших великих предков. (Александр Невский, Дмитрий Донской, Козьма Минин и др.)—М. Воениздат. 1942. 24 с. (В помощь политруку).

Панкратова, А. Козьма Минин и Димитрий Пожарский. — „Пропагандист“. 1942. № 3. с. 34—38.

Погодин, М. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями—М., 1874. 394 с. (Характеристика вождей Минина и Пожарского. Возражения Костомарову)

Савич, А. А. и Ровинский, О. М. Разгром польской интервенции в XVII веке—М. 1938, Раздел „Минин и Пожарский“ (с. 40—50).

Свободов, А. Н. Образы Минина и Пожарского у Н. А. Островского. Две редакции „Козьма Захарьич Минин Сухорук".—„Труды Горьк. Гос. Педагог. ин-та", в. 8, 1940, с. 75—103.

Свободов, А. Н. Декабристы, Пушкин и Белинский о Минине и Пожарском.—„Горьк. область", 1941, № 5 с. 49—52.

Серебренников, С. Князь Д. М. Пожарский и нижегородский гражданин Козьма Минин Сухорукий в Ярославле в 1612 году. — В кн.: „Ярославский литературный сборник", 1851, с. 39—71.

Тихомиров, Е. Минин и Пожарский или освобождение Москвы от поляков в 1612 г.—М., 1855.

Хрущов, И. Минин и князь Пожарский.—СПБ. 1884.

Чичагов, Н. Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина.—СПБ. 1848. 162 с.

Кузьма Минин

Альбицкий. К вопросу о речи Минина к нижегородцам в Смутное время.—„Нижегор. губ. ведомости", 1889, №№ 26,27.

Бочкарев, В. Н. Козьма Минин—вождь земщины в смуту.—Газ. „Волгарь", 1916, № 127. II/V, с. 2.

Гациский, А. С. О жалованной грамоте Минину 20 января 1615 г. (здесь напечатана и грамота). — „Действия Нижегор. архив. комиссии", т. 1, с. 386—387, 393—394.

Дело о потомках Козьмы Минина. Под редакцией А. Я. Садовского. Сборник Нижегор. архив. комиссии". т. XIII, в 4. 1913, с.—66.

Добротвор, Н. М. Минин — организатор народного ополчения 1611—1612 гг.—„Горьк. область", 1941, № 5, с 44—49.

Данилевский, В. Кузьма Минин.—М. ГИЗ полит. лит-ры. 1942. 19 с.

Е-ий, Ф. Козьма Минин и Нижегородское ополчение 1611 года—„Нижегор. церковно-общест. вестник" 1911, № 32, с. 827—830; № 33, с. 853—857; № 54, с. 875—880.

Жалованная грамота Козьме Минину.—„Действия Нижегор. архив. комиссии", т. 1, с. 523—524.

Жалованная грамота думному дворянину Козьме Минину на отдачу в вотчинное владение поместья его села Богородского с деревнями. Января 20. 1615 г.—„Нижегор. губ. ведомости", 1847, № 1; 1855, № 25; 1891, № 18; 1892, № 40.

Каптерев, Л. М. Козьма Минин.—„Горьк. область"; 1938, № 2, с. 96—100.

Корсаков, Д. А. Материалы о Мининых —„Действия Нижегор. архив. комиссии", т. 1, с. 525—526; „Нижегор. губ. ведомости", 1892. № 41.

Макаров, К. Еще нечто о Минине.—„Русский вестник", 1841. № 3.

Мельников, П. И. Несколько новых сведений о Смутном времени: О Козьме Минине, кн. Пожарском и патриархе Гермогене.—„Москвитянин". 1850. № 21.

Минин.—„Б. Сов. энциклопедия", т. 39, 1938. (автор Палей, С.), „Словарь Гранат", т. 29.

Мельников, П. И. Где жил и умер Козьма Минин. О родственниках Козьмы Минина—„Отечеств. записки", 1842, т. XXIII, № 8.

Мельников, П. И. Выписка П. И. Мельникова из архивных материалов и заметки относительно Козьмы Минина и Похвалы (заметки из архива А. С. Гациского, писанные рукою П. И. Мельникова).—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. IX. ч. 1, 1910, с. 252—254.

Мельников, П. И. Исторические материалы. Как звали Минина. Купчая 1602 г. Собщение П. И. Мельникова.—ж. „Москвитянин", 1852, № 2, с. 33.

О царской жалованной грамоте Минину.—„Нижегор. губ. ведомости". 1891, № 13.

Один из потомков Минина.—„Нижегор. губ. ведомости", 1894, № 19, 20, 23.

Парийский, С. М. К 300-летию кончины Минина. 1616—1916.—„Волгарь", 1916, № 115 29/IV; № 120 4/V.

Парийский, С. М. Нижегородец Козьма Минин-Сухорук и нижегородцы в 1611 г.—Н-.Новгород, изд. Архив. ком. 1912. 32 с.

Парийский, С. М. Справка о времени кончины Минина.—„Волгарь", 1916, № 124. 8/V, с. 2.

Полевой, Н. Материалы для истории о Козьме Минине.—ж. „Сын Отечества", 1838, № 1.

Погодин, М. П. Еще за Минина.—ж. „Гражданин", 1873, № 44.

Полевой, Н. Козьма Минин, Сухорукий, избранный от всея земли русской человек.—М. 1833.

Садовский, А. Я. О грамоте Козьмы Минина и о потомках сестры его.—„Журнал Нижегор. архив. комиссии". 2-го января 1910 г.

Садовский, А. Я. Одно ли лицо Козьма Минин и Козьма Захарьич Минин-Сухорук.—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XV, в. 9, 1916, с. 3—14.

Сведения о Козьме Минине и его роде.—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, 1912.

Строев, В. Минин и нижегородцы—„Волгарь", 1916, № 129. 13/V.

Д. М. Пожарский

Бекетов, Платон. Князь Пожарский.—В кн.: Бекетов. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, с приложением кратких жизнеописаний.—М. 1821, т. 1, с. 67—125.

Беляев, И. С. Дом князя Дмитрия Михайловича Пожарского на Лубянке.—В кн.: „Старая Москва", 1912. т. 1.

Бутурлин, М. О месте погребения князя Дм. Мих. Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 года.—„Чтения О-ва истории и древн росс.". 1875, кн. IV.

Выпись Нижегородского уезда на землю боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, данную за службу очищения Москвы. Разобрал Звездин.—„Сборник Нижегор. архив. комиссии" т. IV. 1900. с. 3—13.

Вятчане и кн. Д. М. Пожарский.—„Труды Вятской архив. комиссии", в. 8, 1912.

Гациский, А. С. В вотчине князя Пожарского. — „Сборник в память А. С. Гациского", 1897, с. 1—61.

Гациский, А. С. В „Жарах" (Вотчина Пожарского).—„Нижегор. сборник". Под ред. А. С. Гациского. т. X. 1890, с. 35—80.

Гациский, А. С. О местопребывании Д. М. Пожарского в октябре 1611 года.—„Действия Нижегор. архив. комиссии", т. 1, с. 511.

Голубков. П. Биография князя Пожарского.—1852.

Д-в, В. Вотчины и поместья князя Пожарского в пределах Владимирской губернии.—„Владимир. Епарх. ведомости", 1912. № 21, с. 455—463.

Добронравов, В. Род князей Пожарских и Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале.—„Владимир. Епарх. ведомости", 1911, № 13, 14.

Духовский, С. Новая версия о местопребывании кн. Пожарского осенью 1611 г.—„Нижегор. листок", 1911, № 230. 25/VIII.

Звездин, А. И. Из недавней переписки о знамени Пожарского.—„Действия Нижегор. архив. комиссии", т. 1, с. 524—525.

Иванов, П. Дело кн. Бориса Владимировича Лыкова с кн. Дмитрием Михайловичем Пожарским.-В кн.: „Русский исторический сборник", 1838, № 2.

Иванов П. Дело кн. Дмитрия Михайловича Пожарского с Иваном Колтовским.—В кн.: „Русский исторический сборник", 1842, № 5.

Иванов, П. Следственное дело о князе Д. М. Пожарском во время

его пребывания в Пскове.—„Чтения в О-ве истории и древностей российских". 1870, т. I.

Корш, В. Князь Пожарский. Исторический очерк.—газ. „Московские ведомости", 1853, № 7, с. 69—71.

Любомиров, П. Г. Изображение Пожарского в новом списке „Хронографа. 1617".—В кн.: Любомиров, П. Г. „Очерки истории нижегородского ополчения", 1939, с. 307—313.

Любомиров, П. Г. Одна из грамот кн. Пожарского. Этюд из начальной истории нижегородского ополчения.—„Журнал министерства народ. просвещ.", 1912, № 12, с. 225—256.

Малиновский, А. Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском.—М. 1817. 110 с.

Новиков, Н. Н. О доме кн. Дм. Мих. Пожарского в Москве на Лубянке.—„Чтения Моск. о-ва истории и древн. росс.", 1870, кн. 2, с. 169—172.

О знамени князя Д. М. Пожарского.—„Вестник Европы", 1827, № 23.

Парийский.-С. М. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Н.-Новгород, изд. „Нижегор. архив. ком.", 1912.

Погодин, М. П. Исследование о месте погребения князя Дм. Мих. Пожарского.—„Москвитянин", 1852, т. 19, с. 39—80.

Пожарский, Дмитрий Михайлович. — „Русский биографический словарь". 1905. (автор Корсакова В.).

Погодин, М. П. За князя Пожарского.—ж. „Гражданин", 1872, №27, 29.

Погодин М. П. О месте погребения князя Д. М. Пожарского.—„Журнал мин-ва внутр. дел", 1852, ч. 40, № 10.

Пожарский.—„Словарь Гранат", т. 32, автор Покровский, М.

Рудаков. В. Е. Князь Д. М. Пожарский и его усыпальница.—„Историч. вестник", 1912, № 11.

Савелов, Л. М. Князья Пожарские.—М. 1906, 88 с.

Сведения о Дмитрии Михайловиче Пожарском. (Из разных документов.)—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, 1912 с. 528—536.

Смирнов, С. К. Боярин и воевода князь Д. М. Пожарский.—„Отечеств. записки", 1849. т. XVII, № 12, с. 41—411 и отд. издание. М. 1852.

Смирнов, А. О землях князя Пожарского в Клинском уезде. — „Сборник Нижегор. архив. ком.", т. III, 1898, с. 55—57.

Нижегородское народное ополчение 1611—1612 гг. в художественной литературе.[1]

XVII век

Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.—СПБ. 982 с. (Русская историческая библиотека, т. 13).

Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. Памятники литературные XVII века.—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, 1912.

Тураева-Церетели, Е. Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII века.—„Сборник Нижегор. архив. комиссии", т. XI, 1912, с. XX—XXXIII.

Платонов, С. Ф. Древне-русские повести и сказания, как исторический источник.—СПБ. 1913. 474 с.

XVIII век.

1760

Ломоносов, М. Петр Великий. Поэма.—В кн.: Ломоносов. Сочинения, изд. Академии наук, т. 2. 1893.

[1] Настоящий раздел составили Н. Ф. Ржига и А. Н. Свободов.

1776

Херасков, М. М. Россиада. Поэма. Глава XVIII—М. 1779.

1780

Державин. Г. Р. Из поэмы „Пожарский".—В кн.: Державин. Сочинения. 2-ое акад. изд. 1870. т. 3, с. 369—373.

Державин, Г. Р. На гроб Пожарского. Стихи.—В кн.: Державин. Сочинения 2-ое акад. изд. 1870, т. 3, с. 373.

1790

Державин, Г. Р. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского. Ода.—В кн.: Державин. Сочинения. 2-ое акад. изд. 1868, т. 1, с. 223—227.

1794

Державин, Г. Р. На взятие Варшавы. Ода.—В кн.: Державин. Сочинения. 2-ое акад. изд., 1868, т. 1, с. 443—454. (о Пожарском на стр. 454).

Державин, Г. Р. Мой истукан. Стихи.—В кн.: Державин. Сочинения 2-ое акад., изд. 1868, т. 1, с. 421 — 431 (о Пожарском и Минине).

Дмитриев, И. И. Освобождение Москвы. Ода.—В кн.: Дмитриев. Сочинения, 1893, т. 1, с. 178—181.

Ильинский, Н. С. В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину. Стихотворное произведение в духе поэмы.— Н. Новгород. 1794.

1798

Херасков, М. М. Освобожденная Москва. Трагедия в 5 действиях в стихах.—М. 1798, также в кн.: Херасков. Творения, ч. V.

1799

Орлов, Я. В. Разговор с эхом. Стихи.—В кн.: Орлов. Мое отдохновение для отдыху другим, Н. Новгород, 1799.

XIX—XX век.

1802

Карамзин, Н. М. О любви к отечеству и народной гордости. Рассуждение.—В кн.: Карамзин. Сочинения. 3-е изд., М. 1820, т. VII.

1803

Державин, Г. Р. К Скопихину. Ода.—В кн.: Державин. Сочинения, 2-ое акад. изд., т. II.

Львов. П., Храм славы российских героев. Поэма.—СПБ. 1803.

1805

Аристов, И. Патриот. Ода.—В кн.: „Поэты-радищевцы", 1935.

1806

Б-в (Бобров, С.). К патриотам. Стихи.— ж. „Лицей", 1806, ч. IV, кн. 3.

Б-в. (Бобров, С.). Походный бой. Стихи.—ж. „Лицей", 1806, ч. IV, кн. 3.

С. Б. (Бобров, С.). Патриоты и герои везде, всегда и во всяком. Статья—ж. „Лицей", 1806, ч. II, кн. 3.

Державин, Г. Р. Пожарский или освобождение Москвы. Героическое представление в 4 действиях с хорами и речитативами.—В кн.: Державин. Сочинения, СПБ, изд. Н. Ф. Мертца, 1895, т. IV.

1806

Неизвестный. К русским. Стихи.—ж. „Лицей", 1806, ч. IV, кн. 2.

Попугаев, В. К согражданам. Ода.—В кн.: „Поэты-радищевцы", 1935.

1807

Глинка, С. Пожарский и Минин или пожертвования россиян. Поэма.—М. 1807.

Долгоруков, Н. Князю Пожарскому. Ода.—В кн.; Долгоруков. Стихотворения, ч. 1, 3-е. изд.—М. 1817.

Похвальное слово Пожарскому и Козьме Минину. Ораторская речь.—СПБ, 1807. 52 с.

Крюковской, М. Пожарский. Трагедия в 3-х действиях. 3-е изд.—СПБ, 1810. 38 с.

Ростопчин. Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце.—В кн.: Ростопчин. Полное собрание сочинений, изд. Смирдина. 1853.

Серегин, В. Похвальное слово князю Пожарскому и купцу нижненовгородскому Козьме Минину прозвищем Сухорукову—СПБ. 1807.

Шихматов, С. Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия. Лирическая поэма в 3-х песнях.—СПБ, 1807. 70 с.

1808

Глинка. С. Разговор Авраамия Палицына с князем Д. Пожарским в Ярославле о любви к отечеству. Сценка,—ж. „Русский вестник", 1808, № 1.

1809

Глинка, С. Минин. Поэма,—ж. „Русский вестник", 1809, ч. VII.

Глинка, С. Минин. Драма в 3-х действиях.—В кн.: Глинка, С. Сочинения, М., 1817, т. 1, ч. 2.

1811

Дегтярев, С. А. Минин и Пожарский. Оратория. Музыка С. А Дегтярева. Слова Горчакова, Н. Д.—изд. Юргенсона.

1811

Петр I в Нижнем Новгороде у гроба Минина. Стихи неизвестного автора,—ж. „Русский вестник", 1811, № 8.

1812

Глинка, С. Минин. Рассказ,—ж „Русский вестник", 1812, № 6.

Г-в. Д. Чувствования русского по прочтении высочайшего рескрипта. Стихи,—ж. „Вестник Европы, 1812, № 13.

К-в. Военная песнь. Стихи,—ж. „Вестник Европы", 1812. № 13, 17.

Ламанский, И. Чувствования верноподданного. Стихи. — „Русский вестник", 1812, № 10.

Потемкин, С. И. Мои мечтания. Стихи (с примечаниями)—„Чтения в беседе любителей русского слова", 1812, кн. 7.

Шишков, А. Рассуждение о любви к отечеству.—В кн.: Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. IV, 1828.

Иванов, Ф. К российскому дворянству. Стихи.—„Вестник Европы", 1812, № 13.

1813

Висковатов, С. Торжество добродетелей. Поэма.—„Чтения в беседе любителей русского слова", 1813, кн. 10.

Рылеев, К. Любовь к отчизне. Стихи.—„Записки отдела рукописей Всес. библиотеки им. Ленина, в. 3. Декабристы, 1939.

Рылеев, К. Победная песнь героям. Стихи.—В кн.: Рылеев. Полное собрание сочинений, изд. Академии наук, 1934.

Шаликов, К. Песнь к отечеству. Стихи,—ж. „Русский вестник", 1813, № 3.

1814

Петров, Н. Минин и Пожарский или спасенная Россия. Трагедия в 5 действиях.—М. 1820. 68 с.

1816

Боярин князь Д. М. Пожарский и думный дворянин Козьма Захарьич Минин.—В кн.: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе ч. 5.—М. 1816.

Я-де-Санглен, Минин и Пожарский. Драматическая сценка.—„Вестник Европы", 1816, № 19—20.

1818

Воейков. Искусства и науки. Поэма.—„Вестник Европы", 1818 № 11.

Жуковский, В. Послание великой княгине Александре Федоровне.

Стихи к памятнику Минина и Пожарского (без подписи).—„Вестник Европы", 1818, № 5.

Хвостов Ивану Петровичу Мартосу. Ода.—„Журнал древней и новой словесности", 1818, № 7.

1819

Иванчин-Писарев, Н. Минину, похороненному в Нижегородском соборном храме. Эпитафия—„Вестник Европы", 1919, № 10; также в кн. Иванчин-Писарев. Новейшие стихотворения, собранные позднее издания. 1819 г., М., 1828.

Иванчин-Писарев. Н. И. И. Дмитриеву Стихи.—В кн.: Иванчин-Писарев. Сочинения и переводы в стихах. М., 1819.

1820

Волков, А. А. Освобожденная Москва. Поэма в 10 песнях.—„Вестник Европы", 1820, № 12, 2-ое исправл. изд. М., 1825.

1825

Пушкин, А. С. Письмо к Гнедичу. 1825—В кн.: Пушкин. Собрание сочинений. Письма, 1938, т. 6. с. 99 (о Пожарском и Минине).

Пушкин, А. С. Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину.—В кн.: Пушкин. Полное собрание сочинений, 1936, т. V, с. 303.

1827

Ростовцев, Я. Князь Пожарский. Трагедия. Отрывок из 3-го действия.—„Московский Вестник", 1827. ч. IV. № XIV, с. 129—136.

1829

Белинский, В. Г. Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной. Письмо А. И. и Т. И. Ивановым.—В кн.: Белинский. Письма. 1914, т. 1, с. 17—19 (О Минине и Пожарском).

Загоскин, М. Н. Юрий Милославский или русские в 1612 году. Исторический роман в 3 частях.—М. 1882.

Шиховский, А. Юрий Милославский. Романтическое представление в 5-ти сценах. 1820. Переделка для сцены романа Загоскина.

1830

Пушкин, А. С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Статья.—В кн.: Пушкин. Полное собрание сочинений, 1936, т. 6, с. 12 (О Пожарском и Минине).

Полевой, Н. Козьма Минин Сухорук. Ораторская речь.—В кн.: Полевой. Сочинения, М., 1833.

1831

Жуковский, В. А. Русская слава. Стихи.—В кн.: Жуковский. Стихотворения, 1825—1831, т. 2.

Пушкин, А. Бородинская годовщина. Стихи.

1832

Кукольник, Н. Рука всевышнего отечество спасла. Драма в 5 действиях.—В кн.: Кукольник. Сочинения, 1833.

1834

Кюхельбекер, В. Прокофий Ляпунов. Трагедия.—„Литературный современник“, 1838, № 1 и отд. изд. в изд-ве „Сов. писатель“. 1938.

1837

Одоевский, А. На приезд наследника престола в Москву. Стихи.—В кн.: Одоевский. Стихотворения, СПБ, 1883.

1840

Розенгейм, М. П. Памятники. Стихи.—В кн.:Розенгейм. Стихотворения. 7-е изд., СПБ, т. 1, с. 4—8.

Ростопчина. Е. Посещая Московскую оружейную палату. Стихи.—В кн.: Ростопчина. Стихотворения. 1841.

1841

Полевой, М. А. Минин. Драма.—СПБ. 1841. (Указана в кн. Мезнер „Русская словесность“, 1902, ч. 2, № 14426).

1843

Мельников. П. И. Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время—„Отечественные записки“, 1843, т. XXIX.

1843—1867

Герцен, А. (Высказывания о Нижегородском ополчении и его вождях)—В кн.: Герцен. Сочинения, тт. II, VIII, IX, XV, XVI, XVII.

1845

Аксаков, К. С. Пролог. Сцена.—В кн.: Аксаков. Сочинения, 1915,т. 1.

1848

Аксаков, К. С. Освобождение Москвы в 1612 году. Драма в 5 действиях.—М. 1848.

Висковатов, А. В. Минин. Народно-драматическое представление в 2-х действиях.

Глухарев, И. Князь Пожарский и нижегородский гражданин Козьма Минин или освобождение Москвы в 1612 году. Историческое сказание XVII века.—М. 1848.

1852

Добролюбов, Н. А. Мысли при гробе Козьмы Минина. Статья, предназначавшаяся для напечатания в газ. „Нижегор. губ. ведомости“. Рукопись хранится в „Архиве Добролюбова“ Института литературы Академии Наук СССР.

1855

Аксаков, К. Записка о внутреннем состоянии России.

1856

Лавров, И. К памятнику Минина и Пожарского. Стихи—газ. „Нижегор. губ. ведомости“, 1856, № 3.

1857—1858

А. С. Нижегородский гражданин Козьма Минин или освобождение Москвы в 1612 году. Историческое повествование в стихах.—М. 1858.

Добролюбов, Н. А. А. В. Кольцов.—В кн.: Добролюбов. Полное собрание сочинений, 1934, т. 1. (О Минине).

Дюма, А. От Парижа до Астрахани. т. VII.—Брюссель, 1862. (О памятнике Минину и Пожарскому в Москве).

Шевченко, Т. Г. Дневник. (Запись 20 сентября 1857 г. о памятнике Минина и Пожарского в Н. Новгороде).

1862

Островский, А. Н. Козьма Захарьич Минин-Сухорук. Драмати-

ческая хроника в 5-ти действиях. С эпилогом в стихах (1-я редакция).— В кн.: Островский. Сочинения, т. 4, Первая публикация в ж. „Современник", 1862.

1863

Нестроев, Н. Козьма Минин. Исторический рассказ,—ж. „Мирской вестник", 1863, № 2.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Наша общественная жизнь, ж. „Современник", 1863, № 5 (Козьма Сухорук и народ).

1866

Островский, А. Н. Козьма Захарьич Минин-Сухорук (2 редакция) Драматическая хроника.

1867

Бицин, Н. (Павлов, Н. М.). Смута (1608—1612). Народная быль в 5 действиях.—М. 1867.

Баженов, А. Н. Миражи. Стих. шутка,—ж. „Антракт", 1867, № 1.

Извольский, С. Гражданин Минин и князь Пожарский. Освобождение Москвы и отечества в 1612 году. Историческая повесть.—М. 1867.

Минин и Пожарский. Побывальщина. Записана от 70-летней старухи. 1-й раз напечатана в 1867 г.—В кн.: Киреевский. Полное собрание песен, также в „Сборнике Нижегор. архив. комиссии", т. IX.

1868

Калашников, П. Нижегородцы. Опера в 5-ти действиях и 6 картинах. Музыка Направника. Либретто П. Калашникова.—СПБ. 1868.

1880

Успенский, И. И. Нижегородцы. Минин и Пожарский Стихи.— Н. Новгород. 1880.

1881

Навроцкий, А. А. Патриарх Гермоген. Стихи.—В кн.: Навроцкий, Картины минувшего, 1881.

Обольянинов, А. Минин и Пожарский или освобождение Москвы. Историческая драма в 6 картинах. Переделана в 1889 г. „Нижегородцы или освобождение Москвы от поляков".

1882

Львова А. Марина Мнишек. Историческая поэма.—„Русская речь", 1882, № 3—4 отд. изд. 1888.

1883

Обнорский, П. Юрий Милославский. Драма в 5-ти действиях (по роману Загоскина) 1883.

1888

У памятника Козьмы Минина. Стихи. (Без автора)—газ. „Нижегор. Губ. Ведомости", 1888, № 44.

1889

Обольянинов, А. Нижегородцы или освобождение Москвы от поляков 1612 г. Историческая драма в 3-х действиях.

Процек-Зинин, С. За веру и отечество. Народное историческое представление.

1890

Шишкин, В. Пред гробницей Минина. Стихи— „Нижегор. губ. ведомости", 1890, № 3.

1892

Морозов А. П. Юрий Милославский. Драматическое представление в 5-ти действиях (по роману Загоскина). 1892.

1895

Коринфский, А. С нижегородского венца. Стихи. В кн.:— „Побывальщины“, 2-ое изд. 1899.

Горький, М. С Всероссийской выставки (о картине К. Маковского „Минин“)— газ. „Одесские новости“,1896, № 3661. 15 июня, см. также фельетон Горького (Pacatus) „На выставке“—„Нижегор. листок“, 1896, № 159 11/VI.

Горький, М. С Всероссийской выставки (о пьесе Шаховского „Юрий Милославский и Козьма Минин“. К постановке в 1896 г. в Нижегородском выставочном театре).— газ. „Одесские новости“, 1896, № 3735.

Навроцкий, А. А. Козьма Минин. Былина в стихах.— В кн.: Навроцкий. Сказания минувшего, СПБ, 1896, кн. 1.

Шаховский, А. Юрий Милославский и Козьма Минин. Романтическое представление в 5 сценах. 1896.

1897

Марков, В. Лихолетие. Роман —„Приложение к ж. „Свет“. 1897.

1900

Чаев, Н. 1612 год и избрание на царство Михаила Федоровича Романова. Летопись в лицах в 5-ти действиях — М. 1912.

1901

Куклин, Б. Юрий Милославский. Историческая драма в 5-ти действиях и 9 картинах. (По роману Загоскина).— М. 1901.

1902

Навроцкий, А. А. Лихолетье. Драматическая хроника в 5-ти действиях и 10 картинах в стихах.— СПБ. 1910.

1906

Шалковская, В. Юрий Милославский или Смутное время на Руси. Историческая пьеса в 5 действиях и 12 картинах (по роману Загоскина).—М. 1901.

1912

Еллинский, Н. Грозное время на Руси. Повесть в 2-х действиях.

Ипполитов-Иванов (музыка) А. С. (слова) Величание князю Пожарскому и гражданину Минину. В кн. „Юбилейный сборник“, изд. Юргенсона.

Коринфский, А. Патриарх Гермоген. Поэма—В кн.: Коринфский. „Седая старина“, М., 1912.

Любич-Кошуров И. А. Минин и Пожарский. Историческая повесть.

Невская, А. Подвиг Нижнего-Новгорода в Смутное время в России, стих. поэма.— В кн.: Невская. Стихотворения к юбилейным торжествам в 1913 г., Н.-Новгород, 1913.

„Не трубит труба“. Песня народного ополчения.— В кн:. Гартевельд В. Н. 1812 год.

В песнях—М., изд. Тихомирова 1912.

Рука Всевышнего отечество спасла. Историческая повесть (без автора).—М. 1912.

Самойло, Н. Конец Московского лихолетья. Драматическое представление.— СПБ. 1912.

1913

Арменгеймер, И. (музыка), Лебедев (слова). Подвиг Минина в лихолетье. Призвание князя Дмитрия Пожарского. Кантата.—М. 1913.

Жданов, Л. В. В дни Смуты (1610—1613 гг.) Историческая повесть в 3-х частях.—М. 1913.

1937

Толстой, А. Повесть Смутного времени.— В кн.: Толстой. Избранные повести и рассказы, Л., 1937.

1938

Костылев, В. И. Козьма Минин. Глава из романа,— ж. „Горьковская область“, 1938, № 5.

Шкловский, В. Русские в начале XVII века. Повесть,—ж. „Знамя“ 1938, № 1.

Рыленков, Н. 1611 год. Стихи (о Минине),— В кн.: Рыленков, Н. Истоки. стихи. Смоленск 1938.

1939

Аристов, В. Смоленск. Роман.— Смоленск. 1939.

Богданович, Г. Холоп-ополченец (1606—1612). Роман. ч. 1,— М.-Л., Детиздат, 1939.

Петр в Нижегородском соборе. Бывальщина.— В кн.: Боровик и Мирер. Фольклор Горьковской области, Горький, 1939.

Шкловский, В. Минин и Пожарский, Киносценарий. — М.-Л., Госкиноиздат, 1939.

Костылев, В. И. Минин и Пожарский. Рассказ о борьбе русского народа с интервентами-поляками в начале XVII в. Детиздат. 1939.

Костылев, В. Козьма Минин. (Историческая повесть.) Сокращ. вариант.—„Новый мир“, 1939, № 6.

Костылев, В. И. Козьма Минин. Роман.— М.,Гослитиздат, 1939—264.

1940

Шкловский, В. Минин и Пожарский.— М., „Сов. писатель“ 1940.

Костылев, В. Козьма Минин. Повесть.— М., Воен. изд.-во. 1904.

1941

Богданович, Г. Холоп-ополченец (1606—1612). Роман. ч. 2.— М.-Л. изд. „Дет. лит-ра“. 1941.

Костылев, В. И. и Лондон, Т. Козьма Минин (Пьеса в 4 актах и 6 картинах). Сборник к постановке.—Горький, Театрально-производств. комбинат Отдела по делам искусств Исполкома Облсовета. 1941. 16 с.

1942

Марков, С. Козьма Минин Сухорук. Стихи.— „Новый мир“, 1942, № 1—2.

Костылев, В. и Лондон. Т. Козьма Минин. Народная драма в четырех, действиях и шести картинах.—М. Л. „Искусство“. 1942. 127 с.

Барсуков, Н. и Зарубин, А. Минин. Драматическая поэма в 4 действиях, 8 картинах, с эпилогом.—В кн.: „Голос родины“, альманах горьковских писателей, № 3, 1942, с. 5—76.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. М. Добротвор.—Великое дело Минина и Пожарского 3
Ф. В. Чебаевский.—Триумфальное шествие народной рати . . . 16
А. А. Савич.—Освобождение Москвы 32
Д. Н. Смирнов.—Кузьма Минин 42
А. И. Неделин.—Димитрий Пожарский 62
А. Н. Свободов.—Ополчение Минина и Пожарского в русской литературе 71
А. И. Парусов.—Нижегородское ополчение в исторической литературе XX века 89
Н. И. Привалова.—К истории Нижегородского ополчения (Новые документы) 115
Н. Ф. Ржига и А. Н. Свободов.— Библиографический указатель 130

Редактор *Н. М. Добротвор*

Подписано к печати 20/XI—43 г. Печ. л. 9. Зн. в п. л. 40.000. Тираж 400. МЦ 27506.
Заказ № 9002. Полиграф, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

8 руб.